

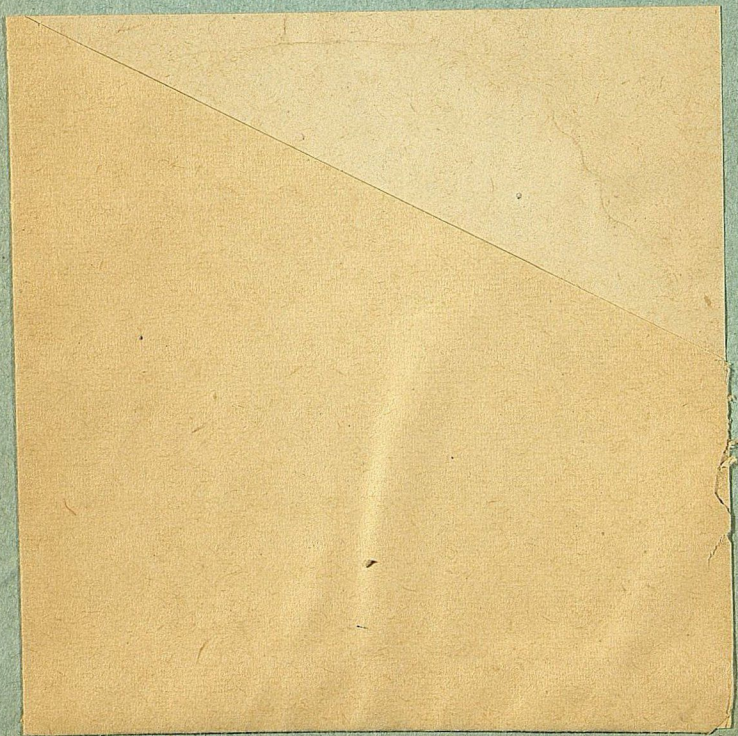
IV

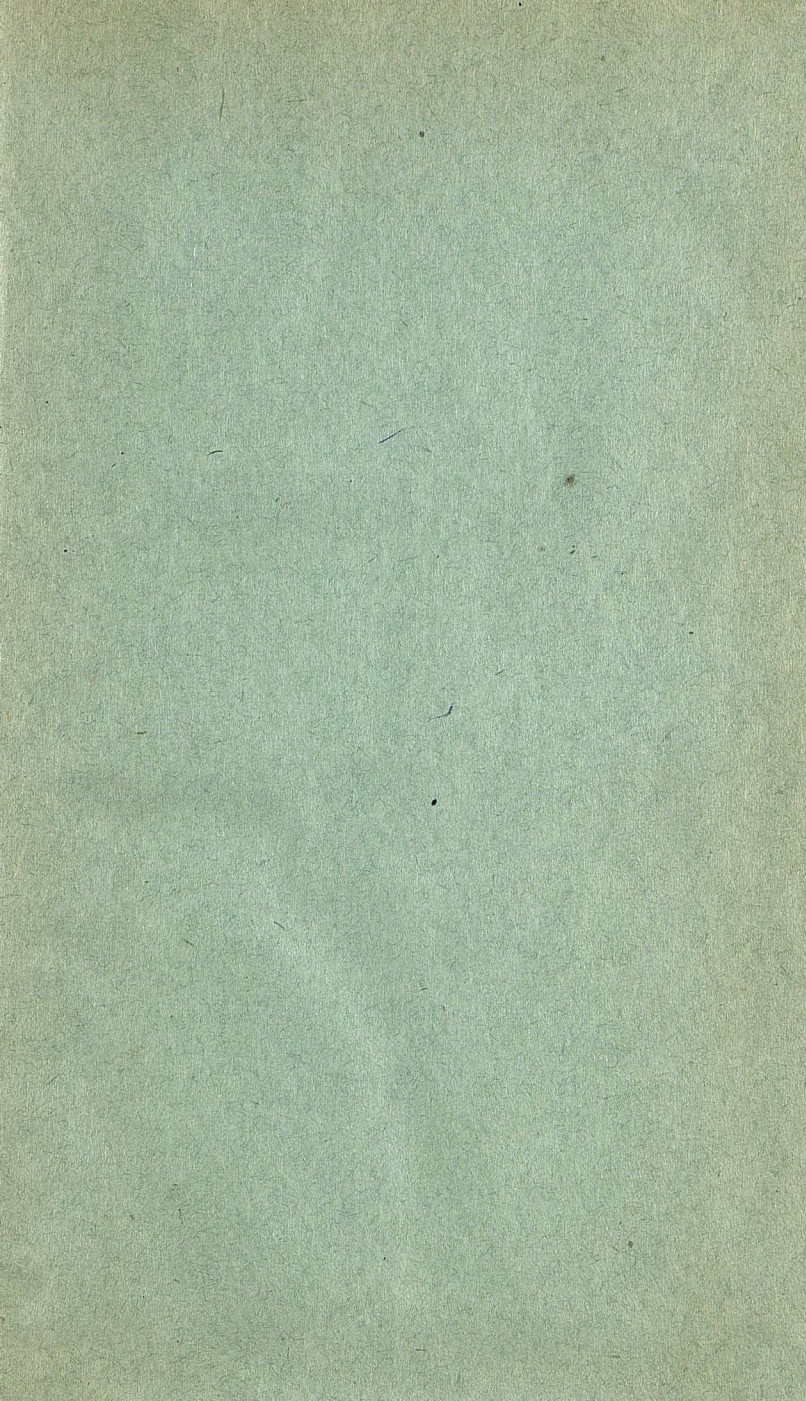
14
21

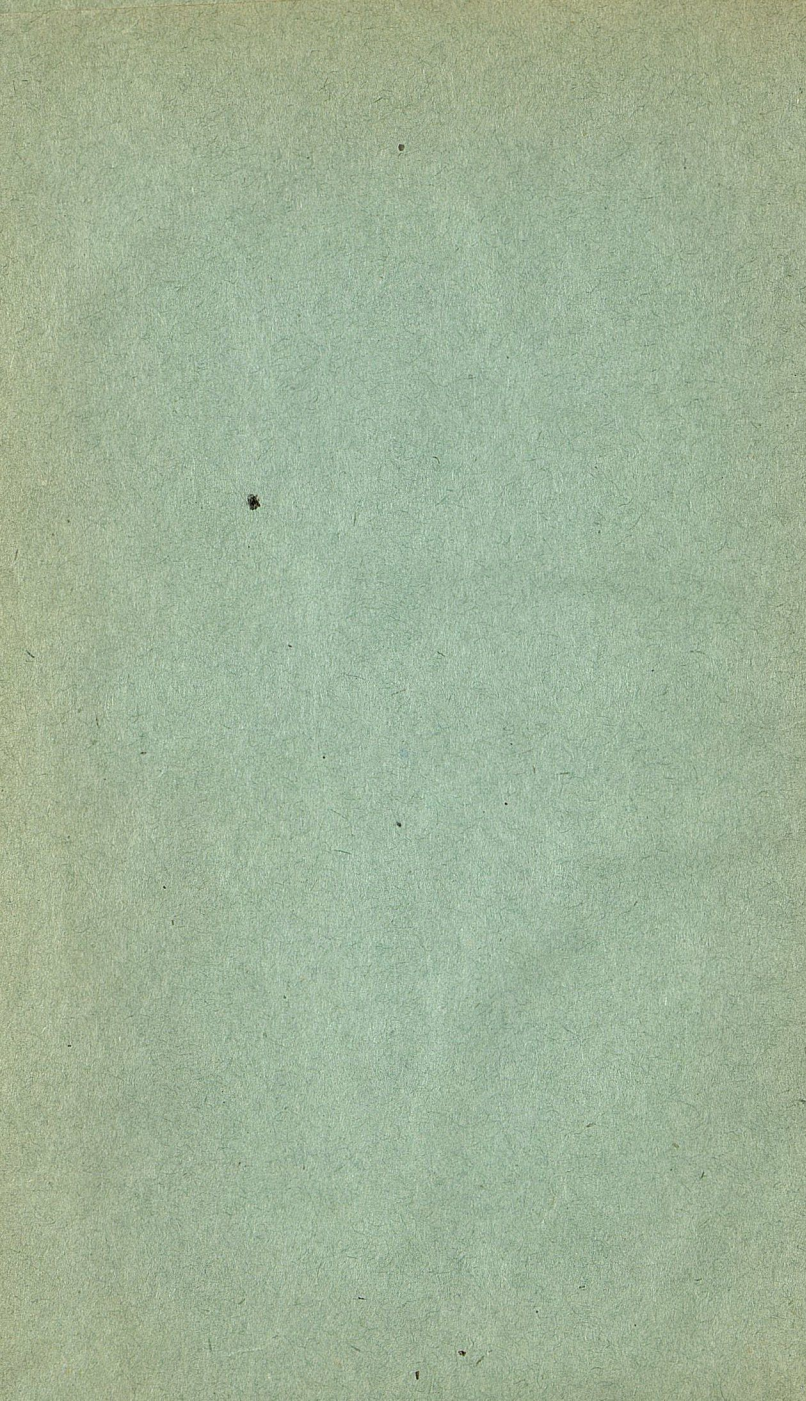
1862

21

I

IV¹⁴
21

802-85
5304-6

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ПОДСИДЪ ИЛИ МЪ

ИЛИ МЪ

ИЛИ МЪ

Отд. ~~III~~ № 1359 Ш.К.
 ОБЩАЯ ШКОЛА
 ЦЕНТРАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

О Д О Б Р Е Н Н Ы Й

ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ

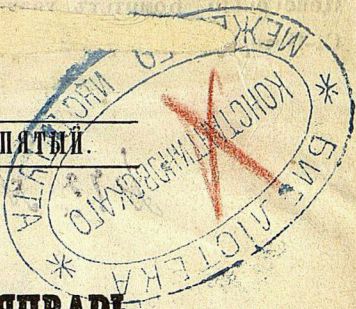
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

Г О Д Ъ П Я Т Ы Й .

№ 1. ЯНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1 8 6 2 .

111X-022-00

905 61225

446

IV 14 / 21

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ _____ 2 экземпляровъ.
С.-Петербургъ.

Ценсоръ С. Лебедевъ.

№ 13 № 1578 №

25
117X-065-06

2518200

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

ПАРАШИНЪ ЛЪСОКЪ, (<i>повѣсть, посвящена молодой</i> <i>Ел. Мих. Клечановской</i>). Ильи Жучка.....	1
РУОБЪ И ЕЯ ДРУЗЬЯ, (<i>съ англійскаго</i>).....	1

~~ЕВАНГ.~~

ПАРАШИНЪ ЛѢСОКЪ.

ПОВѢСТЬ.

(посвящена молодой Ел. Мих. Клечановской).

· I.

День вечерѣль. Косая тѣнь
Ложилась низко и широко,
Завтра праздникъ.....

· И. Аксаковъ.

(изъ поэмы «Бродяга»).

Надя и Варя очень любили свою тетю. Да и мудро было не любить ее: Марья Васильевна замѣняла имъ и мать, и гувернантку, и старшую сестру. Она ихъ ласкала, любила и сама учила ихъ; она съ ними играла, словомъ была ихъ другомъ и товарищемъ. Марья Васильевна была родная сестра отца Нади и Вари—Петра Васильевича.

Когда умерла мать этихъ двухъ дѣвочекъ, онѣ были еще очень маленькія; Надѣ было тогда пять лѣтъ, а Варѣ всего четыре года, такъ-что Варя совсѣмъ не помнила матери; она только не забыла большой залы, посреди которой стоялъ гробъ; было тѣсно, людей было много-много, а тетя была въ какомъ-то страшномъ платьѣ и горько плакала. Надя помнила больше. Она помнила, какъ мама ходила въ сумерки по амфиладѣ комнатъ, заложивъ руки назадъ, какъ онѣ съ Варей, рѣзвясь, прятались къ ней подъ платокъ и отъискивали тамъ ея руки; мать дѣлала видъ будто ихъ ловить, и онѣ съ какимъ-то веселымъ страхомъ отбѣгали прочь. Помнила также Надя и то, какъ мама принимала гостей и заставляла ихъ, дѣвочекъ, присѣдать имъ, а какъ мама была больна, какъ она съ ними прощалась, какъ тетя старалась ихъ развлечь и просила папу, чтобы имъ не дѣлали черныхъ платьевъ, все это Надя могла рассказать въ подробности.

Послѣ смерти жены, отецъ Нади и Вари переѣхалъ съ ними въ деревню, гдѣ онѣ и жили съ своей милой тетей.

Варя была тихая, кроткая; ее всѣ любили, любилъ ее очень отецъ и всегда называлъ милой, доброй дочкой; всѣ знакомые любили Варю и въ лицо хвалили ее; даже у всѣхъ людей она была любимицей, и старый дворецкій Семень всегда ставилъ ее въ примѣръ старшей сестрѣ ея. Ну, тетя кого больше любила? Тетѣ онѣ обѣ были равно дороги, хотя и приходилось ей чаще быть недовольной старшей племянницей, Надею. Но за-то старая няня больше любила

Надю и всегда прятала для нея какую нибудь конфетку или ленточку.

Варю всё считали доброй, послушной дѣвочкой, — Надю строптивой и злой, но неизвѣстно которая изъ нихъ была лучше на самомъ дѣлѣ. Варя была полненькій, бѣленькій, кудрявый ребенокъ, — Надя была смуглая, худая и не очень красивая дѣвочка. Въ то время, съ котораго начинается нашъ разсказъ, Надѣ было девять, Варѣ восемь лѣтъ; тетѣ же ихъ было двадцать лѣтъ. Марья Васильевна была довольно высока ростомъ, волосы у ней были самага чернаго цвѣта; вообще она была не очень хороша собой, но за-то была и умна, и добра; ее всё любили и даже прислуга, когда хвалила Варю, всегда прибавляла, что она вся въ тетеньку уродилась. И въ самомъ дѣлѣ, у Марьи Васильевны были такіе добрые глаза.

Надя и Варя всегда были съ Марьей Васильевной и быть безъ нея не могли. — Одинъ разъ тетя ихъ съ какой-то дамой ѣздила на богомолье дня на три — для дѣвочекъ это было неимовѣрное горе и онѣ до сихъ поръ не могутъ вспомнить, какъ провели это долгое, печальное для нихъ время. Иногда Марья Васильевна говорила имъ, что настанетъ время, когда — какъ ей это ни грустно будетъ — придется имъ разстаться, что она, тетя, выдетъ за мужъ и будетъ жить далеко отъ нихъ.

— Ты и насъ съ собой возьмешь, говорила, ласкаясь къ ней, Варя, которая не могла представить возможности жить безъ тетки.

— Нѣтъ, насъ взять нельзя, папа не отпустить,

говорила задумчиво Надя:—но, тетя, можетъ быть, этого и не будетъ? не-правда-ли—не будетъ? спрашивала она Марью Васильевну, перетягивая ее голову на свою сторону, какъ бы желая, чтобы Варя не ласкала больше тетю. Странная была дѣвочка эта Надя. Она очень хорошо понимала, что въ ссорахъ съ сестрой она сама всегда больше виновата; она знала, что она капризна, и что сестру ея есть за что любить, тогда какъ ее не за что; между тѣмъ ей всегда было больно, когда при ней хвалили Варю.

Она знала, что Варю всѣ любятъ, но она была почему-то увѣрена, что Варя тоже всѣхъ любитъ, тогда какъ она, Надя, всѣхъ любить одинаково не можетъ; и потому, когда Варя стала ласкать тетю, Надѣ пришла мысль—ну, какъ тетя подумаетъ, что Варя ее больше любитъ, чѣмъ Надя?—и она отогнула голову тетки на свою сторону. Варя была въ самомъ дѣлѣ добрая дѣвочка: она съ радостью покупала на деньги, подаренныя отцомъ, ситецъ и шила рубашки бѣднымъ крестьянскимъ дѣтямъ; но ей надо было долго рассказывать почему такъ весело дѣлать добро, Надя же всегда догадывалась скорѣе и часто предупреждала тетю, высказывая желаніе сшить теплую одежду какому нибудь Васѣ, котораго видѣла на дворѣ въ холодный осеній день, одѣтаго въ худое и изодранное платье.—Когда кошка съѣла любимаго Варина чижечка, Варя жалѣла, что ей некому будетъ давать корму. Надя долго не могла забыть, какъ было чижечку больно въ когтяхъ у кошки, и узнавъ объ его смерти, долго плакала, живо воображая окровавленныя

зеленя перушки. Надя училась гораздо лучше Вара и всегда любила растолковывать ей все то, чего эта не понимала.

Нагулявшись вдоволь (это было наканунѣ троицына дня) по рощѣ и саду, который былъ въ полномъ цвѣту, Надя и Варя пили вечерній чай за своимъ маленькимъ столикомъ. Тетя на этотъ разъ не много говорила съ ними, она была занята распечатываніемъ присланныхъ съ почты журналовъ, которые разрѣзывала и перелистывала. Отецъ ходилъ вдоль залы съ длинной трубкой въ рукахъ. Онъ былъ серьезень, какъ всегда, но иногда останавливался передъ дѣтьми и улыбался, глядя на Варю. — Надя старалась обратить и на себя его улыбку; она становилась за кресельцо сестры, желая, чтобы папа и на нее взглянулъ, но отецъ проходилъ мимо и Надѣ дѣлалось какъ-то обидно и больно.

— Дѣти, Звѣздочка и *Dimanche des enfants*, проговорила Марья Васильевна, срывая пакетъ съ свѣжей тоненькой книги въ желтой оберткѣ. Надя мигомъ очутилась возлѣ тетки и почти вырвала изъ рукъ ея *Dimanche des enfants*. «И картинка какая хорошенькая, посмотри Варя!» прибавила она, пожирая глазами гравюрку, на которой была изображена принцесса Клотильда, раздающая бѣднымъ хлѣбы. «А этотъ бѣдный старикъ—онъ съ тремя дѣтьми и руки у него нѣтъ,» говорила Надя.

— Что же ты, Варя, не посмотришь хорошей картинки, сказалъ Петръ Васильевичъ, видя, что Варя проворно допивала чай и хваталась одной рукой за

куклу.—Я сейчас, папа, отвѣтила она, но надо Розалию спрятать въ кроватку.

— Мнѣ удивительно, что ты сама не интересуешься новой книгой; посмотри, какъ Надя любитъ книги,—оттого она и учится хорошо.

Варя подбѣжала къ сестрѣ, посмотрѣла на картинку и, сказавъ—славная картинка, пошла укладывать куклу. Надя знала и безъ того, что учится хорошо и ни для чего другого, какъ только для того, что ей хочется хорошо учиться, что она любитъ учиться, и ей какъ-то неловко стало, что отецъ хвалилъ ее за то, что она любитъ книги.—Да какъ же ихъ не любить, подумала она:—но вѣдь папа сказалъ это для того, чтобы мнѣ доставить какое нибудь удовольствіе, опять подумала она и, положивъ французскій журналъ, стала просить тетю отдать ей «Звѣздочку», которую Марья Васильевна между тѣмъ перелистывала;—терпѣнія у Нади не достало и она вырвала книгу изъ рукъ тетки. Марья Васильевна между тѣмъ посмотрѣла на нее съ упрекомъ, но не сказала ничего, потому что при папѣ Марья Васильевна не любила дѣлать замѣчанія дѣтямъ; она ничего дурного, сдѣланнаго ими, не забывала—и всегда старалась, когда была съ ними наединѣ, довести ихъ до того, чтобы онѣ сознали свою вину. Надя почти не замѣтила взгляда тетки и съ жадностью смотрѣла въ оглавленіи: есть ли продолженіе разсказа о двухъ маленькихъ дѣвочкахъ, дочеряхъ лорда, изъ которыхъ одну она такъ любила. Но отецъ видѣлъ, какъ она вырвала книгу, и, подзавъ ее, сталъ говорить ей, что стыдно такъ обра-

щаться съ тетей, что тетя слишкомъ кротка; другая бы непременно наказала Надю, и что онъ въ другой разъ не оставитъ безъ наказанія такого поступка. Надя оторвала глаза отъ книги, наморщила лобъ и думала про себя: что я за несчастная! мнѣ минутки нельзя быть веселой; опять началось! — Да развѣ я это сдѣлала? Я право ничего не сдѣлала, папа, сказала она отцу. Тетка перемѣнилась въ лицѣ, подошла къ брату и что-то тихо шепнула ему. — «Это бы еще ничего, отвѣчалъ ей Петръ Васильевичъ:—но за чѣмъ она отговаривается.» Потомъ, пройдя раза два по комнатѣ, онъ проговорилъ:—Варя! иди со мной простаться,—и ты тоже, Надя, я васъ больше не увижу—иду къ себѣ. Маша, не забудь принести мнѣ «Современникъ», сказалъ онъ, цѣлуя руку сестры.

Варя между тѣмъ уже стояла возлѣ отца, дожидаясь его поцѣлуя и благословенія; немного поодаль стояла Надя; она какъ бы чувствовала себя виноватой и насилу подошла къ отцу.—Когда ты, право, будешь утѣшать меня своимъ характеромъ? сказалъ онъ, поцѣловавъ ее въ лобъ.—Когда онъ ушелъ, было уже поздно, и лишь только дождалась тетя, что няня, Максимовна, кончила чай,—сейчасъ же отпустила спать своихъ дѣточекъ—голубяточекъ, какъ она иногда называла Надю съ Варей.—Тетя, будешь намъ завтра про Жоржа рассказывать? спросила Варя, глазки которой уже совсѣмъ слипались.

— Буду, буду, птичка моя, отвѣчала Марья Васильевна, поцѣловавъ еще нѣсколько разъ Варю въ бѣлую и пухлую шейку.

Тетя была что-то задумчива; она завернулась въ платокъ и вышла на балконъ. Надѣ показалось, что Марья Васильевнѣ грустно и она, тихо взбираясь по лѣстницѣ, вслѣдъ за полусонной Варей и освѣщавшей путь, со свѣчкой въ одной рукѣ и чулкомъ въ другой, няней,—думала, о чемъ бы могла грустить тетя.

Прошелъ часъ. Марья Васильевна, подышавъ весеннимъ воздухомъ, вернулась въ залу и при свѣтѣ лампы перечитывала все какое-то письмо. Потомъ оглянулась кругомъ. — «Да вѣдь я забыла, проговорила она шопотомъ:—вѣдь онѣ давно спятъ: пойти перекрестить ихъ.»

И въ самомъ дѣлѣ, Варя сладко спала, но не спалось старшей сестрѣ ея, Надѣ.

II.

«Только въ небѣ звѣздочки
Не смыкають глазъ—
Смотрять, спятъ ли дѣточки,
Мирно-ль все у насъ..»

Когда дѣти вошли въ свою комнату и няня, поставивъ свѣчу на комодъ, поспѣшно начала опрашивать постели, Варя подошла близко къ кіоту съ образами, хотѣла начать молитву, но облокотившись на столикъ, задремала. Надя все думала о тетѣ.—Зачѣмъ, спросила она сама себя,—зачѣмъ этотъ женихъ къ ней не ѣдетъ? зачѣмъ она сама къ нему не ѣдетъ, когда она его такъ любитъ? Но вѣдь тетя бѣдная, у ней денегъ

нѣтъ; — да развѣ много надо на это денегъ?.. а можетъ быть, ей насъ оставить жалко; конечно, развѣ мы можемъ жить безъ нея? А отчего же въ самомъ дѣлѣ мы не можемъ жить безъ тети? Нѣтъ, пускай лучше женихъ сюда пріѣдетъ и будетъ любить насъ, а мы — его; тетя сказала, что онъ намъ будетъ дядей, — онъ такой, должно быть, добрый; я помню его хорошо. Миѣ кажется, что и лицомъ онъ похожъ на тетю. — Но такія мысли Нади перебила няня.

— Ну, что стали обѣ! поскорѣй молитесь Богу, да и на покой, а ты, моя сѣвушка, ужь и такъ дремлешь, — скоро проговорила Моксимовна, отнявъ локти Вари отъ стола. — Помолись немножко — Отче, Богородицу, да ангелу хранителю поклончикъ, да и довольно.

— А еще за папу, тетю, Надю? — лѣниво, не разводя глазъ, спросила полудремавшая Варя.

— Ну, чтожь, ну, и за папу, говорила няня и знакомъ показала Надѣ, чтобы та читала молитву. Надя повиновалась и довольно внятно прочла всѣ обычныя молитвы. Няня подняла, задремавшую на полу, Варю, принесла ее къ постелѣ и проворно начала раздѣвать.

— Ложитесь, почивайте, Христось съ вами! завтра поѣдемъ къ обѣднѣ: — большой, великій праздникъ, — зеленю церковь уберутъ, букетики нарвемъ, — приговаривала Максимовна, но Варя уже не слыхала; она крѣпко спала, прижавшись къ краю подушки. Няня поправила ей голову, накрыла одѣяльцемъ, поцѣловала, перекрестила и отошла раздѣвать Надю.

— Няня, ты надѣнешь завтра твой зеленый пла-

токъ, что тебѣ мама подарила, и бѣлое батистъ-декосовое платье?—спросила Надя.

— Да, дѣточка моя, а церковь-то какъ уберется зеленою во славу Господню, и на колѣни три раза становиться будутъ—Духа Господня просить.—Грѣшница,—люблю этотъ весенній праздничекъ,—говорила Максимовна, взявъ въ руки снятое Надей платье.

— Ну, ложись, ложись, моя сироточка, нелюбимочка,—нянька старая только любитъ тебя, продолжала она, покрывая Надю одѣяломъ, цѣлуя и крестя ее:—а я свѣчку-то возьму; я вотъ тутъ рядышкомъ, въ своей коморочкѣ, буду,—надо изготовить что надѣть въ Божій праздничекъ.

Надя привыкла, что няня зоветъ ее нелюбимочкой, но она не вполнѣ соглашалась съ ней, а никогда ей на это не возражала. Няня унесла свѣчку, Надя завернулась съ головой въ одѣяло,—какъ вдругъ ей вспомнилось, что она сегодня день провела хорошо, только вечеромъ отецъ былъ немного недоволенъ, но это еще ничего.—Ну, а вчера?.. вчера я разорвала тетрадь за то, что грозили оставить меня безъ обѣда, за ссору съ Варей;—въ этой ссорѣ и Варя была виновата, но Варя сейчасъ смолчить, послушается, попроситъ прощенья, а я готова цѣлый день говорить и кричать, что я не виновата; чтожь, въ самомъ дѣлѣ, если мнѣ кажется, что я не Богъ знаетъ какъ виновата?.. Я не могу удержать себя, я дурная, я злая... нѣтъ, я не злая... сказала она въ слухъ, приподнявшись съ подушки и сѣвъ на постелѣ:—но зачѣмъ я такъ всѣхъ люблю, а меня не любятъ? Господи, по-

моги мнѣ молчать, когда велѣть молчать, сказала она сквозь слезы, снова уткнувшись головой въ подушки:— Зачѣмъ меня стыдятъ и за столомъ велѣть Семену брать мою тарелку прочь,—продолжала думать Надя и она повернулась на спину, а одѣяло совсѣмъ сбилося къ ногамъ ея.—«Тогда я начинаю кричать, потому что стыдъ душитъ меня, меня уносятъ въ мою комнату,—папа не говоритъ со мной, тетя плачетъ и усовѣщиваетъ меня, заставляетъ просить у папа прощенья,—но чѣмъ я тутъ виновата? развѣ я хотѣла закричать—мнѣ вотъ тутъ больно!»—и дѣвочка терла себѣ горло, и слезы текли изъ глазъ ея.

Когда она выплакалась, то спать ей уже не хотѣлось, она почти сидѣла на постелькѣ своей, грусть пропала, ей стало опять весело, легко, и она разглядывала свою комнату, смотря во всѣ глаза. Дѣтская Нади и Вари была довольно узкая, но очень высокая комната. Противъ постели Нади было большое окно, завѣшенное старымъ няининымъ платкомъ, который въ одномъ мѣстѣ прорвался, такъ-что одна яркая звѣздочка сквозь изорванное мѣсто глядѣла прямо на Надю. Надя не вдругъ разглядѣла ее.—Потомъ замѣчала она, какъ удлиняются и снова дѣлаются маленькими спинки кресель—тутъ она какъ-то смутно вспомнила когда-то читанную сказку о волшебномъ фонарѣ, и ей показалось, что она въ немъ и что сейчасъ же увидитъ садъ, музыку, волшебника и идущаго за нимъ со страхомъ по высокимъ и темнымъ лѣстницамъ очарованнаго мальчика; ей самой сдѣлалось немного страшно,—она обернулась назадъ: нагорѣвшая

свѣтильня лампадки трещала, то вспыхивая, то угасая, и золотые образа на мгновеніе озарялись и снова покрывались тѣнью, какъ будто черной дымкой;— изъ-за комода виднѣлся свѣтъ изъ няниной комнаты и слышно было, какъ старушка хлопнула крышкой сундука и стукнула ножницами.

— Няня не знаетъ, что мнѣ такъ страшно и такъ хорошо, подумала Надя:— и пусть ее не знаетъ. Она пристально посмотрѣла на освѣщавшійся и омрачавшійся кивотъ. Вдругъ въ комнатѣ сдѣлалось свѣтло, лампадка вспыхнула, ликъ Казанской Богоматери, къ которому няня ихъ часто заставляла прикладываться, — озарился. Надя увидѣла знакомое изображеніе наклоненной къ младенцу головы — но вдругъ, силясь вспыхнуть еще нѣсколько разъ, лампада стала тухнуть, пламя исчезло и Надя любовалась, какъ маленькая свѣтящаяся точка дѣлалась все меньше и меньше и наконецъ и она пропала безъ слѣда.

Отворотивъ голову отъ кіота, Надя увидала, что въ комнатѣ, вмѣсто пріятнаго полусвѣта, сдѣлалась непроницаемая темнота; ей становилось досадно; но вдругъ предметы стали нѣсколько видны, она различала окошко и нянинъ платокъ, изъ-за котораго хорошенькая звѣздочка бросала на нее свой лучъ. Надя очень любила звѣздное небо и всегда спорила съ тетей, что лучше, когда звѣздъ много, а не тогда, когда одна одиухонько виднѣется, посреди неба, полная луна, — но тетя больше любила луну и всегда ходила любоваться ею. На этотъ разъ Надя обрадовалась звѣздочкѣ, какъ самому лучшему другу, который за-

мѣнилъ ей своимъ серебристымъ лучомъ лихорадочный свѣтъ лампы. Надя повернулась бокомъ къ окну, облокотилась на подушку и, кажется, впивалась глазами въ звѣзду.

«Эта та самая, моя любимая звѣздочка... какъ бишь тетя ее называла?—Я ее такъ люблю. Милая моя звѣздочка, мнѣ тебѣ хочется что-то сказать.» И Надя стала на колѣни и хотѣла въ самомъ дѣлѣ что-то сказать звѣздочкѣ; сердце у ней билось сильно, и начала было она декламировать какіе-то хорошіе русскіе стихи, которые она особенно любила, но вдругъ пришло ей на память стихотвореніе, недавно выученное ею къ уроку. Это были довольно миленькіе французскіе стихи къ капризному ребенку.—Надя вспомнила слѣдующій куплетъ:

Vois comme ta soeur est gentille;
Elle dort dans son petit lit,
Sage et bonne petite fille,
L'étoile du ciel lui sourit,
Tandis qu'elle ne t'aime guère
Et semble fuir loin de tes yeux.

Это очень близко подходило къ Надѣ, которая до сихъ поръ еще не спитъ, тогда какъ Варя въ одну минуту заснула.—«Неужели, я и въ томъ виновата, что мнѣ не спится? Вѣдь и котъ толстый спитъ и не думаетъ о звѣздочкѣ; неужели онъ лучше меня? Эта пѣсня не идетъ ко мнѣ,—это вѣдь баюкальная», успокоила наконецъ себя Надя.

Въ это время послышался шорохъ на лѣстницѣ.

«Это тетя идетъ», подумала Наля и проворно вернулась въ одѣяло; ей не хотѣлось, чтобы тетя видѣла, что она еще не спитъ.

Марья Васильевна вошла со свѣчкой въ дѣтскую, поправила лампадку, перекрестила кровати племянницъ, поправила совсѣмъ сбившееся одѣяло Вари и тихимъ шагомъ прошла въ комнату няни. Когда тетя приблизилась, Наля притаила дыханіе подъ одѣяломъ, когда тетя ушла, Наля снова раскрылась — изъ-за двери доходилъ до нея разговоръ Марьи Васильевны и Максимовны.

— Ну, что, няня, спросила Марья Васильевна:— и ты получила письмо отъ Степана?

— Пишетъ, родная, пишетъ — здоровъ и хозяйинъ имъ ужасъ какъ доволенъ,—на самое хозяйку двѣ пары башмаковъ сшилъ; ужь такой Господь талантъ далъ, и мать не забываетъ—спаси его Господи!

— Няня, кто тебѣ читалъ письмо?

— Семень, матушка. Да, прости Господи, ничего не разберешь у него. Ужь коли милость будетъ, такъ прочтите, сударыня.

— Съ радостью, няня. Что, дѣти хорошо легли?

— Варичка-то сейчасъ заснула, (Надя стала прислушиваться)—а Надинька-то все что-то долго ворочалась: ну, ужь я и не входила. Думаю,—хуже разговорится; теперь, никакъ, и заснула.

— Да, она спитъ, сказала Марья Васильевна.

Надя не вытерпѣла—она никогда не могла скрыть правды, и хотя она и притаилась, когда вошла тетя, но сдѣлала это безсознательно, или потому, что не

хотѣла беспокоить тети,—но тутъ, кода при ней заговорили, что она спитъ—она громко закричала: тетя, няня! я совсѣмъ не сплю! Обѣ женщины вошли въ дѣтскую и спросили, не больна ли она? она имъ ничего не сказала,—только, обнявъ тетю крѣпко, она тихо спросила—ты всегда будешь мною довольна, не правда ли?

— Я и такъ тобой довольна, дружочекъ мой; спи, завтра надо къ обѣдни рано вставать.—Прощай, тетя, сказала Надя и притихла—ей уже хотѣлось спать.

— Завтра Троицынъ день, какъ весело, и всѣ будутъ веселы, и папа тоже, засыпая, думала Надя.

Изъ сосѣдней комнаты слышался голосъ Марьи Васильевны, читавшей нянѣ письмо ея сына.—Надя съ закрытыми глазами все еще видѣла и звѣздочку и мерцаніе лампадки.—*Tandis qu'elle ne t'aime guerre—et sembe fuir loin de tes yeux*, шепталъ ей кто-то надъ ухомъ—«и дядинькѣ Петру Фадѣичу кланяюсь усердно» читала Марья Васильевна. Все въ головѣ у Нади смѣшивалось, сверху что-то стало будто сыпаться ей на голову и она сладко заснула.

Марья Васильевна, прочитавъ нянѣ письмо ея сына, который былъ въ Москвѣ башмачникомъ, и пожелавъ ей доброй ночи, пошла къ себѣ внизъ. Максимовна свѣтила ей съ лѣстницы.

— Отчего, няня, Надя не спитъ долго?

— Ужъ очень заучили, матушка, проговорила няня:—да ужъ и умна-то она, моя сударынька, все какъ по книжкѣ читаетъ, больно умна!

Марья Васильевна ничего не сказала, а только

улыбнулась. «Въ самомъ дѣлѣ, думала про себя тет-ка:—зачѣмъ Нядю иногда наказываетъ братъ—это, я думаю, раздражаетъ ее; впрочемъ вѣдь иногда она черезъ чуръ рѣзка въ своихъ дѣйствіяхъ и заносчива, да и не всегда сознается въ винѣ своей. Иной разъ ей кажется, что она совершенно права, а всѣ видятъ, что она виновата.—А можетъ быть, она и въ самомъ дѣлѣ не такъ виновата, какъ мы думаемъ;—она милая, славная дѣвочка.»

Съ такими мыслями Марья Васильевна пришла въ свою комнату.

Прошелъ еще часъ—и все въ домѣ спало крѣпкимъ сномъ: спала и Марья Васильевна, спалъ въ своемъ кабинетѣ и братъ ея. Одна няня еще возилась въ своей каморкѣ, безпрестанно повторяя: Господи Іисусе Христе, помилуй насъ грѣшныхъ.

Приближалась полночь.

Тихая, спокойная ночь на все наложила тишину. Спали люди, спали животныя, спали и птички въ своихъ высокихъ гнѣздышкахъ. Самая сирень, только что распустившаяся, и почти отцвѣтшая черемуха были погружены въ дремоту. Одинъ только сверчокъ кричалъ пронзительно, но и его голосъ замиралъ въ ночной тишинѣ.

Разъ прокричали пѣтухи и снова замолкли и, когда они замолкли, то тишина сдѣлалась еще безмолвнѣе. Теплота весенней ночи навѣвала сладкій сонъ на жителей деревни. Все спало, даже и соловья не было слышно. Сладко спалось и Надѣ—она видѣла во снѣ

такіе большіе бѣлые цвѣты, и качалась на вѣтвяхъ густой лиловой сирени.

Варя тоже спала сладко, ей грезилась ея кукла Розалія, грезилось ей, что грядка, которую она вчера засѣвала, покрылась большой и густой зеленью, тогда какъ Надина грядка была совсѣмъ голая. — А ночь все летѣла да летѣла и нѣкоторыя звѣзды стали невидимы. Наконецъ появилась утренняя звѣзда, пѣтухи изъ разныхъ мѣстъ стали подавать свои голоса и проснувшійся соловушко — возвѣстилъ радостный день музыкальной, праздничной пѣсней.

III.

«Заснувъ надъ берегомъ рѣки,
Чернѣютъ утки, какъ комки, —
Но видно имъ покушать время —
Привстали — поплыли гурьбой —
Кувыркъ и ногъ утиныхъ строй
Стоитъ недвижно подъ водой.»

Некрасовъ.

Въ четырехъ верстахъ отъ Ясновки, села, въ которомъ жили Надя и Варя, было другое село — Красавка. Вѣроятно, деревня эта получила названіе свое отъ красивой мѣстности. Самая деревня стояла на крутой горѣ; подъ горою текъ широкій, быстрый Хоперь; — за рѣкою виднѣлись кусты и луга на необъятномъ пространствѣ; но кустарникъ дѣлалъ только первый уступъ; еще дальше возвышались, дѣлая вторую сту-

2518 200

пень, безчисленные холмики, между ними пестрѣли небольшія купы деревьевъ. Еще дальше и еще выше холмиковъ тянулася длинной, темной полосой довольно густой лѣсъ. Но это еще не все. Горизонтъ былъ такъ обширенъ, что и за лѣсомъ были видны какія-то отдаленныя горы.

Между ближними къ рѣкѣ кустами и самой рѣкой шли, понижаясь, самые роскошныя луга,—они также шли уступами и, подходя къ Хопру, казалось, сливались съ его водами:—такъ берегъ Хопра былъ низокъ.

Но и это еще не все. Стоило стать противъ теченія Хопра такъ, что необъятный горизонтъ былъ бы съ правой руки,—и можно было увидеть крутыя горы, страшныя овраги. Верхушки горъ были плотно покрыты густой чащею. Между двухъ изъ этихъ горъ было ущелье, въ которомъ билъ родникъ, считавшійся святымъ. Надъ родникомъ была выстроена часовня и въ ней чудотворный образъ. Чтобы пройти въ эту часовню, надо было спуститься съ горы по каменнымъ ступенямъ продѣланной въ ней лѣстницы. Возлѣ этой часовни была выстроена избушка. Въ этой избушкѣ жили двѣ безродныя старушки, у которыхъ хранился ключъ отъ часовни. Онѣ получали отъ церкви содержаніе, имѣли коровку, пять овецъ и большую горную собаку, которая звалась Убойкой.

И такъ, если плыть вверхъ по теченію Хопра, то на лѣвую руку отъ насъ будетъ необъятный горизонтъ, а на право мы увидимъ крутыя, близко придвинувшіяся къ рѣкѣ горы, между которыми находится и упомянутая выше часовня съ родникомъ. Горы смѣняютъ

ся наконецъ пространной горой, на которой помѣщаетъ Красавка.

Красавка расположена такъ: рядъ хорошихъ, крытыхъ соломой избъ, идетъ немного въ косвенномъ направленіи и, поворачивая, образуетъ другую улицу. За деревней, на крайнемъ углу горы, выстроена господская усадьба. Въ ней большой бѣлый домъ и каменная бѣлая же церковь. Отъ дома къ Хопру спускается тѣнистый густой садъ,—за церковью строеніа для дворни, за которыми гора начинаетъ понижаться.— По спуску горы идутъ огороды,—на право отъ огородовъ гора переходитъ въ равнину, покрытую рѣдкимъ лѣскомъ. Тутъ устроена помѣщичья пасѣка. Не подалеку отъ пасѣки, на отлогости горы, выстроенъ барскій птичникъ. Мѣсто между пасѣкой и птичникомъ очень живописно: сперва около птичника нѣсколько березокъ. При концѣ горы поставленъ плетень, для того, чтобы птица не могла пройти въ равнину, по которой она могла бы разбѣжаться по всѣмъ сторонамъ, и тогда уже деревенскимъ дѣвочкамъ, приходившимъ поочередно стеречь птицу, не было бы никакой возможности загнать во дворъ всѣхъ куръ, цесарокъ, индюшекъ и безчисленныхъ цыплятъ.— На лѣво виднѣлось гумно; поперекъ горы, какъ уже было сказано, шли огороды дворовыхъ;—огороды были окопаны канавой,—ниже канавы, шла, поросшая съ одной стороны крапивой, съ другой толстымъ многолѣтнимъ репейникомъ, дорожка, огибавшая гору съ задней ея стороны вплоть до Хопра. Когда ледъ пропадалъ, съ самой ранней весны, каждое утро по этой

дорожкѣ проходили изъ птичника гуси, стройно и всегда въ одномъ порядкѣ, старшіе впереди,—и по этой же дорожкѣ возвращались они домой. Нельзя перечсть сколько поколѣній переходило этой дорожкой изъ птичника къ Хопру, если взять во вниманіе, что птичникъ стоитъ на этомъ мѣстѣ болѣе тридцати лѣтъ. И эти—то старые, большіе гуси ходили по этой дорожкѣ вслѣдъ за своими отцами, когда они были маленькіе, зеленые,—только что вылупившіеся гусенята. Тутъ они ходятъ всю жизнь свою до тѣхъ поръ, пока кухонный ножъ не снесетъ ихъ, неповинной ни въ чемъ, головы,—тутъ ходили ихъ отцы и дѣды и будутъ вѣроятно ходить внуки и правнуки—отъ самой ранней весны—до той поры, когда по словамъ нашего великаго поэта (*)

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользить и падаетъ.....

Прежде, чѣмъ перейти намъ отъ птичника къ насѣдкѣ,—остановимся на обитателяхъ птичника. Благо, дѣло дошло до гусей, такъ скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ, чьи предки Римъ спасли.

Гордые герои одной изъ лучшихъ басенъ нашего народнаго баснописца Крылова никогда не подвергались стыду быть гонимыми предлинной хвостиною.

(*) Пушкина, «Евгеній Онегинъ».

Напротивъ того, они пользовались большою свободою на птичникѣ села Красавки; очереднымъ дѣвочкамъ было столько хлопотъ съ курами, утками, индѣйками, цесарками, что до гусей онѣ вовсе не касались. — Кличъ: тега, тега, никогда не былъ слышенъ. Развѣ только иногда какая нибудь очередная шалунья подзывала возвращавшихся по знакомой тропинкѣ, съ рѣки за кормомъ на птичникъ, — гусей и дразнила ихъ, любуясь, какъ громко они вскрикивали, изгибали шею, какъ бы желая щипать траву, а между тѣмъ начинали шипѣть, и красные ихъ клювы были близко дѣвочки, но она махала на нихъ паневою и они снова гоготали громко, и гордо выпрямляя шею, тяжелымъ, но ускореннымъ шагомъ уходили отъ шалуньи прочь. Предоставленные сами себѣ, гуси никогда не разбѣгались. Четырьмя партіями ходили они на рѣку, и часто оставались ночевать на берегу Хопра. Раза три въ сутки они приходили на птичникъ и ѣли тамъ кормъ; остальное время дня питались зеленой травкой, которая такъ густо устилаетъ низкій берегъ Хопра. — Утки тоже проводили большую часть дня на рѣкѣ, но подъ вечеръ ихъ непременно одна изъ чередовыхъ крестьяночекъ предлинной хвостистой загоняла домой; ихъ случалось и выгонять изъ птичника на знакомую намъ дорожку, по которой онѣ, перекачиваясь, тихимъ мелкимъ шагомъ спускались къ Хопру и, поворотивъ на право, проходили мимо того мѣста, гдѣ обыкновенно входили въ воду гуси; утки избирали себѣ мѣсто самое удобное, гдѣ вода, покрывавшая тину возлѣ са-

мой окраины берега, омачивала нѣсколько и береговую траву.

Индѣйки, когда обзаводились индюшатами, подобно курамъ и цесаркамъ, почти никогда не выходили съ птичьяго двора. Подъ осень ихъ гоняли на гумно и снова загоняли въ птичникъ,—словомъ, безъ надзора онѣ никогда не оставались.—Куры и цесарки стереглись еще съ большею тщательностью, и если случалось какой нибудь изъ нихъ выбѣжать за околицу птичьяго двора, то увидавшая это дѣвочка бѣгала, что ни есть мочи, до тѣхъ поръ, пока не успѣвала поймать бѣглянку. Но весной, когда появлялись день за днемъ во множествѣ пискливые цыплята, надо было видѣть, съ какой заботливостью глава птичьяго племени и хозяйка птичника, Настасья, смотрѣла за безчисленными выводками, пересчитывала ихъ, кормила, выгоняла гулять съ насѣдками и снова загоняла въ избу свою, если грозилъ дождикъ и дулъ слишкомъ сильный вѣтеръ. Часто днемъ можно было застать Настасью за веретеномъ въ довольно просторной избѣ—посреди нѣсколькихъ сотъ цыплятъ, изъ которыхъ каждый кричалъ такъ пронзительно, что у непривыкшаго могла заболѣть голова, но Настасья привыкла и къ этому и, казалось, страшный пискъ нисколько не мѣшалъ ей: она только изрѣдка посматривала на дверь, не отворилась ли она и не ушли ли всѣ облѣпившіе порогъ цыплята.

Кромѣ названныхъ птицъ жилъ на птичьемъ дворѣ старый павлинъ и сыночекъ Настасьи, шестилѣтній Пронька.

Павлинь былъ очень дикъ, близко не подпускалъ къ себѣ человѣка и большую часть времени проводилъ на крышѣ Настасьиной клѣти. Дикость его не мѣшала ему впрочемъ распускать свой великолѣпный хвостъ, на которомъ всѣ перушки были съ глазками, какъ выражались чередныя помощницы Настасьи. Пронька былъ тоже очень дикъ; онъ почти ни къ кому не подходилъ, никому не отвѣчалъ, онъ только громко кричалъ ну-у-у-у!... плаксивымъ голосомъ, когда его хотѣли поймать дразнившіе его крестьянскія дѣти. Впрочемъ, дикость его не мѣшала ему порой спать на колѣняхъ у матери въ то время, какъ она расчесывала ему голову, но вѣдь и павлинь Настасьи не боялся.

Мѣсто между птичьимъ дворомъ и пасѣкою было не очень живописно, но за то что за прелесть былъ этотъ лѣсокъ, которымъ она начиналась! Рѣдкій на половинѣ горы, — къ низу онъ дѣлался все гуще и гуще. Самымъ прихотливымъ образомъ разбросаны были деревья и кусты у подошвы горы, потомъ лѣсокъ опять рѣдѣлъ до самой лужайки, гдѣ росло множество земляники и стояло, вдалькѣ одна отъ другой, нѣсколько дикихъ яблонь. За лужайкой шла частая липавая рощица, гдѣ собственно и помѣщались ульи съ пчелами. Этотъ первый лѣсокъ у горы былъ тѣмъ хорошѣе, что въ него собралась почти вся растительность той губерніи, гдѣ находилась Красавка. На половинѣ горы чернѣли огромныя сосны, ниже ихъ шли купами березы, длинныя, долговазья, съ своими склонившимися къ землѣ вѣтвями; между березъ кое-гдѣ стояла густая липа, съ своими прямо растущими вѣт-

ками, такъ богато покрытыми душистыми круглыми листьями; пройдя липу, можно было встрѣтить и ясень, и молодые дубки. Спустившись съ горы, вы бы увидели цѣлый рядъ огромныхъ дубовъ, полюбовались бы и тополями, и одиноко стоящимъ красивымъ каштановымъ деревомъ. Между всѣми этими деревьями росли густо и черемуха, и сирень; за березками тянулся на вѣсколько шаговъ орѣшникъ, за нимъ опять черемуха, а тамъ и дикая вишня, клень и шиповникъ.

Въ лѣскѣ росли въ изобиліи ландыши, которыми смѣнялись раннія фіалки. Разныхъ цвѣтовъ колокольчики, миндаинка, душистая ромашка, желтая лѣсная роза пестрѣли по всѣмъ направленіямъ. Словомъ, ботаникъ далъ бы названія сотнямъ красивыхъ цвѣтковъ, причудливыхъ травокъ, которые бы попались ему въ этомъ лѣскѣ.

На пчельникѣ стояла изба, въ ней жилъ пасѣчникъ Пахомъ, бездѣтный, старый мужикъ, очень высокій ростомъ и съ виду такой сердитый; борода у него черная съ просѣдью, голова плѣшивая, носъ длинный и глаза впалые. Онъ лѣтъ десять жилъ на пчельникѣ одинъ одиноконекъ съ толстой и огромной собакой, Буяномъ, но въ недавнее время умерла его племянница, скотница Афросинья, и у нея осталась дочь сиротка. Красавскій прикащикъ рѣшилъ, чтобы восьмилѣтняя Параша жила у пасѣчника и кой въ чемъ помогала ему, а онъ будетъ кормить ее и получать по полупуду муки въ мѣсяцъ больше. И вотъ, съ недавняго времени живетъ Пахомъ не одинъ—есть кому иной разъ замѣнить его на пчельникѣ, есть кому под-

караулить рой, сходить ему за молокомъ въ господскую скотную и сварить скудную кашу. Но Пахомъ не соглашается измѣнить своему обычаю. Онъ точно также самъ караулить рой, самъ ходитъ за молокомъ ввечеру, когда пчелы не требуютъ его заботъ, самъ разводитъ огонь и варитъ скудную пищу. Сначала, когда Параша водворилась въ его избѣ, онъ послалъ ее какъ-то за молокомъ, которое отпускалось ему съ господскаго скотнаго двора; но стало темнѣть, ужинъ былъ давно готовъ, а Параша все не являлась. Дѣвочка заговорила съ своими прежними подругами и рассказывала имъ о своей жизни на пчельникѣ. Пахомъ ничего ей не сказалъ, но уже съ тѣхъ поръ не посылалъ ее на скотный. Старикъ такъ привыкъ дѣлать все въ свое время и по заведенному имъ самимъ порядку, что лучше согласился бы десять разъ сходить на господскій дворъ, чѣмъ подождать лишніе пять минутъ, ничего не дѣлая. Пахомъ былъ очень дѣятеленъ и довольно скоръ, онъ скорѣе справлялся съ печкой и лучше готовилъ щи, чѣмъ любая баба. Парашѣ и тутъ не пришлось помогать ему. Бѣлье Пахому мыла сестра его Матвѣевна, мать трехъ рослыхъ конюховъ, и не для чего было теперь отнимать у нея этотъ не особенно тяжелый трудъ. Зачинить, заштопать что нибудь—но Пахомъ самъ чинилъ, штопалъ и шилъ на другихъ, сидя около ульевъ, когда ничего особеннаго не приходилось дѣлать съ ними. Онъ самоучкой выучился портняжному мастерству и шилъ почти что на всю дворню кафтаны. Ему еще оставалось время тереть табакъ, который онъ самъ раз-

водилъ на своемъ маленькомъ огородѣ и то же торговалъ имъ.

IV.

«Снова птицы летятъ издалеко
Къ берегамъ, расторгающимъ ледъ,—
Солнце теплое ходитъ высоко
И душистаго ландыша ждетъ.»

Фетъ.

«Вьется жадно надъ цвѣтами
Пчель ликующій народъ;
Гостя милаго напрасно
Ни одинъ не ждетъ цвѣтокъ.»

Тургеневъ.

Пахомъ былъ очень молчаливъ, но Парашѣ съ нимъ не было скучно.

На господскій дворъ ходить она не любила: она боялась, что ее снова возьмутъ туда и еще, чего добраго, приставятъ къ прикащиковой кухнѣ, и тогда—прощай, бѣдная Параша! тебя забудутъ и заколотятъ! и Параша дрожала при одной мысли объ этомъ.

Парашу никто никогда не билъ. Мать ея была такая тихая, смиренная женщина,—Параша съ ней никогда не разлучалась! Когда принесли въ скотную избу деревянный гробъ, поставили его на лавку, къ концѣ прилѣпили свѣчку и, одѣтый въ чистый сарафанъ, холодный трупъ Афросиньи переложили въ гробъ

и закрыли холстами, а фельдшеръ Хрисанфъ, или какъ дворня называла его—Крысанъ Ивановичъ—тихо и заунывно читалъ псалтырь,—въ то время Параша какъ бы не понимала своего горя. Она подходила къ гробу, осторожно раскрывала лицо покойницы, видѣла ея закрытые глаза и съузвившійся ротъ и снова закрывала. Ни одной слезы не выронила Параша, когда обмывали покойницу родственницы, кумушки и сватьи, не проронила она слезы и тогда, когда пришла прикащица поклониться тѣлу, посмотрѣла на покойницу,—«словно живая лежитъ, моя голубушка,» присказала она, потомъ потрепала Парашу по щекѣ, примолвивъ: «ахъ, ты безродная сиротинушка!»—Даже и тогда не плакала Параша, когда пришелъ попъ, пропѣлъ погребальныя стихиры и гробъ понесли въ церковь, потомъ и на кладбищѣ Параша не проронила слезы, несмотря на то, что звукъ мерзлой глыбы, посыпавшейся въ могилу, на нее страшно подѣйствовалъ. Ей казалось, что она сама стоитъ въ могилѣ и ее хотятъ засыпать землею живую, а объ матери она совсѣмъ забыла: ей казалось, что она ее ждетъ дома.

Дома же, по возвращеніи изъ церкви, все было пусто, но Параша увѣряла себя, что мать на скотной. А между тѣмъ она отвѣчала на вопросъ встрѣтившагося водовоза: «схоронили мать ея?» довольно твердо: «схоронили!» Она и сознавала, что мать ея умерла и уже засыпана сырой землею, но все-таки не могла себя представить, что больше ея не увидитъ.

Прошелъ день, другой послѣ похоронъ Парашинной матери,—и объ Афросиньи уже никто и не поминалъ;

ее какъ будто и вовсе никогда не бывало. Параша по прежнему ходила за коровами вмѣстѣ съ другими скотницами и удивлялась, что все по прежнему идетъ и на скотной, и на дворѣ, — такъ же всѣ дворовые суетятся, также бранятся, какъ и всегда, тѣ же мальчишки, по прежнему, идутъ учиться грамотѣ къ Крысанъ Ивановичу въ контору. — Отчего же это все идетъ по строму, когда два дня назадъ былъ ужасный вой и плачь? — спрашивала себя Параша, и она подолгу стояла въ задумчивости и часто не слыхала вопросовъ, обращенныхъ къ ней. Играть съ дѣвочками она совсѣмъ не ходила, она жаловалась, что у нея болитъ не то грудь, не то голова. Ночи ждала Параша съ нетерпѣніемъ и рѣшительно каждый разъ во снѣ видѣла мать свою въ церкви, рядомъ съ попомъ, въ какомъ-то золотомъ вѣнцѣ, то по прежнему въ синемъ набойчатомъ сарафанѣ, съ обычнымъ ей добромъ взглядомъ, съ веретеномъ въ рукахъ и сказочкой о дѣвкѣ Чернавкѣ, которую въ особенности любила слушать Параша отъ доброй матери.

Наконецъ на масляной недѣли Парашу переселили на пчельникъ. Тамъ ей ничто не напоминало ужаснаго событія, которое она начала уяснять себѣ; тамъ не видѣла она тѣхъ людей, которые хоронили мать ея, даже и самыя мѣста ей были почти совсѣмъ незнакомы. Какъ хорошо она знала всѣ извилинки лѣсковъ по сю сторону деревни, надъ Хопромъ, гдѣ была часовня, — такъ не знакомъ былъ ей лѣсокъ пчельника или такъ называемая пасѣка. И немудрено, потому что дворовыхъ дѣвочекъ никогда не посылали на че-

редъ стеречь птицу у Настасьи и имъ очень рѣдко приходилось бывать въ этой сторонѣ. Гулять и рѣзвиться въ лѣскахъ на берегу Хопра имъ больше нравилось.

Параша черезъ нѣсколько дней такъ полюбила дѣдушку Пахома, его собаку Буянку, самую избу пасѣчника, маленькій дворъ его, на которомъ лежали колодки для ульевъ, что ей совсѣмъ уже не хотѣлось ходить на господскій дворъ къ своимъ прежнимъ подругамъ. Съ ранняго утра Параша разматывала нитки, данныя прикащикомъ, работа шла хорошо и ей было весело, что никто не понукаетъ, не торопитъ ее. Размотавъ, что было нужно, Параша завтракала чернымъ хлѣбомъ, который ей казался гораздо вкуснѣе тѣхъ ковригъ, какія выдавали скотницамъ изъ людской—на цѣлую недѣлю. Позавтракавъ, она выходила гулять, прибирала кое что на дворѣ и первое время ей не вѣрилось, что никто ее не бранитъ, что не слышитъ она шуму. Она иногда слышала стукъ и вздрагивала, думая, что идутъ взять ее во дворъ, но это былъ стукъ отъ паденія какой нибудь доски, которую Буянка столкнула съ низенькой кадки. Параша поправляла доску и выходила за ворота, гдѣ и садилась на большой камень. Передъ ней былъ голый лѣсокъ, заваленный снѣгомъ, съ боку снѣгъ еще подымался большимъ холмомъ, и Параша засматривалась, какъ въ иныхъ мѣстахъ отъ притаинковъ снѣгъ все болѣе и болѣе чернѣетъ; а вонъ ужь кой гдѣ видна и земля, а около избы такъ и очень мало снѣгу. Съ

клѣти и сарая, гдѣ зимой хранятся колоды съ пчелами, такъ и льетъ крупная капель.

«А солнышко-то какъ пригрѣвать стало — думала себѣ Параша. — Давно ли постъ начался, а тетка Аграфена намедни сказывала, что до святой безъ малаго двѣ недѣли осталось. Вотъ поживу, когда пойдетъ зеленая травка, и птичекъ-то что тутъ будетъ! букашки разныя разведутся, и пчелки пойдутъ медъ сладкій въ колодки дѣда Пахома собирать». Такъ продолжала думать Параша, и ей казалось, что она первую весну живетъ на свѣтѣ. «А на господскомъ дворѣ-то тоска какая; тамъ за суетой и жаворончка по божьему не встрѣтишь» — снова думала Параша и заглядывалась на жаворонка, который громко кричалъ ей о веснѣ.

Но дни становились все шире и шире. Дѣдушка Пахомъ уже съ утра до ночи хлопоталъ около ульевъ и Параша еще меньше видѣла его серьезную, молчаливую фигуру. Она цѣлые дни проводила на воздухѣ, рвала первыя фіалки и подсиѣжники; каждый день замѣчала около дома, въ хорошенькомъ лѣску и пчелиной рощицѣ что нибудь новое. Сегодня распустилась верба, а завтра пошелъ теплый дождикъ, и большой глыбы снѣга, которую сбить съ лица земли Парашѣ особенно хотѣлось, какъ не бывало. А лѣсъ все еще былъ черный.

Наконецъ дождалась Параша и настоящей весны. Распускаются красивыя золотистыя березки и густая черемуха запахла своимъ крѣпкимъ, миндальнымъ запахомъ. Пчелы жужжатъ, осыпая душистыя вѣтви

клейкой, уже цвѣтущей ветлы. Но и на лугу имъ есть чего покушать. Синяя медуница, желтые цикоріи и еще много голубыхъ, красныхъ весеннихъ цвѣточковъ манятъ своимъ медовымъ запахомъ и пчелъ, и другихъ насѣкомыхъ. Въ каждомъ цвѣткѣ, подъ каждой травкой найдете вы или красивую муху, или желтенькаго червяка, или едва замѣтную букашку, и все это живетъ полною жизнью и копошится, и радуется по своему празднику весны. А птички—то? Какія пѣсни слагаютъ онѣ и какъ стараются перекричать одна другую!..

Но погоди, Параша, скоро прилетитъ въ твой лѣсокъ и соловушко—и ты будешь рано, рано ходить слушать его пѣсенку—и подумаешь, ужь не тотъ ли это соловей—золотое горлышко, что леталъ къ окну королевны въ той сказкѣ, которую рассказывала покойница твоя матушка?..

Прилетѣлъ и соловей, да не одинъ, а цѣлыхъ два. Одинъ пѣлъ на дикой яблонѣ въ рѣденькомъ лѣску, другой—на густой сирени, которая только—что распустилась тамъ, на той милой горкѣ, такъ плотно покрытой кустами и деревьями, начиная отъ самыхъ высокихъ елей и сосенъ, стоящихъ на ея вершинѣ. Параша цѣлые дни проводила въ лѣску и радовалась, что ее какъ будто во дворѣ забыли. И въ самомъ дѣлѣ, никто ее не спрашивалъ, даже и прикащица не дала ей никакой работы, когда она послѣдній разъ ходила къ ней. Но Парашѣ безъ дѣла совсѣмъ не было скучно. Она такъ полюбила лѣсокъ, а въ немъ ли можно соскучиться? Она встрѣчала всякое вновь рас-

пустившееся деревцо; мало того—она знакомилась съ деревьями и съ кусточками, которымъ давала даже названія. Такъ, въ самой чащѣ лѣска, у подошвы горы, она назвала одинъ кленовій кустъ трусиковымъ, потому что поймала однажды около него маленькаго бѣленькаго кролика. Большую березу, около которой разрастались маленькія, она прозвала нянькою—какъ будто она нянька своихъ дѣточекъ—молоденькихъ березъ. Она знала тотъ кустъ, гдѣ кричитъ горлинка и помнила деревья, по которымъ почти всегда прыгала съ провзительнымъ визгомъ дикая кошка.

Подходилъ Троицынъ день. Ландыши были въ полномъ цвѣту, изъ почекъ сирени выглядывали сжатые синенькіе лепестки ея крошечныхъ цвѣтовъ и наша Параша сидѣла на маленькой лужайкѣ, между группой дикихъ яблонь и семействомъ лищъ,—такъ что ей была видна изба Пахома, и между тѣмъ она какъ-бы еще не оставила хорошенькаго лѣска, изъ котораго ей не хотѣлось выдти.

Въ то же время она смотрѣла какъ бы не пропустить дѣда, если онъ съ пчельника пройдетъ домой объѣдать и, чего добраго, хватится ея...

Вдругъ услышала она за собою кудаханье курицы и быстро обернулась. Между кустами она увидѣла большую желтую курицу, которая полуметѣла и полубѣжала, кудахтая что есть мочи. За курицей гнался мальчикъ въ синей рубашкѣ. На бѣгу онъ ломалъ кусты и отрывалъ цѣлыя вѣтви съ попадавшихся ему встрѣчу деревьевъ. Мальчикъ этотъ былъ Пронька съ птичьяго двора.

V.

ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

«Солнце, встань! Грачи летать.

«Пѣтухи давно пропѣли,

«И къ заутренѣ звонять».

(Изъ балл. солнце и мѣсяць.)

Солнце взошло, и въ Ясновкѣ ударили къ заутренѣ. Многія бабы уже давно собрались около церкви и, поджидая попа, тихо говорили между собою кое-о-чемъ, а иныя молчали и тупо смотрѣли на церковную ограду. Наконецъ благовѣсть умолкъ и вскорѣ смѣнился безпорядочнымъ звономъ дребезжащихъ колоколовъ, народъ вошелъ въ церковь. «Батюшка пришелъ!» слышалось въ толпѣ и старый сгорбленный священникъ торопливо взбирался по деревяннымъ, прыгающимъ, какъ клавиши, ступенямъ маленькой Ясновской церкви. Началась заутреня. Дьячки читали въ два голоса дурно и невнятно, пономарь довольно громко бранился съ церковнымъ сторожемъ въ какомъ-то желтомъ капотикѣ, который тащилъ за собою кучу свѣженькихъ березокъ. Бабы молились усердно и клали земные поклоны. Впереди, на довольно важномъ мѣстѣ, стояла няня Максимовна и говорила близко стоящей бабѣ, что-де сегодня грѣхъ большіе поклоны класть—большой годовой праздникъ—и что объ руку надо кланяться по закону церковному. Баба на время послушалась ее, но черезъ нѣсколько минутъ

забыла проповѣдь Максимовны и преусердно подсти- лала себѣ подъ голову паневу, дѣлая будничные зем- ные поклоны. Няня уже ничего ей не говорила. Она стояла переважно и молилась только тогда, когда что нибудь пѣли, или выходилъ діаконъ. Но мысли Мак- симовны были не во храмѣ, когда наступало скучное и несвязное чтеніе дьячка. Она думала о томъ, какъ ей поспѣшить убрать комнату Нади и Вари—до тѣхъ поръ, пока онѣ не проснутся.

И вотъ, придя отъ заутрени, Максимовна пошла въ садъ, нарвала много вѣтвей сирени и смородиннаго листа. Сирень она нащипала и вмѣстѣ съ смородин- нымъ листомъ набросала по полу дѣтской; во всѣ уг- лы она поставила по березкѣ и одной пришлось стать надъ кроваткой Нади, такъ, что головка ея была въ тѣни вѣтвей.

Солнце уже было довольно высоко, когда дѣти проснулись.

— Няня, милая, какъ хорошо! вскричали обѣ дѣ- вочки, проснувшись въ одно и тоже время.

Въ самомъ дѣлѣ, запахъ свѣжей зелени былъ еще сильнѣе въ комнатѣ. Солнце бросало свои лучи прямо на дѣтей. На стульяхъ лежали праздничныя ихъ пла- тья; няня уже была въ бѣломъ батистъ-декосовомъ платьѣ и большомъ воротничкѣ, въ родѣ пелеринки. Все напоминало о праздникѣ. Большой, великій празд- никъ! звучало въ ухахъ Нади и Вари, когда онѣ умы- вались, молились и надѣвали голубыя кнсейныя пла- тьяца.

Когда онѣ были почти готовы, вошла Марья Ва-

сильевна—отъ нея такъ и вѣяло праздникомъ. Она была въ легкомъ платьѣ съ розовой отдѣлкой.—Какая ты, тетя, нарядная, сказала Варя, обнимая Марью Васильевну.

Няня застегивала платье Нади, и Надя такъ и рвалась изъ рукъ ея.—Что это, ужь и на мѣстѣ не постоите, матушка!—ворчала няня. Надя повиновалась, но лицо ея выражало нетерпѣніе и она постукивала ногой объ полъ.

Наконецъ всѣ отправились къ обѣднѣ. Церковь была чиста и вся въ зелени. Народъ былъ такой нарядный, даже старыя бабы были въ золотыхъ кичкахъ. На молодыхъ ярко пестрѣли разныхъ цвѣтовъ ситцевыя рубашки, на дѣвушкахъ были бисеры и ленты. Къ концу обѣдни Надя и Варя порядочно устали. Онѣ стояли съ тетей впереди всѣхъ,—за ними стояла няня въ большомъ зеленомъ платкѣ и изрѣдка дѣлала наставленія, какъ надо стоять и какъ молиться. Обѣдня кончилась, народъ повалилъ изъ церкви, Надя и Варя, дождавъ просвярку, сѣли съ тетей въ пролетку, которую папа за ними прислалъ. Дома въ залѣ былъ готовъ чай и завтракъ. Поутоливъ голодь, уставшія дѣвочки поразвеселились и вскорѣ пошли съ тетей въ садъ. Варя взяла съ собой куклу, чтобы одѣть ее по праздничному, Надя взяла «Звѣздочку», тетя тоже какую-то книгу.

— Гдѣ бы намъ сѣсть? сказала Марья Васильевна.—«Вотъ сюда, тетя, подъ густую яблонь, — тутъ и сиренью и яблонью пахнетъ,» сказала восторженно Надя. Варѣ показалось неудобной скамейка, она поло-

жила на нее куклу и нарядъ куклы, а сама побѣжала домой взять для себя маленькую скамейку изъ гостиной. Принесши скамейку, она снова пошла въ домъ еще за чѣмъ-то. Покуда она ходила взадъ и впередъ, изъ сада въ домъ и обратно, Марья Васильевна и Надя принялись было читать, каждая свое, но въ саду было такъ хорошо—не слишкомъ жарко, но очень, очень тепло! Порою легкій вѣтерокъ сдувалъ съ яблочныхъ цвѣтовъ бѣло-розовые лепестки и осыпалъ ими сидящихъ на лавкѣ. Воздухъ былъ ароматный. Марья Васильевна и Надя долго сидѣли надъ раскрытыми книгами. Наконецъ тетка заговорила:

— Надя, помнишь съ какимъ нетерпѣнiемъ мы съ тобой ждали весны, какъ радовались, когда стаялъ снѣгъ? И вотъ теперь самая лучшая пора, все въ цвѣту и зелень такая свѣжая, какой ей не долго быть.

Надя ничего не отвѣчала, она только втянула въ себя струю ароматнаго воздуха, въ которомъ слышался и запахъ нѣсколько отдаленной сирени и благоуханныхъ воздушныхъ жасминовъ, и благоуханье бѣлыхъ цвѣтовъ яблони.

Марья Васильевна продолжала:

— А какъ теперь душно и гадко въ большомъ городѣ. Я помню, когда мы жили съ покойницей моей маменькой, твоей бабушкой, въ Москвѣ, какъ мы завидовали тѣмъ, кто живетъ въ деревнѣ.—Бывало, мы рады, рады, когда придется идти по тротуару мимо какого нибудь сада.

— Тетя, отчего вы съ бабушкой не переѣхали сюда, въ Ясновку?

— Ясновка далеко отъ Москвы, и матушка боялась разстаться съ Москвой на долго.

— А гдѣ же былъ папа?

— Папа съ твоей мамой ѣздилъ за границу.

— Отчего же онъ васъ не взялъ, тетя?

— Это бы ему дорого стоило и недостало бы денегъ.

— Ну, тетя, онъ бы нанялъ въ Москвѣ дачу и жилъ бы съ своей матерью и съ нашей мамой, и съ тобой вмѣстѣ, и всѣмъ было бы хорошо.

Марья Васильевна ничего не сказала, она не знала что отвѣчать Надѣ. Ей живо вспомнилась бѣдность, какую она терпѣла съ матерью въ Москвѣ, тогда какъ братъ ея, отецъ Нади, жилъ роскошно въ Парижѣ. Она не осуждала его, она вспомнила, какъ онъ потерялъ жену свою, вспомнила и о гробѣ своей матери, надъ которымъ Петръ Васильевичъ рыдалъ неутѣшно, потомъ она вспомнила, какъ ея мать, и мать Нади, каждая въ свою очередь, просила ее объ сиротахъ; тутъ она взглянула на лицо Нади, которая вдругъ сдѣлалась серьезною и смотрѣла на тетю, желая прочесть отвѣтъ на глазахъ ея; Марья Васильевнѣ вдругъ стало грустно, особенно, когда она вспомнила о предстоящей разлукѣ съ племянницами, которыхъ она такъ любила, и слезы потекли изъ глазъ ея.

Марья Васильевна встала и тихо пошла вдоль аллеи, Надя послѣдовала за ней, поймала руку тетки, крѣпко сжала ее въ своихъ рукахъ и такъ двигалась впередъ вслѣдъ съ Марьей Васильевной. Марья Васильевна вдругъ выдернула руку Нади и стала обнимать

ее сильнѣе. Надя въ эту минуту почувствовала, что тетя ее особенно любитъ, и что безъ тети она почти одна въ цѣломъ свѣтѣ.

— Никогда не покину тебя! проговорила Марья Васильевна.

Надя вся задрожала, хотя и не понимала, отчего тегѣ пришло въ голову сказать это. Онѣ обѣ молчали и поворотили назадъ къ оставленной ими скамейкѣ.

— Тетя, Надя! куда это вы дѣлись? кричала Варя, вооруженная цѣлымъ узломъ разныхъ тряпочекъ, который она принесла въ садъ для куклы.—А знаете ли, къ папа пріѣхалъ гость — съ большими черными усами, и будетъ у насъ обѣдать, говорила скороговоркой Варя, которую эта новость очень занимала.

— Кто это? спросила Надя.

— Милыя мои, сказала Марья Васильевна:—я еще утромъ хотѣла вамъ сказать, что у насъ будетъ гость. Вы не маленькія, вы можете понять то, что я расскажу вамъ. Этотъ гость пріѣхалъ къ вашему папа затѣмъ, чтобъ купить у него Ясновку.

— Какъ? нашу Ясновку? вскричали въ одинъ голосъ дѣти.

— Да, сказала Марья Васильевна довольно твердо:—еще обѣ этомъ никто не знаетъ, ни даже няня ваша. Дѣла папы разстроились, онъ хочетъ продать деревню и ѣхать съ вами осенью въ Москву, гдѣ вы будете учиться и жить у тетки вашей покойной мамы.

— И ты поѣдешь съ нами? спросила судорожно Надя.

— А гдѣ жъ мы будемъ жить до осени? спросила

съ любопытствомъ Варя, и ея черненькія глазки со-
всѣмъ выкатились наружу при этомъ вопросѣ.

— Я думаю, что и я поѣду, сказала тихо Марья Васильевна, разглаживая каемку своего влажнаго платка: — А до осени, Варя, мы конечно будемъ жить здѣсь; папа сдѣлаетъ такое условіе, что мы будемъ жить въ этомъ домѣ до тѣхъ поръ, пока онъ намъ нуженъ.

Потомъ Марья Васильевна объявила дѣтямъ, что большія дрожки, о которыхъ она хлопотала, починены. Дѣти очень обрадовались этому. Съ тѣхъ поръ, какъ началась весна, они еще ни разу не катались въ своихъ большихъ дрожкахъ, гдѣ можно сѣсть по-крайней мѣрѣ шестерымъ свободно. Варя очень любила лошадей; она соображала кого-то кучеръ запряжетъ въ корень, и сѣренькій копчикъ останется ли дома, или пойдетъ съ правой руки? Надя думала, что хорошо, если бы взяли няню и Стѣшу. Стало весело. Марья Васильевна что-то начала напѣвать, Варя стала преуморительно прыгать или, лучше сказать, толочься, держась руками за лавку, при чемъ сронила всѣ свои лоскутья на землю. Надя скоро ходила по одному и тому же направленію и дѣлала планъ прогулки.

— Тетя, куда же мы поѣдемъ? спросила Варя.

— Милая тетя, ва мельницу, умоляющимъ голосомъ сказала Надя.—Надя очень любила ѣздить на мельницу; около нея былъ довольно хорошій лѣсокъ, въ которомъ, расположившись съ простоквашей, можно было въ одно и тоже время наслаждаться хоро-

шимъ видомъ и прислушиваться къ шуму и рокотанью осьми-поставной мельницы.

— Мы недавно были на мельницѣ, и я было думала ѣхать въ Красновку, — сказала тетка, и такъ поразила этимъ племянницъ, что онѣ обѣ бросились къ ней на шею.

— Тетя, вѣдь мы тамъ никогда не были! Намъ давно хотѣлось, — кричали на перерывѣ Надя и Варя.

Прошло еще веселыхъ полчаса, и Семень пришелъ въ садъ звать барышенъ обѣдать.

Марья Васильевна, прежде чѣмъ войти въ домъ, подозвала къ себѣ племянницъ и просила ихъ не показывать за столомъ виду, что они знаютъ, что Ясновка продается, потому что папѣ это будетъ не совсѣмъ пріятно. Дѣвочки дали слово, но, по правдѣ сказать, онѣ ужъ давно не думали о продажѣ Ясновки. Мы здѣсь будемъ все лѣто, — думала каждая въ свою очередь, — а сегодня-то какъ будетъ весело!...

Когда Марья Васильевна, Надя и Варя пришли въ залу, гость и папа закусывали и пили водку. Надя и Варя присѣли, но гость ихъ не видалъ; онѣ посмотрѣли на тетю и имъ обѣимъ стало вдругъ что-то очень смѣшно. Надя залилась при этомъ звонкимъ смѣхомъ. Тетя покачала головой съ серьезной миной, но эта серьезная мина при веселомъ выраженіи лица Марьи Васильевны еще болѣе разсмѣшила дѣтей.

Въ это время Петръ Васильевичъ обернулся; Варя тотчасъ притихла, но Надя, увидавъ недовольный видъ отца, переѣбилась въ лицѣ, — все веселье пропало, и она съ какимъ-то камнемъ на груди присѣла очень

неловко гостю и едва-едва не заплакала. Къ счастью, этого никто не замѣтилъ. За вторымъ кушаньемъ Надя успокоилась, потому что отецъ не глядѣлъ на нее, занятый серьезнымъ разговоромъ. Обѣдъ шелъ для моихъ дѣвочекъ нескончаемо долго, и когда наконецъ онъ кончился, и Марья Васильевна стала наливать гостю и Петру Васильевичу кофе, который былъ приготовленъ въ гостиной, въ большомъ серебряномъ кофейникѣ, дѣти опростетью побѣжали объявить нянѣ и Стѣшѣ, что и онѣ ѣдутъ съ ними въ Красавку.

VI.

«Почтенный замокъ былъ построенъ,
Какъ замки строятся должны,
Отмѣнно прочень и спокоень,
Во вкусѣ важной старины».

(Евг. Опѣг. Пушкина).

Стѣшѣ было пятнадцать лѣтъ. Она была высокая, бѣлокурая, довольно худая дѣвочка, съ всегда смѣющимися маленькими глазками, которые она обыкновенно щурила. Она была дочь дворецкаго Семена и крестница няни. Ея-то общество Надя и Варя особенно любили. Для нихъ всегда было праздникомъ, когда тетя позволяла Стѣшѣ съ ними играть. Игра дѣлалась несравненно оживленнѣе, когда въ нее принимали Стешу.

Стѣша любила Максимовну, какъ мать. У старухи,

кромѣ Степана башмачника, не было дѣтей, и она любила крестницу свою, не меньше сына. Стѣша звала Максимовну маменькой крестной, но она такъ выговаривала эти два слова, что выходило *майнь-крѣсь*. Варя одинъ разъ это замѣтила и пресерьезно сказала Надѣ, что Стѣша зоветъ няню ихъ не маменькой крестной, а *майнь-крѣсь*, и съ тѣхъ поръ обѣ дѣвочки ухватились за это слово; Варя всегда смѣялась, когда Стѣша говорила съ Максимовной, называя ее по своему. Надя, пробуя перо, на всѣхъ тетрадкахъ писала *майнь-крѣсь*.

Вотъ эта-то Стѣша суетилась, съ своей *майнь-крѣсь*, около широкихъ дрожекъ, въ родѣ линейки, укладывая въ ящикъ, выдвигавшійся изъ подъ козелъ, узелки съ бѣлымъ хлѣбомъ и *бомбошками*,—такъ онѣ обѣ съ няней всегда называли всякія лакомства.

Наконецъ всѣ усѣлись. Няня съ Варей съ одной стороны,—Варя попросилась сѣсть ближе къ лошадамъ. Марья Васильевна сидѣла свиной къ Варѣ, возлѣ нея Надя, а рядомъ съ ней Стѣша съ бурнусами дѣтей въ рукахъ, на случай, если будетъ холодно возвращаться. Когда дрожки свернули по дорогѣ въ Кра-савку, Надя и Варя почувствовали себя совершенно на свободѣ—и въ самомъ дѣлѣ, съ ними ихъ милая тетя, няня и Стѣша: имъ бояться нечего и не кого.

Дѣти развеселились и разшалились не на шутку, Надя болтала и хохотала безъ умолку всю дорогу, она выхватывала бурнусъ изъ рукъ Стѣши, закрывалась имъ съ головой, спрашивала сама себя—мимо чего онѣ ѣдутъ, потомъ накрывала и Стѣшу. Марья

Васильевна уже нѣсколько разъ предостерегала ее, чтобъ она сидѣла смирнѣе, чтобъ не упасть, но Надя положительно не слушалась. Тогда Марья Васильевна стала придерживать ее рукой, чтобы она не свалилась. Стѣша все время тоже смѣялась и грызла орѣхи, которыхъ у нея во всякій праздникъ были полные карманы. Варя, слыша хохотъ Нади, тоже смѣялась съ няней и спрашивала ее о томъ, что она взяла для нихъ изъ сѣстнаго. Няня была сама весела и приговаривала:—«Экой денекъ-то Богъ далъ для праздника!» или: «овсы—то, поди, какіе густые поросли!» Марья Васильевна больше молчала, но и ей было весело. Кучерь покрикивалъ на лошадей и дрожки славно пылили по торной гладкой дорожкѣ, между полей. Солнце видимо склонилось къ западу, хотя до заката оставалось покрайней мѣрѣ часа три, когда вся компанія, сойдя съ дрожекъ, стояла на томъ мѣстѣ, откуда былъ видѣнъ Хоперь, во всей красѣ своей, и необъятная даль, и лѣски, и самая Красавка, расположенная на горѣ. Когда этотъ чудный видъ открылся передъ ними, — няня, Стѣша, Марья Васильевна и ея племянницы остановились на нѣсколько минутъ, словно остолбенѣлыя. Эта широкая даль, этотъ Хоперь у ногъ ихъ, все это было такъ необыкновенно послѣ ровныхъ, однообразныхъ полей, которыми онѣ ѣхали, что всѣ онѣ ничего не могли сказать нѣсколько минутъ. Наконецъ няня закачала головой и тихо пробормотала:—эка благодать Господня! Дѣти закричали на перерывѣ:—ахъ, какая прелесть!—и всѣ сдѣлались еще радостнѣе и веселѣе. Стѣша побѣжала съ горы,

Надя и Варя за ней въ догонку. Марья Васильевна и няня тоже сошли внизъ.

Стѣшѣ вздумалось напиться — и она, подойдя къ рѣкѣ, нагнулась, черпая рукой воду. Дѣти просили тоже напиться. Стѣша подала имъ свою горсть и онѣ съ восхищеніемъ пили такимъ новымъ для нихъ способомъ.

Высокенъкая, съ прищуренными глазками, Стѣша, приподнявъ свое яркое красное ситцевое платье и зачувивъ рукавъ, поить изъ своей горсти Надю, худенькое личико которой оживлено болѣе обыкновеннаго; легкій фуляровый платочекъ соскочилъ съ головы ея и вѣтерокъ развѣвалъ безъ того уже спутанные волосы. Варя, выпучивъ свои черные глаза, смотритъ, какъ шагахъ во ста отъ нихъ няня и тетя говорятъ съ бабой, которая, зачерпнувъ въ корчаги воды изъ студенаго Хопра, остановилась поглядѣть на нихъ. И всѣ эти лица кажутся такими маленькими; но вотъ баба, поклонившись тетѣ (Варя засмотрѣлась на нее) стала взбираться по крутой горѣ въ деревню и сдѣлалась еще меньше. А мужики-то, которые вонъ тамъ, стоятъ у крайней избы, они малы, какъ куколки!

Видъ былъ до того разнообразенъ и хорошъ, что на этомъ мѣстѣ вся компанія пробыла очень долго; но наконецъ Стѣша увлекла дѣвочекъ въ гору, а за ними Марья Васильевна и няня стали подыматься въ деревню. Взойдя на гору, Марья Васильевна еще разъ обернулась, чтобъ посмотрѣть на Хоперь, и насилу оторвала отъ него глаза свои, когда ее позвали дѣти.

Они пошли сперва деревней; мужики отгоняли

отъ нихъ собакъ; Надя и Варя все время держались за платье Стеши, которая сама не менѣе ихъ боялась огромныхъ деревенскихъ псовъ.

Деревня была совсѣмъ пуста, только старыя бабы и ребятишки сидѣли около избъ. Всѣ бабы, дѣвки, парни и ребята ушли въ лѣсъ за Хопромъ завивать вѣнки. На углу, гдѣ улица поворачивала на право, маленькая толпа пѣла пѣсни и одинъ молодой кантонистъ въ сѣрой шинели пресерьезно игралъ на гармоникѣ, притопывая ногами и наклоняя голову на грудь. Ясновское общество, не доходя этой веселой толпы, повернуло налево, по направленію къ графскому дому и церкви. Еще долетали до ушей ихъ звуки гармоники, когда онѣ проходили мимо дворовыхъ избъ и клѣттей. Тутъ все было тихо и пусто, даже ни одна собака ихъ не встрѣтила.—«Видно, и дворовые ушли по вѣнки,» сказала няня,—и она не ошиблась. Дворовые рѣдко оставались въ большой праздникъ дома; у каждаго изъ нихъ были на деревнѣ знакомые и родные, которые звали ихъ покушать пирожковъ, вагрушекъ и жирныхъ кашниковъ.

Наконецъ наши поровнялись съ церковью, около которой былъ славный зеленый лугъ;—гуси щипали траву, теленокъ терся около самой ограды, въ то время, какъ тощая лошадь, съ связанными ногами, забралась въ самую ограду и билась въ ней, не зная какъ оттуда выдти.

Дѣти избѣгали по всѣмъ направленіямъ лугъ, онѣ взлѣзали и на паперть, десять разъ отставали отъ тети, и въ десятый разъ догоняли ее и няню. Нако-

нецъ онѣ подошли къ дому прикащика, съ зелеными ставнями и красной крышей. У прикащика были гости; большой самоваръ стоялъ подѣ навѣсомъ на крылечкѣ, около него на скамьяхъ сидѣло нѣсколько дѣвушекъ въ ситцевыхъ платьяхъ, съ шелковыми пестрыми маленькими платками и ленточками на шеѣ; сидѣли тутъ и старухи, и дѣти, и мужчины. Толстый прикащикъ захопоталъ, прикащица стала упрашивать Афиью Максимовну напитокъ съ ними чаю. Няня не могла отказаться отъ чашечки чаю, чтобъ не обидѣтъ добрыхъ людей, да къ тому же и ея пріятельница, Ясновская просвирня, была тутъ же около чайнаго стола. Человѣкъ, вызвавшійся проводить барышень, былъ одинъ изъ гостей прикащика, Красавскій фельдшеръ Хрисанъ, или, какъ называли его въ Красавкѣ, Крысанъ Ивановичъ.

Этотъ Хрисанъ Ивановичъ былъ лѣтъ 30. Главнымъ его занятіемъ было оказывать помощь больнымъ. Онъ зналъ хорошо свое дѣло и очень удачно помогалъ въ разныхъ болѣзняхъ. Онъ получалъ изъ графской конторы жалованье и деньги на покупку лѣкарства. Нѣкоторыя лѣкарственныя растенія онъ разводилъ на огородѣ, а нѣкоторыя собиралъ самъ по лугамъ и полямъ. Хрисанъ Ивановичъ очень любилъ дѣтей и все свободное отъ занятій время проводилъ съ дворовыми мальчиками и дѣвочками, обучая ихъ грамотѣ. На свои деньги покупалъ фельдшеръ книги: священную исторію, ариметики и азбуки для учениковъ своихъ, которыхъ по праздникамъ звалъ къ себѣ чай пить и бѣдныхъ дарилъ обновами. Ни одинъ

не проѣзжалъ разнощикъ съ красивыми товарами безъ того, чтобы Хрисанъ Ивановичъ не купилъ у него или на красную ситцевую рубашку для маленькаго обывыша, или на нанковые порты для какого нибудь бѣднаго сироты, который весь обносился.

Предварительно раскланявшись съ добродушной улыбкой, Хрисанъ Ивановичъ объявилъ Марьѣ Васильевнѣ, что онъ здѣшній фельдшеръ и, услыхавъ, что имъ угодно посмотрѣть графскій садъ и оранжереи, считаетъ себя счастливымъ проводить ихъ. Марья Васильевна вѣжливо поблагодарила его. Дѣти приутихли и неторопливо шли за фельдшеромъ, который забѣгалъ впередъ, показывая имъ дорогу и отворяя ворота, поросшія мохомъ, при входѣ на графскій дворъ. Графъ Т. давно не жилъ въ Красавкѣ и большой каменный домъ его былъ болѣе пятнадцати лѣтъ необитаемъ;—только въ нижнемъ этажѣ помѣщалась контора и возлѣ конторы была просторная комната Хрисанова Иванова, гдѣ онъ училъ дѣтей и хранилъ свои лѣкарства. Хрисанъ Ивановичъ прежде всего повелъ посѣтителей въ оранжереи, въ которыхъ лимонныхъ деревьевъ, правда, было много, но персиковъ и сливъ не было; они все погибли давнымъ давно, а оранжерею все-таки топили и зиму, и лѣто, не жалѣя дровъ. Изъ оранжерей Хрисанъ повелъ ихъ въ графскій домъ. Въ немъ ничего не было любопытнаго. Все картины и статуи были давно вывезены изъ Красавки. Оставались только кое-какіе фамильные портреты, старинная раззолоченая мебель и хрустальные съ висяюльками люстры. Хрисанъ попробовалъ отворить

дверь на террасу, чтобы прямо свести гостей въ садъ, но въ заржавленномъ замкѣ ключъ почти не вертѣлся. Дѣти взглянули черезъ стекло на террасу и она ихъ удивила тѣмъ, что каменный полъ ея былъ густо покрытъ мохомъ и травой.

— Тетя, точно какъ въ рыцарскомъ замкѣ Теобальда, сказала Надя, вспомнивъ давно читанную повѣсть «Голубокъ». — Марья Васильевна улыбнулась — и сама стала сравнивать графскій домъ съ рыцарскимъ замкомъ.

Садъ былъ густой и глухо поросъ травою. Дѣтямъ что-то не захотѣлось идти смотрѣть его, — онѣ сѣли на траву вмѣстѣ съ Марьей Васильевной и просили фельдшера и Стѣшу сходить за няней. Тѣ еще не успѣли сдвинуться съ мѣста, какъ няня, сопровождаемая прикащикомъ сыномъ, который тотчасъ же убѣжалъ назадъ, вошла въ калитку сада съ узелками, съ которыми не разставалась во все время. Няня начала подчивать. Хрисанъ въ одну минуту добылъ молока, и всѣ стали полдничать.

— Скажите, пожалуйста, Хрисанъ Ивановичъ, спросила Марья Васильевна, есть у васъ теперь больные?

— Да, сегодня я много хлопоталъ около одной дѣвочки, — у нея горячка. Теперь вотъ, послѣ обѣда, былъ у нея и еще сейчасъ отправлюсь посмотрѣть. — Такая славная дѣвочка, — хотѣлъ ее грамотѣ обучать. Больно ужъ она меня своей болѣзнью обидѣла, да и лѣкарства, какого нужно, нѣтъ; посылалъ за 10

верстѣ къ фельдшеру, товарищу моему,—и у того нѣтъ,—отвѣчалъ Хрисанѣъ Ивановичъ.

— Какое вамъ нужно? можетъ быть, у меня найдется,—сказала Марья Васильевна, которая тоже запасалась лѣкарствами для деревни и постоянно лѣчила больныхъ.

Хрисанѣъ назвалъ лекарство.

— Право, у меня оно есть, если не ошибаюсь, сказала Марья Васильевна.

Марья Васильевна обѣщала завтра же, чѣмъ свѣтъ, прислать ему необходимое для больной лѣкарство.

— Дѣвочка такая славная, продолжалъ Хрисанѣъ Ивановичъ:—ей лѣтъ 9 будетъ; живетъ она на пчельникѣ у стараго дѣда,—сиротка,—мать нынѣшней зимой умерла. Прикащикъ хотѣлъ ее приставить къ своей кухнѣ, да ужъ я упросилъ, — такъ и такъ, говорю,—а ужъ не обижайте, Алексѣй Афанасьевичъ, сиротку. Ну, и помѣстили ее на пчельникъ. Она не скучала, и все время здорова была,—да вотъ недѣлю, не больше тому назадъ,—свела она дружбу съ Пронькой, съ птичьего двора. А онъ такой дикой,—съ ребятами никогда не играетъ. Ужъ я чѣмъ-чѣмъ его не заманивалъ, чтобы грамотѣ учить,—нѣтъ, ничего не сдѣлаешь,—такъ и бѣжить отъ тебя,—только вдали завидитъ, а попробуй поймать его, такъ разревется, что и не уймешь ничѣмъ. Я ужъ отъ него и отступился. Думаю, авось черезъ годикъ и дурь сойдетъ. Да не мудреное дѣло,—одичалъ онъ, словно волчонокъ, оттого, что никого не видитъ на птичникѣ и людскаго лица боится. Такъ вотъ, сударыня, и сведи

онъ дружбу съ этой Парашей—сироткой—то, да такъ-таки и ходять вмѣстѣ,—водой не разольешь. Намедни, въ пятницу прошлую, гроза была и дождь былъ проливной, не изволите ли помнить?

— И у насъ былъ, батюшка, проливень, лужи на дворѣ стояли. Я было пошла бѣлье развѣсить, какъ прояснилось,—да такъ-таки въ воду по колѣна и вступила,—сказала няня, слушавшая съ любопытствомъ, рассказъ Хрисанфа.

Стѣша подошла въ это время къ нянѣ и, назвавъ ее майнь-крѣсь, стала что-то шептать ей на ухо. Стѣша имѣла привычку въ присутствіи другихъ шептать что-то своей майнь-крѣсь, на что эта послѣдняя всегда отвѣчала громко, но все-таки изъ этихъ отвѣтовъ нельзя было понять въ чемъ дѣло, и это заставляло Надю и Варю думать, что у нея съ няней особыя тайны, очень интересныя. Онѣ никакъ не воображали, что Стѣша говорила шепотомъ нянѣ тоже, что и онѣ не разъ отъ нея слышали. Но Стѣшѣ доставляло удовольствіе болтать тайкомъ Максимовнѣ даже какойнибудь вздоръ. Такъ, напримѣръ, въ эту минуту—Стѣша шептала: «майнь-кресная, а лошади-то далеко, скоро смеркнется, вѣдь мы не дойдемъ до нихъ.»

— Вишь, какая разумница! и безъ тебя знаемъ,—не учить тебѣ насъ стать, отвѣчала громко няня.

— Ну, такъ что же? былъ дождикъ въ пятницу, сказала Марья Васильевна и взглянула на Стѣшу, чтобъ та не мѣшала разсказу. Стѣша отошла въ сторону, какъ бы желая показать, что ей тутъ нечего слушать.

— Да вотъ-съ, сударыня, когда дождь пошелъ,

Параша-то съ Пронькой были отъ дому далеко; никакъ, они были въ лѣскѣ, что за часовней. Мальчишка-то боится грозы; не понимаетъ, что это лектрическая сила.—При этомъ Крисанъ Ивановичъ самодовольно улыбнулся, желая показать, что и онъ кое-что знаетъ.

— Вотъ, онъ и вернулся къ матери, отъ страху растрепанный, безъ шапки, а Парашу-то въ лѣскѣ нашелъ съ мельницы вашей мужикъ,—ѣхалъ гречу молоть,—да и привезъ ее ко мнѣ безъ памяти, вотъ сюда, въ контору—и Хрисанфъ указалъ на окно свое въ нижнемъ этажѣ графскаго дома, завѣшенное синей занавѣской.—Я напоилъ ее малиной и липовымъ цвѣтомъ, думалъ къ утру пройдетъ, но она дюже простудилась и теперь мнѣ думается, что у ней горячка. А мальчикъ-то, повѣрите ли? не отходить отъ постели и меня ужъ не боится. Вы ужъ лѣкарствица-то не откажите прислать, сударыня.

— Непремѣнно, если только оно у меня найдется, сказала Марья Васильевна и, поблагодаривъ фельдшера за услуги, встала и принялась надѣвать на дѣтей бурнусы.

Солнце совсѣмъ закатывалось, разливая румяную зарю по всему небосклону, когда все общество вышло изъ графскаго сада и усѣлось на дрожки.

Лошади тронулись съ мѣста и Марья Васильевна и Надя кивали головой снимавшему въ десятый разъ съ себя картузь доброму Хрисаню, который, едва повернули дрожки, пошелъ на пчельникъ, чтобъ вернуться оттуда пока еще не совсѣмъ стемнѣетъ.

Дѣти, утомленные прогулкой, всю дорогу молчали. Надя все думала о больной дѣвочкѣ—и зачѣмъ это мальчикъ оставилъ ее въ лѣсу?—и отчего она упала безъ памяти?—недоумѣвала она. Варя закрыла глаза, чтобъ не видать, гдѣ онѣ ѣдутъ. Ей хотѣлось сюрпризомъ очутиться у крыльца, но она не выдержала характера и открыла глаза, когда только что стали подъѣзжать къ Ясновской церкви.

VII.

✕ «Зайнька бѣленькій,
Зайнька сѣренькій
Меня не пугается,
Ко мнѣ онъ ласкается!»

Рус. пѣсня.

«Гроза, нахлынувшая тучей,
Вдругъ на дубраву набѣжитъ
И вся дубрава задрожитъ
Широколиственно и мрачно.»

Тютчевъ.

Мы оставили Парашу въ то время, когда она, обернувшись назадъ, увидала гнавшагося за курицей Проньку съ птичьяго двора. Параша вскочила съ мѣста съ тѣмъ, чтобъ скорѣй помочь мальчику поймать желтую хохлатую курицу, но онъ такъ пронзительно закричалъ — петрошь! что Параша вздрогнула. Въ первую минуту ей стало грустно, что мальчикъ не понималъ ея добраго намѣренія; но курица, загнанная

въ кустъ, запуталась въ немъ и не успѣлъ Пронька подбѣжать къ кусту, какъ она стремительно выпорхнула прямо подъ ноги Параша. Параша ее поймала. — Отдай! громко закричалъ Пронька, какъ будто Параша душила курицу, которую, напротивъ, она очень осторожно держала въ рукахъ. Парашѣ сдѣлалось досадно и она дрожащимъ голосомъ сказала Пронькѣ, что онъ злой малый, что онъ напрасно обижаетъ сиротку, и что она, Параша, низачто не отдастъ курицы, а сама отнесетъ ее къ Настасьѣ. Пронька никогда не слыхалъ, чтобы отъ его словъ кто нибудь обижался. Его считали за дурака, и дѣвочки и ребятишки обижали и щипали его, когда онъ попадался къ нимъ въ руки. Оттого онъ боялся всѣхъ и думалъ, что всѣ хотятъ его бить, кромѣ матери. Пронька былъ худой, маленькій ребенокъ, ему вмѣсто семи лѣтъ можно было дать пять.

Отецъ Проньки умеръ. Онъ былъ крестьянинъ красивкй, но не имѣлъ ни кола, ни двора, а потому нанимался въ пастухи. Мать Проньки, когда умеръ мужъ ея, неимѣла чѣмъ питаться; лѣтомъ она нанималась работать, зимой приходила иногда такая крайность, что, сшивъ холщевый мѣшокъ и завернувъ въ свою худую шубу маленькаго Прокофья, она ходила собирать куски хлѣба Христа ради. Пронька родился въ полѣ и до трехъ лѣтъ терпѣлъ холодъ и голодъ. Въ это время графъ прислалъ въ Красавку, вмѣсто нѣмца-прикащика, русскаго, того самаго Алексѣя Афанасьевича, который угостилъ Максимовну чаемъ въ Троицынъ день. Этотъ Алексѣй Афанасьевичъ замѣтилъ, что На-

стасья, женщина добрая и усердная, и, испытавъ ея въ различныхъ работахъ, опредѣлилъ въ помощницы къ старой птичницѣ, малороссіянкѣ, которую вся дворня очень не любила и звала хохлушкой. При Настасьѣ въ птичникѣ стало больше порядка, чѣмъ прежде, больше выводилось цыплятъ, меньше птицы умирали и даже яицъ насчитывала прикащица болѣе прежняго. Черезъ годъ умерла старая больная хохлушка и прикащикъ помѣстилъ на ея мѣсто Настасью.

Настасьѣ такъ много было хлопотъ, что ей не было возможности смотрѣть за Пронькой, хотя она безпрестанно думала о немъ.

Трехъ-лѣтняго Проньку, какъ новое лицо во дворнѣ, дворовые мальчики приняли очень дружелюбно. Тихій, тощій, своей смѣшной рожицей онъ возбуждалъ смѣхъ ребятишекъ. Потомъ нѣкоторые злые мальчики стали потѣшаться надъ нимъ. Они хорошо знали, что за него вступиться некому, что Настасьѣ отойти не досугъ, и потому мучили его всячески. Одинъ разъ они настрекали ему лицо крапивой, такъ что онъ, горько плача, пришелъ къ матери съ распухшимъ лицомъ. Бѣдная мать сама горько заплакала, но жаловаться было не кому. Болѣе всѣхъ тѣшился надъ Пронькой Митя, сынъ прикащика. Въ другой разъ Пронькѣ разорвали его и безъ того уже худую рубашку и покрывъ съ головы до ногъ грязью, на смѣхъ отпустили домой.

Мать сперва то и дѣло говорила, чтобъ онъ никуда не ходилъ изъ птичника, но ребенокъ не понималъ предостереженія и, какъ муха въ баснѣ Лафон-

тена, не разъ попадался въ бѣду. Здоровье Проньки было очень плохо. На третью зиму, послѣ смерти хохлушки, онъ сдѣлался болѣнъ лихорадкой и по неволѣ провелъ всю зиму съ матерью, никого не видя, даже и Хрисанфа, котораго въ эту зиму не было въ Красавкѣ: онъ ѣздилъ къ роднымъ.

Къ веснѣ ребенокъ выздоровѣлъ, а къ лѣту сталъ гораздо крѣпче и здоровѣе, чѣмъ когда либо; — но онъ до того одичалъ въ теченіи зимы, что рѣшительно бѣгалъ не только отъ дразвившихъ его дѣтей, но и ото всѣхъ вообще. Добрый Хрисанъ даже не могъ приучить его къ себѣ. Пронька ото всѣхъ уходилъ и всѣхъ боялся; можетъ быть, причиной этому были мученія, которыя онъ переносилъ отъ мальчиковъ до болѣзни своей и которыя живо остались въ его памяти. И вотъ уже два года, какъ Пронька ведетъ жизнь совершенно особую отъ другихъ дѣтей.

Онъ цѣлый день проводитъ въ лѣскѣ за птичникомъ, или въ томъ дальнемъ, что за часовней, на берегу Хопра. Онъ приходитъ къ матери обѣдать и ночевать, но вообще мало говоритъ съ ней. Пронька ничего не боится, кромѣ грозы. Его часто и ночь застаютъ въ лѣсу и деревенскія злыя собаки нисколько для него не страшны, но лишь только тучи заволокутъ небо и въ воздухѣ сдѣлается душно, птички начнутъ усиленно кричать и летать около гнѣздъ своихъ—Пронька опрометью мчится на птичникъ и какъ двухъ-лѣтній ребенокъ укрываетъ голову въ колѣна матери, трясется всѣмъ тѣломъ и блѣднѣетъ. Настасья въ эту минуту гладитъ его по головѣ, приговаривая:

Господь съ тобою, сыночекъ мой! уводитъ въ избу, въ маленькія окошки которой видна молнія, а вѣтеръ хлопаетъ дверью; вдали же слышны раскаты приближающейся грозы. Пройдетъ гроза и Пронька повеселѣетъ; онъ смѣло выгоняетъ съ матерью цыплятъ изъ клѣтушковъ, смотритъ, какъ жадно пьютъ они изъ лужъ дождевую воду и потомъ отправляется или въ лѣсъ, или въ открытое степное поле.

Параша скорыми шагами пошла къ Настасьѣ и вручила ей курицу, которая, какъ ни въ чемъ не бывало, превежно начала расхаживать по двору. Настасья поблагодарила дѣвочку и, попенявъ, что она по сосѣдству не забѣгаетъ къ ней никогда, спросила—не видала ли она Проньку.

— Онъ лихой, отвѣчала Параша:—ни за что, ни про что обидѣлъ меня... какъ закричить, словно я кого удушила.

— Глупъ еще, молоденецъ, сказала Настасья и, разсыпая зерна, громко завопила—цыпъ, цыпъ, цыпъ.

Параша ушла съ птичника еще болѣе грустная. Пронька она не встрѣтила и, пообѣдавъ съ дѣдомъ, ушла въ лѣсокъ подрубить дѣду полотенно, что случилось въ первый разъ, хотя Параша еще и при своей матери не хуже большой дѣвки подрубала и шила. Было тепло, но не жарко,—напротивъ, сильный вѣтеръ былъ довольно свѣжъ, и Параша пошла выбрать себѣ мѣсто въ затишьѣ, около горки, возлѣ трусиковъ ва куста.

Она все думада о Пронькѣ.—Эхъ, еслибъ этого мальчика приголубить,—онъ, пуще трусика, боится

людей. То-то бы было житье, если бы онъ вмѣстѣ со мной гулялъ по лѣску; я бы ему сестричкой была; вѣдь у него нѣтъ сестрички,—раздумывала Параша: — и у меня нѣтъ братца, у него мать есть, а у меня и матери нѣтъ....

Параша вдругъ почувствовала, что она одна, совершенно одна и почувствовала это въ первый разъ; грудь ея стѣснилась, полились горкія слезы, а за ними начались и рыданія. Параша уткнула голову въ колѣни и долго бы она рыдала, еслибъ вдругъ не услышала трескъ сучьевъ и какой-то шумъ около себя. Она вскочила съ мѣста и вдругъ увидѣла, что Пронька лѣзетъ съ березы, еще минута и мальчикъ стоялъ возлѣ нея.

— Кто-те обидѣлъ, что ты и взаправду воешь? сказалъ онъ и изъ подлобья посмотрѣлъ на нее.

— Проня, голубчикъ, еще сильнѣе зарыдала Параша,—будь моимъ бра-а-атцемъ, а я твоей сестри-и-ичкой, говорила она сквозь рыданія. Проня подошелъ къ ней ближе.—Ну, чтожь! сказалъ онъ. Она все рыдала.—Ну, чтожь! снова повторилъ мальчикъ. Параша взглянула на него, онъ дрожалъ и на глазахъ его были слезы. Она обняла его, три раза поцѣловала, и съ той поры дѣти были неразлучны.

Пронька рассказывалъ Парашѣ, что дѣлается на птичникѣ, Параша сама туда стала ходить и во многомъ помогала Настасьѣ. Дѣти гуляли вмѣстѣ, дѣлились лепешками и молокомъ. Пронька иногда убѣгалъ въ дальній лѣсъ за часовню—Параша его поджидала

и готовила ему сюрпризъ: новая горленка прилетѣла въ лѣсокъ и вѣрно будетъ вить гнѣздушко.

Пронька приносилъ ей золотистаго жучка изъ того лѣса, она клала его на травку, любовалась имъ и снова пускала на волю.

Пронька непременно хотѣлъ, чтобъ Параша пошла съ нимъ въ дальній лѣсъ—посмотрѣть его собаку, а какую собаку, о томъ Параша ничего не знала.

Однажды (это было за нѣсколко дней до Троицына дня), они отправились въ этотъ лѣсъ. Жаръ сдѣлался довольно силенъ и Параша съ Пронькой рады были, что наконецъ, миновавъ часовню, достигли цѣли своей прогулки.

Долго шли они самой чащей, топтали ландыши и шуршили прошлогодними сухими листьями. Наконецъ въ самой густотѣ деревьевъ Параша увидѣла какую-то кучу, изъ-за которой слышался радостный визгъ собаки. Дѣти подошли къ животному и Параша увидела сплетенный изъ вѣтвей маленькій шалашъ для собаки, которая, выползши изъ него, начала лизать руки Проньки и радостно визжать, въ то время, какъ мальчикъ вытаскивалъ изъ кармана большіе ломти хлѣба. Параша догадалась, что собака была больна и что это для нея-то бралъ напередъ Пронька у матери тряпки. Въ самомъ дѣлѣ, у собаки обѣ заднія ноги были обернуты въ тряпички и обвязаны крѣпко нитками, которыя добрый мальчикъ взялъ у самой Параша. Параша, болѣе счастливая съ тѣхъ поръ, какъ цѣлый день дѣлилась всѣми забавами и впечатлѣніями съ Пронькой, — особенно была рада въ эту минуту,

убѣдившись, что у ея товарища доброе сердце. Удовлетворяя вопросамъ Параша, Пронька разсказалъ ей всю исторію, какъ онъ нашель собаку съ перешибенными ногами во рву, какъ изъ нея лилась кровь, какъ онъ едва дотащилъ ее до этого мѣста, куда, какъ ему извѣстно, волки никогда не заходятъ, и какъ соорилъ ей этотъ шалашъ.

Въ то время, какъ дѣти говорили, воздухъ все дѣлался душнѣе и душнѣе. Пронька сперва не замѣчалъ этого, но потомъ, наскоро простившись съ Найденкой и оставивъ ей запасъ хлѣба, торопливо взялъ Парашу за руку и скоро пошелъ съ ней изъ чащи. Еще не вышли они къ опушкѣ лѣса, какъ вѣтеръ подулъ усиленно, сдѣлалось довольно темно, весь лѣсъ переполошился: вороны летали съ дерева на дерево; ихъ крикъ смѣшивался съ шумомъ раскачавшихся деревьевъ. Крупная капля дождя упала Пронькѣ на лобъ. Пронька ничего не говорилъ; онъ шелъ торопливыми шагами; рука, которою онъ тащилъ за собою Парашу, сильно дрожала. Параша не знала, что объ немъ подумать. Испуганный видъ мальчика, шумъ и приближающаяся гроза въ незнакомомъ лѣсу, все это на нее сильно подѣйствовало; она тряслась, какъ въ лихорадкѣ, хотя въ другое время грозы и не боялась. Наконецъ они вышли изъ чащи.

Имъ нужно было пройти черезъ дорогу и, миновавъ часовню, выдти къ Хопру, откуда уже была видна и самая Красавка. Но едва они вышли изъ лѣсу, какъ сверкнула имъ въ лицо сильная молнія; они оба остановились,—но вотъ, вслѣдъ за молніей

оглушительный раскатъ грома загремѣлъ надъ ихъ головами и дрожавшій всѣмъ тѣломъ Пронька бросился на землю. Параша не видала, какъ онъ упалъ: она стремительно побѣжала, куда глаза глядятъ, повернула въ противоположную сторону и долго бѣжала по незнакомой ей дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой былъ лѣсъ. Дождь сѣкъ ей лицо. Молнія пугала, громъ оглушалъ ее, а она все бѣжала да бѣжала. Наконецъ, истомленная, она пріостановилась и, увидавъ, что она одна и въ незнакомомъ мѣстѣ, завопила страшнымъ голосомъ: ей въ это время показалось, что огромныя деревья сошли съ своихъ мѣстъ и густой толпой гонятся за ней; кровь бросилась ей въ голову и она упала безъ чувствъ.

Бѣжавшій съ мельницы изъ Ясновки мужикъ нашелъ ее и привезъ въ Красавку. На другой день у ней открылась горячка. Хрисановъ усердно лечилъ ее и приставилъ для ухода больной одну старую женщину, но за больной больше всѣхъ ухаживалъ молчаливый дѣдъ Пахомъ.

Пронька, когда испугъ его прошелъ, долго искалъ Парашу, но никакъ не попалъ на слѣдъ ея. Онъ прибѣжалъ домой безъ шапки, незная, что дѣлать, и думая, что Параша воротилась.

Съ самой той минуты, какъ онъ увидалъ ее больною и безъ памяти, онъ не отходилъ отъ ея постели и почти ничего не ѣлъ.

VIII.

«Съ Богомъ въ дальнюю дорогу,
Путь найдешь ты, слава Богу.»

На другой день Троицына дня, рано ранешенько ѣхалъ посланный изъ Ясновки въ Красавку съ лекарствомъ отъ Марьи Васильевны фельдшеру для больной Параша.

Дѣти впродолженіи дня нѣсколько разъ вспоминали рассказъ Хрисанѳа о бѣдной дѣвчкѣ. Имъ, въ особенности же Надѣ, очень хотѣлось увидать Парашу. На третій день Марья Васильевна снова отправила форрейтора къ Хрисанѳу, чтобы узнать лучше ли Парашѣ и послать ей чаю, сахару и лимоновъ. На слѣдующій день опять былъ отправленъ посланный. Но онъ привозилъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что больная все въ томъ же положеніи. Надя всегда морщила лобъ, когда вспоминала о Парашѣ, и такъ часто говорила о ней, жалѣя бѣдную дѣвочку, что Марья Васильевна, замѣтивъ, что эта мысль очень занимаетъ ее и мѣшаетъ ей учиться, стала прекращать разговоры о дѣвчкѣ, увѣряя Надю, что все пройдетъ, что Параша простудилась, какъ многіе простужаются. Но Надя, когда ей случалось быть съ няней, спрашивала ее, что за болѣзнь горячка, видѣла ли няня когда горячку? но Максимовна ничѣмъ не удорлетворила ее, она только сказала ей:—и, что это, дитятко! тебѣ ли о

болѣзни толковать? на, вотъ, вдѣнь мнѣ иголочку, а то, видишь, какъ слѣпа стала!

Надя обратилась къ Стешѣ, которую застала одну въ няниной коморочкѣ.

— Стеша, что ты тутъ дѣлаешь?

— Да вотъ майнѣ-крестъ велѣла сирень нащипать для сушки.

— Зачѣмъ нянѣ сушеная сирень?

— Они масла настаиваютъ, да мажутся, когда нездоровы.

— Стеша! таинственно, понизивъ голосъ, спросила Надя:—видѣла ты когда нибудь горячку?

— Горячку? что это вамъ пришло въ голову, барышня? и бросивъ дощипанные лепестки сирени на сивую сахарную бумагу, гдѣ ихъ была цѣлая куча,—Стеша начала, размахивая руками, рассказывать цѣлую исторію, какъ у Анны, огородниковой жены, была горячка, какъ она, Стеша, чуть не обожгла руки объ горячій лобъ больной, какъ больная кричала и бредила.—Ужь эта самая, что ни на есть, смертная болѣзнь,—отъ нея почитай всѣ мрутъ,—заклчила Стеша.

— Но вѣдь Анна огородникова жива, Стеша?

— Да вѣдь у Бога, барышня, не ровень часть, сказала убѣдительно Стеша.—Надя пошла внизъ, гдѣ Варя уже пила вечерній чай у маленькаго столика.

Нѣсколько дней Надя думала, что Параша умерла; ей было жалко дѣвочку, которой она не знала, потомъ мысль ея переходила на то, какъ должно быть больно, когда голова горяча такъ, что другому дотронуться до нея нельзя,—но Надя не хотѣла спросить

тетю о Парашѣ и уже нѣсколько дней ни съ кѣмъ о ней не говорила.

День шель за днемъ, дѣти учились и гуляли. Отца они мало видѣли: онъ ѣздилъ въ городъ, гдѣ хлопоталъ по дѣлу о продажѣ Ясновки.

Прошло двѣ недѣли послѣ Троицына дня. Насталъ Юнь мѣсяцъ; послѣ цѣлой недѣли дождя и вѣтра, наступала хорошая погода. Марья Васильевна сидѣла съ дѣтьми на балконѣ. Она и Варя работали, Надя читала вслухъ по нѣмецки. Къ вечеру ожидали Петра Васильевича. Солнце пригрѣвало и сушило лужи и грязь. Все говорило, что погода переменяется. Когда Надя dokonчила главу, тетка послала ее за галошами и бурнусами, чтобы идти гулять. Варя съ радостью бросила свое вышиванье.

Онѣ пошли на гумно, потому что тамъ было гораздо суше, и черезъ него вышли на дорогу. Вдругъ Варя завидѣла вдали лошадь.—Кто это ѣдетъ такъ скоро?—ужь, конечно, не мужикъ сказала тетка. Вскорѣ онѣ увидали, что лошадь впряжена въ маленькую тележку, на которой сидитъ красавкій фельдшеръ.— Вѣжливый Хрисанфъ Ивановичъ остановилъ лошадь и, прыгнувъ съ своей тележки, началъ отвѣшивать безчисленные поклоны.

— Изъ города ѣду, сударыня, ближней дорогой.

— А что, дорога очень грязна? спросила Марья Васильевна.

— И не приведи Господи, какъ грязна, отвѣчалъ Хрисанфъ. А я вашего дяденьку встрѣтилъ, Петра Ва-

сильевича, — прибавилъ онъ: — въ объѣздъ поѣхать изволили, я у мельницы ихъ встрѣтилъ.

Надѣ съ Варей очень смѣшно бы показалось въ другое время, что фельдшеръ думалъ, что ихъ папа дядя Марья Васильевна, но имъ обѣимъ живо вспомнилось первое знакомство съ Хрисаномъ, и Параша.....

— Что Параша? въ одинъ голосъ спросили дѣти.

— Слава Богу-съ; почти совсѣмъ поправилась, отвѣтилъ Хрисанъ и затѣмъ кинулся въ свою тележку, порылся, порылся въ ней и, доставъ два большихъ желтыхъ медовыхъ пряника, сказалъ: — не обидьте, барышни, отказомъ, и подаль пряники Надѣ и Варѣ, Дѣти очень сконфузились. — Нѣтъ, говорила Наля, вамъ самимъ нужно, и она покраснѣла, какъ макъ. Варя тоже неохотно брала, но Марья Васильевна сдѣлала имъ знакъ и онѣ взяли пряники и присѣли фельдшеру. Сконфуженный, самъ незная чѣмъ, Хрисанъ очень неловко простился и, сѣвъ въ тележку, затрясся по грязноватой дорогѣ.

Марья Васильевна стала было объяснять дѣтямъ, какъ бы онѣ обидѣли фельдшера, если бы отказались отъ его гостинца, но Наля перебила ее:

— Тетя, тетя! дѣвочка выздоровѣла! поѣдемъ посмотрѣть дѣвочку, — говорила она, прыгая по грязи.

Марья Васильевна сказала, что завтра, если окончательно разгуляется погода, можно будетъ ѣхать въ Красавку.

Петръ Васильевичъ уже пріѣхалъ, когда онѣ возвратились домой. Онъ былъ очень озабоченъ, и ходилъ скорыми шагами по залѣ. Лишь только дѣти во-

шли, Петръ Васильевичъ очень торопливо, но ласково, поздоровался съ ними и съ Марьей Васильевной. По всему было видно, что онъ имъ хочетъ объявить что-то очень важное.

И въ самомъ дѣлѣ новость была важная. Въ городѣ Петръ Васильевичъ получилъ письмо отъ тетки покойной своей жены—той самой, у которой зиму собирались провести въ Москвѣ. Старуха Дисова писала Петру Васильевичу, чтобъ онъ скорѣе ѣхалъ къ ней въ Москву, что у нея есть большія дѣла, въ которыхъ только онъ въ состояніи помочь ей. «Дѣтей можно преспокойно оставить съ Магіе, писала она, куда ты не воротишься, а тамъ мы ихъ перевеземъ въ Москву, и я сама помѣщу ихъ въ институтъ.»

Письмо это Петръ Васильевичъ прочелъ громко сестрѣ и дѣтямъ. Дѣти очень хорошо поняли, что папа отъ нихъ уѣзжаетъ, но на слова «отдамъ ихъ въ институтъ»—онѣ не обратили вниманія, какъ будто тутъ дѣло шло совсѣмъ о другихъ дѣтяхъ. Но Марья Васильевна ничего не пропустила мимо ушей и когда дѣти ушли спать, она долго говорила съ братомъ. Она сказала ему, что дала слово не покидать дѣтей его, что въ институтъ ихъ отдавать рано... Петръ Васильевичъ самъ былъ недоволенъ предложеніемъ тетки. Мысль, что онъ не будетъ видѣть своихъ дѣвочекъ съ пучками сирени въ рукахъ, веселыми и здоровыми, какъ теперь, пугала его. Особенно ему было жалко Вари. «Ну, для Нади это было бы не совсѣмъ дурно,—ея характеръ могъ бы исправиться», подумалъ онъ.

Прошло три дня въ суетахъ и сборахъ. На четвертый въ тарантасъ впрягли четверку разгонныхъ лошадей. Петръ Васильевичъ сидѣлъ за завтракомъ, столъ былъ заставленъ всевозможными кушаньями: тутъ были и грибки, и паштетъ съ цыплятами, и вотрушки, но Петръ Васильевичъ почти ничего не ѣлъ; онъ подзывалъ къ себѣ то ту, то другую дочь, ласкалъ ихъ, просилъ безъ него не скучать. Дѣвочкамъ не было особенно грустно, — онѣ съ любопытствомъ смотрѣли, какъ укладываютъ вещи, какъ запрягаютъ лошадей.

Надѣ было очень весело при мысли, что папа къ нимъ обѣимъ одинаково ласковъ — и ей вдругъ захотѣлось, чтобъ онъ остался въ Яснѣвкѣ; но за то, когда всѣ, проводивши отца до мосту, вернулись домой, а тарантасъ съ Петромъ Васильевичемъ исчезъ за горою, — Надѣ вдругъ стало легко. — Вотъ проживемъ-то! воскликнула она громко, живо представивъ себѣ, что дома только няня, тетя, Варя да Стеша, что и ворчливый дворецкій Семень переселится въ свою избу, и имъ за столомъ будетъ прислуживать все таже Стеша. Ей представилось живо и то, какъ няня будетъ сидѣть съ ними вмѣстѣ на балконѣ, какъ Надю теперь уже никогда не будутъ наказывать, и Надя снова вскрикнула, что ей очень весело.

Варя сейчасъ же взяла на себя тонъ ментора и сказала Надѣ, что ей очень стыдно радоваться тому, что папа уѣхалъ, что за это и Богъ ее накажетъ. Надя вся вспыхнула отъ досады. — Вѣдь и ты рада, что мы остались съ тетей однѣ, но ты все лжешь, ты притворяешься, ты дрянъ, — проговорила Надя. — Варя

и не думала лгать, ей просто не нравилось, что Надя радуется отъезду отца, и лишь только она услышала обидныя слова, какъ залилась слезами и во всю мочь бросилась догонять тетю, отъ которой онѣ обѣ отстали.

Марья Васильевна, выслушавъ Варю и унявъ ея слезы, стала кликать Надю, — но Надя пошла отъ нихъ въ сторону и сдѣла видъ, что не слышитъ зова тетки. Ей вдругъ пришло въ голову, что она въ самомъ дѣлѣ неправа и ей стало больно и стыдно. Но все-таки, вмѣсто того, чтобъ поскорѣе окончить ссору, попросить у Вари прощенья, сказать всю правду, тетѣ, — Надѣ пришла такая мысль: «Ужь если я дурная, то пусть буду дурна!» Она сказала это себѣ съ какой-то злобой и рѣшилась не идти къ теткѣ. Это былъ дѣтскій капризъ или упрямство, которое къ вѣкоторымъ дѣтямъ приходитъ точно со стороны, мучить ихъ иной разъ почти цѣлый день и оставляетъ по себѣ раскаяніе и слезы.

Такъ было и съ Надей. Она цѣлый день была молчалива, отвѣчала довольно грубо на всѣ вопросы, а самой ей было жалко всѣхъ, съ кѣмъ она обходилась не хорошо. Ей хотѣлось поцѣловать и просить прощенья у тети, но она на нее не смотрѣла; ей хотѣлось поиграть съ Варей, но она отвертывалась, когда Варя предлагала ей какую нибудь игру. — Тетя, пожимая плечами, сказала Варя: — Надя не хочетъ со мной играть!

— Оставь ее, она дурная дѣвочка, сказала тихо, съ сожалѣніемъ, Марья Васильевна: — она самой себѣ дѣлаетъ зло. И взявъ зонтикъ, она сошла съ Варей

въ садъ.—Тетя, мы пойдемъ на деревню гулять, не правда ли?—нарочно, чтобъ Надя услышала, громко спрашивала Варя Марью Васильевну, когда онѣ обѣ выходили изъ саду. Передъ поворотомъ къ калиткѣ, Варя обернулась къ Надѣ и манила ее рукой—ей жалко было оставить сестру дома. Но Надя снова отвернулась, увидавъ обернувшуюся къ ней Варю, и чрезъ двери балкона вошла въ гостиную. Все было тихо. Въ залѣ мирно стучали часы. Комнаты показались Надѣ какъ-то особенно пусты.

«Меня всѣ оставили,» думала Надя; ей было грустно, больно. «Я виновата, я огорчила и тетю, и Варю, я цѣлый день капризничаю... а онѣ-то меня оставили, гуляютъ себѣ по деревнѣ, а я пробуду здѣсь до вечера...» и грусть смѣнилась тоской и досадой.

Закатывающееся солнце золотило боковыя окна залы и пыль длиннымъ столбомъ подымалась къ окошку; въ комнатахъ было душно, а на дворѣ было такъ чудесно, жаръ совсѣмъ уже спалъ.—Тетя не вернется за мной,—я этого не стою, подумала опять бѣдная Надя:—внян не узнаеть, что я здѣсь, и не придетъ въ гостиную, а я къ ней не пойду,—и дѣвочка уткнулась головой въ диванъ.

Потомъ она стала горько плакать, какъ вдругъ услышала за собой шорохъ и обернулась: Марья Васильевна стояла за ней и смотрѣла на нее своими добрыми глазами. «Ну, вѣдь я знаю, птичка, что тебѣ и самой плохо,» сказала Марья Васильевна и пошла съ ней гулять. Варя ждала ихъ у калитки. «*Tout est fini*», сказала Варѣ Марья Васильевна;—«*tout est fini!*»

повторила самой себѣ Надя и довольно неловко пошла за теткой и сестрой, какъ будто стыдясь своихъ заплаканныхъ глазъ. Она нѣкоторое время отвертывалась отъ всѣхъ кто ей попадался въ деревнѣ, но вскорѣ все обошлось—и она, забывъ свое горе, весело говорила съ тетей, весело играла съ Варей, весело заснула въ своей постелькѣ, въ знакомой намъ дѣтской, гдѣ окошко завѣшивалось на ночь изорваннымъ нянинымъ платкомъ и гдѣ на ночь же зажигалась лампада передъ образомъ Казанской Божіей Матери.

IX.

«Стрекотунья бѣлочка
Подъ калиткою моею,
Скачетъ пестрая сорока
И пророчить мнѣ гостей.»

Пушкинъ.

«Ночь хмурая какъ звѣрь стокии
Глядитъ изъ каждаго куста.»

Тютчевъ.

Уже значительно подросли на птичникѣ у Настасьи цыплята и индюшаты. Гусята изъ зеленыхъ сдѣлались уже бѣлыми и безъ писку ходили переваливаясь за своими родителями на Хоперь. Вездѣ на поляхъ появились синіе васильки и крестьянскія дѣвочки, почти всѣ безъ исключенія, вили себѣ изъ нихъ плотные и довольно широкіе вѣнки. По лугамъ косили сѣно, нарядныя бабы собирали его въ душистыя

копны. Рожь колосилась на славу, и гречиха цвѣла своимъ бѣлымъ, какъ снѣгъ, цвѣтомъ. Подходилъ Петровъ день.

Загнавъ съ помощью чередныхъ дѣвочекъ всю птицу на ночлегъ и задавъ ей корму, Настасья пошла собирать ужинать;—чередныя крестьянки ушли домой на деревню, дикий павлинъ взлетѣлъ на крышу, гдѣ вздумалъ провести ночь. Послѣ жаркаго дня насталъ прохладный вечеръ и Настасья вынесла на дворъ изъ сѣней деревянный закоптѣлый столикъ и придвинула его къ длинной лавкѣ, стоявшей возлѣ избы. Сидя на этой лавкѣ, почти цѣлый день, Настасья присматривала за птицей. Изба ея стояла на мѣстѣ возвышенномъ и съ лавочки былъ виденъ любимый Парашинъ лѣсокъ. Лѣсокъ этотъ былъ теперь освѣщенъ краснымъ цвѣтомъ, потому что на него падали съ боку лучи почти закатившагося солнца. Настасья, Пронька и Параша принялись ѣсть изъ общей чашки молоко, съ вакрошеннымъ чернымъ хлѣбомъ.

Параша весь этотъ день пробыла на птичникѣ; она приходила стеречь птицу за одну крестьянскую дѣвочку, которой необходимо было помогать своей семьѣ въ уборкѣ сѣна. Настасья оставила Парашу ужинать. Всѣ трое ѣли молча. Вдругъ Пронька увидалъ, что къ нимъ идетъ женщина.

— Матвѣвна идетъ сюда, сказалъ онъ, преусердно посылая себѣ въ ротъ ложку за ложкой.

— Не брехай,—гдѣ она идетъ? сказала Настасья.

— Не брехай!—передразнивалъ свою мать Пронька:— а это-то кто?

Въ эту минуту Настасья сама увидала, какъ взбиралась въ гору Матвѣвна.

Матвѣвна, сестра Пахома и мать трехъ рослыхъ конюховъ, была прежде кухаркой, потомъ вышла за мужъ за кузнеца и долго слыла подъ именемъ кузничихи. Когда мужъ ея умеръ, ее стали звать лѣкаркой, потому что она долгое время лѣчила одной и той же травой отъ всѣхъ болѣзней. Но съ тѣхъ поръ, какъ Хрисанъ Ивановичъ поселился въ Красавкѣ, мастерство ея пропало. Хрисанъ лучше ея помогаль больнымъ и ему стали больше вѣрить. Съ той поры у Матвѣвны нѣтъ уже своего особаго прозвища, большая часть дворни называетъ ее просто Матвѣвной. Матвѣвна живетъ себѣ припѣваючи;—дѣла у нея мало,—только и есть, что выстирать бѣлье, да иногда поняньчить внучать у одной изъ трехъ невѣстокъ, съ которыми она въ вѣчной ссорѣ. Матвѣвна очень любитъ говорить—она знаетъ всѣ деревенскія сплетни, изъ которыхъ многія ея собственнаго сочиненія.

«Хлѣбъ да соль, кумушка (у Матвѣвны всѣ кумушки);—ну, что насупился волченокъ?—(Матвѣвна хлопнула Проньку по головѣ—Пронька закричалъ—ну-у-у!) а я у Пахома была—рубахи ему относала. Кстати, думаю, куму провѣдаю,—какъ-то себѣ поживаетъ? И Матвѣвна затрещала безъ умолку.

Наѣвшійся молока Пронька ушелъ наконецъ въ избу, и вынеся шубенку, пошелъ въ сарайчикъ спать.

Матвѣвна продолжала свою рѣчь: «А я нынче встала ранешенько,—вижу, прямо среди двора сорока, да такая большая, знай стрекочетъ себѣ по двору. Гово-

рю я эдакъ своимъ,—видѣла, моль, я сороку, ужь это, какъ есть, къ гостямъ, говорю. Въ обѣдъ и вижу—Ясновскіе люди по двору расхаживаютъ и нянюшка ихъ Афимья Максимовна тутъ—кума она мнѣ: Гришу—то вѣдь она у меня крестила.—Вѣдь господа-то Ясновскіе къ намъ въ графскій домъ переѣзжаютъ!»

Настасья, собиравшая чашки, ложки и крохи хлѣба въ фартукъ, хотѣла было войти въ избу, но заинтересованная этой повѣстью—приостановилась.

— Вишь, вотчину-то они продали, продолжала Матвѣвна:—самъ-то къ французамъ въ нѣмецкую землю уѣхалъ,—а барышень-то Сокольскій баринъ, что вотчину-то купилъ, изъ дому и гонить. Да, поди ты! мать моя, такъ вотъ и гонить.

Настасья съ недоумѣніемъ покивала головой и пошла отнести остатки ужина въ избу.—Я, тетка, сейчасъ вернусь,—сказала она, когда уже была въ сѣнахъ.

— Ничего, ничего,—твое дѣло хозяйское, вымолвила Матвѣвна и начала разглядывать оставшееся на столѣ грязное полотенце съ краснымъ шитьемъ. Параша все время слушала Матвѣвну со вниманіемъ, и въ ней сильно забилося сердечко, когда она услышала, что Надя съ Варей переѣдутъ въ Красавку.

— Славныя барышни, онѣ меня люже приголубили, сказала Параша Матвѣвнѣ.

— Да гдѣ ты-то ихъ видѣла?

— Онѣ намедни на птичникъ и у насъ въ лѣску и на пасѣкѣ были, отвѣчала Параша.

Матвѣвна этого не знала.

— Поди-ка, а я то и не знала! и Пахомъ-то, чтобъ ему пусто было, мнѣ ничего не сказалъ.

— Онѣ у насъ долго гуляли; гостинчиковъ мнѣ надавали, продолжала Параша.—Ужь такія добрыя.— Да ихъ всѣхъ, никакъ, было четыре—пятая нянька. Двѣ-то—такъ, махонькія,—одна побольше меня, другая поменьше, да и третья-то невеличка, все глаза щурить. По мнѣ, лучше всѣхъ худенькая, что повыше меня. На итачникъ пошли—всѣхъ дѣвчатъ поразспросили, какъ какую зовутъ, а потомъ, которая, молъ, изъ васъ за Парашей ходила, какъ Параша хворала. Тѣ-то со смѣху и покатались. Барышня-то вѣдь не знаетъ, что крестьянская за дворовой, хоть умирай, ухаживать не пойдетъ! и своихъ-то дѣлъ ей не подѣлать въ день—дома и то, и се прибереи, и съ ребятами нянчайся.

Матвѣвна пошла домой и Параша стала собираться.

— Парашка, а Парашка! останься, маточка, здѣсь ночку-то; куда пойдешь ночью? и роса, и все такое, да ужь и темнехонько, сказала ей Настасья.

— Нѣтъ, тетка, я пойду.

— Ну, иди, иди, несговорчивая, только молитву себѣ читай.

Параша скоро сбѣжала внизъ; не обходя кругомъ, она переправилась черезъ плетень и вотъ она уже въ долинкѣ между птичникомъ и пасѣкой. Полная луна плыла очень скоро, то скрываясь до половины, то внезапно появляясь изъ за небольшихъ тучекъ, то снова исчезая подъ густымъ темнымъ облакомъ. Параша шла торопливо. Въ одной сторонѣ слышенъ стонъ во-

ляныхъ лягушекъ, — въ другой пронзительно кричить неугомонно сверчокъ. Параша прислушивается, — ей немного страшно отъ чего-то; она поднимаетъ голову и смотритъ на выплывшую изъ подъ облака луну. Экой божій фонарикъ! говоритъ она, а сама идетъ еще скорѣе и думаетъ, какъ бы поскорѣй дойти до дому.

Но вотъ слышитъ она знакомый шорохъ лѣска и ей кажется, что между деревьями кто-то стоитъ. — Со мной сила крестная, шепчетъ дѣвочка и прислушивается къ своимъ собственнымъ шагамъ. Не мудрено, что ей показалось, что кто-то стоитъ между деревьями: каждое дерево бросаетъ тѣнь по землѣ отъ мѣсячнаго свѣта, а самый мѣсяцъ то скрывается за деревьями, то освѣщаетъ Парашѣ путь, и эта-то постоянная смѣна тусклаго луннаго свѣта тѣнью обманываетъ зрѣніе, а шорохъ листьевъ, то легкій и торопливый, то шумливый и мѣрный, похожъ на какой-то таинственный говоръ, и Парашѣ кажется, что кто-то раздвигаетъ вѣтви и тихо крадется вслѣдъ за нею. Но она все идетъ да идетъ; надъ нею летаютъ летучія мыши, тоскливый крикъ совы раздается у ней въ ухахъ, и какой-то трещоткой стучитъ ночной жукъ вблизи ея.

Но чего жъ она боится? вѣдь она въ этомъ лѣску какъ дома, — она знаетъ, что тутъ ее никто не укуситъ, не ужалитъ; въ другой лѣсѣ, гдѣ водится всякая гадина, ни за что бы она не пошла ночью. — Ей страшно оттого, что всѣ рассказы о лѣшихъ, русалкахъ, уныряхъ и оборотняхъ живо возникаютъ въ ея воображеніи; она идетъ не озираясь, видитъ передъ

собою дорогу — и боится смотрѣть на нее; слышитъ, какъ кричитъ сова и шепчутся листья, но не смѣетъ вслушиваться. Наконецъ она минуетъ лужайку, гдѣ растеть обильная земляника, — и ей уже виденъ огонь въ избѣ дѣда Пахома — а вотъ и Буянка бѣжитъ къ ней на встрѣчу и, радостно прыгая, сопровождаетъ Парашу домой. — Буянка, Буянка, Буяночка! говоритъ Параша и треплетъ собаку, и сердце у ней отлегло. Еще минута и она въ избѣ — передъ ней дѣдъ Пахомъ: онъ ставитъ на ночь хлѣбы въ печь. Въ избѣ душно, — ночныя бабочки такъ и бьются въ окно; — Параша говоритъ нѣсколько словъ съ дѣдушкой и идетъ спать на сѣнникъ, въ душистое сѣно, гдѣ и прохладно и хорошо.

На другой день всѣ Красавскіе дворовые съ любопытствомъ смотрѣли, какъ привозили въ графскій домъ пожитки и мебель ясновскихъ господъ. Глухой и пустынный дворъ оживился, — около дома стояли сундуки, только что сваленные съ телегъ, кресла, опрокинутые диваны, разбросанныя кровати, разныя кадушки, постели, кастрюли и прочее. Около пожитковъ тѣснились яновскія женщины, мужики вносили въ домъ, по приказанію Семена, ту или другую мебель. Дѣти прикащика и другіе Хрисанфовы ученики оставили классъ и глазѣли, перешоптываясь между собой.

Вечеромъ, когда Параша относила, вмѣстѣ съ Настасьей, прикащикѣ навесенныя курами въ послѣдніе два дня яицы, — она видѣла, какъ на графскій дворъ

вѣхали длинныя дрожки, и ей мелькнули знакомыя лица Марьи Васильевны и ея племянницъ.

Дѣвочки не замѣтили Параши, имѣ и въ голову не пришло, что Параша имѣ очень и очень рада.

Надя и Варя оставили Ясновку почти безъ сожалѣнія. Ихъ очень занимала перевозка, перемѣна мѣста жительства, — да къ тому же онѣ и Красавку очень полюбили.

Переѣхали же онѣ изъ Ясновки въ Красавку вслѣдствіе того, что купившій Ясновку господинъ писалъ къ Петру Васильевичу, что ему необходимо перестроить домъ къ осени и что нельзя ли Марьѣ Васильевнѣ съ дѣтьми переѣхать на время къ нему въ деревню. Но Петръ Васильевичъ захотѣлъ лучше, чтобъ дѣти и сестра наняли на время домъ въ Красавкѣ. на что и выпросилъ позволеніе у графа Т., котораго онъ лично зналъ.

Самъ же Петръ Васильевичъ уѣхалъ съ старой теткой въ Бадень-Бадень, гдѣ Дасова хотѣла пробыть до весны. Онъ писалъ Марьѣ Васильевнѣ, что никакъ не могъ отказаться отъ поѣздки и не проводить тетки, которая безъ него не рѣшалась ѣхать за границу. Осенью я думаю возвратиться къ вамъ, — говорилъ онъ въ своемъ письмѣ, — и свезти дѣтей въ Москву. Тетушка непременно желаетъ, чтобъ они поступили въ институтъ — и я на это почти рѣшился, тѣмъ болѣе, что ихъ примутъ, вѣроятно, на казенный счетъ.

Марья Васильевна дала себѣ слово не покидать, во чтобы-то ни стало, племянницъ, которыхъ она такъ любила; поэтому, можно себѣ представить, какъ

грустно ей было узнать намѣреніе брата. Ей хотѣлось бы взять дѣвочекъ къ себѣ, когда выдетъ за мужъ, но она была почти увѣрена, что на это Петръ Васильевичъ не согласится.

X.

«Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою.»

ЛЕРМОНТОВЪ.

«Онъ въ темной коронѣ съ сѣдой
бородой—
О нѣтъ! то бѣлѣетъ туманъ надъ
водой.»

(Лѣсной царь Жуковского).

Дѣти не замѣчали, что Марья Васильевна грустна; онѣ радовались переселенію въ Красавку, и каждый день выбирали для прогулки новое мѣсто. Онѣ не разъ уже ходили къ часовнѣ на берегу Хопра, а на птичникъ чуть не каждый день, пробираясь въ Парашинъ лѣсокъ.

Съ Парашей онѣ видѣлись часто. Надя такъ ее полюбила, что въ первое время только и разговора у нея было, что о Парашѣ. Параша ходила къ нимъ въ домъ. Надя убѣдила Парашу учиться грамотѣ, — она сама взялась учить ее, за что у нея съ Варей вышла ссора, потому что и той захотѣлось тоже учить Парашу. Надя показала Парашѣ картинки. Параша болѣе всего любила смотрѣть тѣ, на которыхъ были изображены львы, верблюды, змѣи, орлы и разные

звѣри, изъ которыхъ Параша большую часть не знала и по названью. Надя рассказывала ей, какъ орлы уносятъ иногда дѣтей на Альпахъ; говорила, что Альпы это такія горы, что верхушекъ ихъ не видно.

Параша развѣшивала уши и наивно спрашивала Надю о томъ, гдѣ живетъ змѣй-горынычъ, баба-яга въ ступѣ воду толчетъ, — и сначала никакъ не хотѣла повѣрить, чтобъ это была неправда, и что нѣтъ на всемъ свѣтѣ ни орѣховъ съ золотыми зернами, ни лисицъ, говорящихъ по нашему. Параша, въ свою очередь, рассказывала дѣвочкамъ сказки своей покойной матери.

Всѣ сказочки были очень коротенькія. Одну изъ нихъ, а именно о дѣвкѣ чернавкѣ, которая десять лѣтъ хранила куколку Королевы, Надя и Варя не разъ слышали отъ няни, хотя и въ измѣненномъ нѣсколько видѣ.

Разъ Марья Васильевна уѣхала, въ городъ для нѣкоторыхъ покупокъ и для другихъ дѣлъ. Дѣтей ей взять нельзя было съ собой и она на два дня оставила ихъ съ няней. На дворѣ былъ дождикъ, Параша пришла взять урокъ у Нади, но вскорѣ дѣло пошло на сказки, урокъ остался въ сторонѣ, а время такъ и летѣло; за рассказами наконецъ настало молчаніе.

— Параша, хочешь выучить—*«что ты спишь мужичекъ, вѣдь весна на дворѣ,»* вдругъ сказала Надя:— ты говорила, что хочешь затвердить эту пѣсенку для Проньки.

— Отъ чего же не затвердить, отвѣчала Параша—

и стала повторять за Надей, стихъ за стихомъ, пѣсню Кольцова. Въ четверть часа Параша запомнила три куплета, до словъ: «на дворѣ по травѣ хотъ шаромъ покати.»—Много стоило Надѣ труда приучить Парашу не повторять передъ каждымъ стихомъ букву *и*. И что ты спишь и мужичекъ, и весна, и на дворѣ—долго говорила Параша,—наконецъ она сказала какъ слѣдуетъ, но Надя уже была утомлена.

— А что, Пронька твой не учится грамотѣ въ конторѣ съ другими мальчиками? спросила Надя.

— Маль,—не пойметъ азовъ.

— А я видѣла сегодня, какъ маленькій мальчикъ, въ красной рубашкѣ, шелъ съ азбукой по двору.

— Пронька азовъ не пойметъ, отвѣчала рѣшительно Параша.

— Ну, дѣвка, сказала няня:—или у тебя дѣла нѣтъ? поучилась, поклонь да и вонъ,—пора и честь знать.

Параша неловко поклонилась, взяла азбуку, поцѣловалась съ Надей и Варей и ушла домой. Надѣ хотѣлось ей сказать что-то объ урокъ, сколько ей выучить складовъ, но Параша ушла такъ скоро, по одному слову няни, такъ что Надя не успѣла и сообразить, что Параша идетъ совсѣмъ. Она подошла къ окну и начала разглядывать, какъ стекались въ одно низкое мѣсто цѣлые ручьи воды; дворъ былъ совершенно пустъ,—кое гдѣ прыгали по травѣ галки. Параша, подобравъ свою набойчатую юбку, переступала черезъ лужи, и наконецъ исчезла за старинными околицами съ каменными столбами. Надѣ вдругъ стало

жалко, что Параша ушла въ скучную избу Пахома;— и что она будетъ дѣлать одна?—Потомъ Надя вспомнила свое первое знакомство съ Парашей, какъ она ея дичилась и, понуря голову, отвѣчала на всѣ разспросы, но между тѣмъ ни на минуту не отходила отъ нея. «И вотъ, эта Параша моя воспитанница, она у меня всему, всему выучится!» думала Надя и самодовольно улыбалась.

Параша не думала въ это время о Надѣ,—она торопливо шла на птичникъ, гдѣ думала застать Проньку, котораго цѣлый день не видала. Она застала мальчика въ маленькомъ анбарчикѣ, гдѣ онъ игралъ съ Найденкой, которая на столько поправилась, что могла, съ помощью Проньки, кое-какъ доползти до птичника. Параша усѣлась тутъ же, рядомъ съ Найденкой, на сѣно; дверь изъ анбарчика была отворена наружу, измокшій павлинь ходилъ около лужъ и пилъ, какъ бы нехотя, дождевую воду.

Параша тотчасъ же начала рассказывать Пронькѣ все, что она слышала и видѣла, сначала она досказала своими словами начатую еще вчера сказку о рыбахъ и рыбкѣ, которую сама Марья Васильевна прочла ей.

— Проня, голубчикъ,—ужь нынче и того лучше я понаслышалась,—сказала она, всплеснувъ руками, и пустилась ему рассказывать о звѣряхъ и птицахъ, какіе она видѣла на картинкахъ у Нади и Вари. Проня пересталъ играть съ Найденкой, которая спокойно заснула, и слушалъ, не переводя духа, все, что говорила ему Параша.

— И-ихъ! хорошо въ книжкахъ-то читать! — наконецъ сказалъ Проня. Это онѣ съ книжекъ баюють, аль со словъ?

— Съ книжекъ, Проня, — да у нихъ и картиночки, — и орла-то увидишь, какъ есть черный, въ ярочку когти впустилъ, летитъ, а ярочка только не пискнетъ. Глазь бы не свель!

— Параша, а вѣдь это и вправду такъ?

— Вправду, — змѣй горынычъ не вправду, — а орлы вправду, и горы-то большія, и звѣри всѣ эти, вправду.

— Змѣй-то горынычъ, вѣстимо, не вправду, ну, а баба-то яга тоже не вправду что-ли?

— А кто-жь ее знаетъ, отвѣчала Параша, Наденька, слышь ты, говоритъ, что сказки, это для ребятъ мамки да тетки складываютъ.

— И лѣсовыхъ, небось, сложили, сказалъ Пронька: — мамка страшала меня — вотъ-те лѣсовые съѣдятъ, однако, отродясь не видалъ. А попадись мнѣ какая погань — да я бы ей!.. и Пронька отчаянно замахалъ палкой.

— Ишь ты какой! Такъ онъ и дастся! Нѣтъ, братъ, больно скоръ. Я намедни, какъ у васъ птицу стерегла, иду себѣ по лѣсочку, а за мной словно кто пляшетъ, — спасибо, мать твоя научила, я молитву все читала.

— Ну, что-жь, не бось, не тронулъ?

— Да, тронуть не тронулъ.

— А огонечковъ по лужку около болота не бось видала?

— Видать-то видала,—дѣдъ Пахомъ сказывалъ, что это души дѣтскія некрещеныя огоньками-то рассыпаются.

— Да, поди-ты! я намедни поймалъ огонечекъ-то; въ рукѣ холодный такой. Я возьми да положь его въ листочекъ, да и спрячь въ карманъ. Глядь днемъ, анъ въ листочкѣ-то червячекъ—такъ себѣ, не величка.

— Куда-жь ты его дѣвалъ?

— Я до ночи схоронилъ его.

— Что-жь онъ, огонькомъ сталъ?

— Куда тебѣ! червякъ—такъ ему и быть.

— Проня, Проня, ты душеньку погубилъ! сказала жалобно Параша.

— А вотъ водяные такъ вправду, продолжалъ серьезно Пронька:—Я какъ-то повечерку скокомъ бѣгу по бережку,—а изъ воды меня кто-то: Пронька, а Пронька! такъ и кличетъ. Чтобъ имъ пусто было! видно, ребята завидѣли. Ужь я глазѣлъ, глазѣлъ—пустырѣ и нѣтъ ни собаки. Ребята, извѣстное дѣло, объ эту пору изъ дому не ходятъ.—Стою себѣ, а изъ воды меня погань и кличетъ—словно мать—Пронька!—такъ жалостливо; я постоялъ маленько—тишь: словно въ дальнемъ лѣсу, а погань-то такъ съ середки къ берегу и бьетъ, синяя такая! Я скокомъ—а она за мной по рѣкѣ скокомъ; плюнулъ я да въ гору—то махомъ.

Параша не проронила словечка; сердечко у нея сильно билось, когда она, простившись съ Пронькой, пошла за-свѣтло домой.

На другой день Параша опять была у Нади. Погода прояснилась и дѣти съ няней и Стешей пошли проводить ее до птичника.—Параша, тебѣ не страшно ночью одной ходить? спросила Надя.

— Отъ чего страшно?—отвѣчала Параша:—ночью то, вѣстимо, жутко.

— Волки ходять?

— Волки не волки, а всяко бываетъ, и Параша рассказала Надѣ вчерашній рассказъ Проньки и еще многіе другіе случаи,—какъ лѣшіе и вѣдьмы являлись многимъ изъ дворовыхъ.

Надя боязливо слушала Парашу и всю дорогу, когда онѣ шли домой, думала объ этомъ. Она живо вообразила вѣдьмъ, лѣшихъ и водяную погань и не спокойно заснула.

Къ вечеру этого дня возвратилась изъ городу тетя. Надя всегда любила тетю спрашивать обо всемъ; но о духахъ и привидѣніяхъ, въ которые такъ вѣрила Параша, Надя почему-то не хотѣла спросить Марью Васильевну.

Быть можетъ, она боялась, что Марьѣ Васильевнѣ не понравится, что Параша ей говорила объ этомъ, а можетъ быть Надя предугадывала, что тетя разувѣритъ ее въ существованіи вѣдьмъ, лѣшихъ и русалокъ.

Надя знала, что Параша умѣетъ пѣть пѣсни; она ее просила спѣть ей какую нибудь пѣсенку.

— У меня есть одна пѣсенка,—дюже хороша,—только ее пѣть не стану, сказала ей Параша.

— Милая, хорошая Параша, спой, просила Надя.

— Ну, для тебя спою,—только не здѣсь, а въ лѣску.

— Вѣдь меня не пустятъ въ лѣсокъ одну.

— А когда гулять пойдешь на пасѣку, я заведу тебя далече, подѣ самыя сосенки,—тамъ не слышать, и спою.

Надя помнила обѣщаніе Параша, она никому объ этомъ не говорила—ей казалось, что это такая тайна, которую никому нельзя повѣрить. И въ первый же разъ, когда тетя согласилась идти съ ними въ лѣсокъ, и когда Варя прилежно принялась искать землянику, которая всегда попадалась ей во множествѣ, тогда какъ Надя только одинъ разъ нашла двѣ ягодки,—Надя, боясь чтобы Варя не пошла за ней—и тогда, чего добраго, Параша и пѣсни не споетъ,—а главное—тайны не будетъ, проворно ускользнула съ Парашей за густой орѣшникъ. Параша повела ее въ гору, Надя цѣплялась за кусты и спотыкалась, наконецъ онѣ выбрались на маленькую тропиночку. Тропинка повела ихъ еще выше въ гору и обѣ дѣвочки очутились около высокой сосны: передъ ними широко разстилались пашни и сжатые нивы;—вороны отъ ихъ прихода съ карканьемъ слетѣли съ дерева. Надя смотрѣла на еловые шишки, во множествѣ валявшіяся на колючей травѣ;—ей было страшно—сердце въ ней сильно билось;—она въ первый разъ очутилась одна въ лѣсу съ крестьянской дѣвочкой безъ тети, безъ Вари и няни! Параша сѣла на полусгнившій пенъ и долго, долго смотрѣла на Надю.

Наконецъ, поймавъ рукой свою тоненькую косу,

въ которую былъ вплетенъ красный ситцевый лоскутокъ, она стала внимательно разсматривать свои волосы и въ тоже время запѣла чистымъ, довольно толстымъ голосомъ свою любимую пѣсню.—Слова этой пѣсни были такія:

«И на лодочкѣ на карабикѣ
Плыветь дѣвушка—лебедушка,—
И какъ плыветь она въ неволюшку,
Въ чужу дальнюю сторонушку—
Слезьми плачетъ—обливается,
Родну мать вспоминаючи.

Ты рѣка-ль, рѣка глубокая!
Потопи ты горе дѣвичье
Мою долю сиротинскую!
Чужимъ людямъ не жалѣть меня,
Во чужихъ людяхъ мнѣ плакати.

Воробей ты мой воробушекъ—
Снеси братцу мою жалобу,
Отцу крестному ты поклонъ снеси!

Снарядятъ они карабичекъ—
И та лодочка быстрѣ всѣхъ—
И возьмутъ меня сиротушку
Изъ неволюшки изъ тяжкія
Въ домъ родительскій—на погосточекъ,
Гдѣ въ могилкѣ зарыть батюшка,
Рядомъ съ нимъ родная матушка» (*).

(*) Пѣсня эта выражаетъ безысходное горе, что часто любить выражать нашъ народъ въ своихъ пѣсняхъ. Плывающая въ неволю дѣвушка находитъ себѣ только утѣшеніе въ смер-

На срединѣ пѣсни Параша спшибла руки и наклонила внизъ голову; босыя ноги ея свѣсились съ пня; синяя набойчатая юбка не прикрывала ихъ.

Параша пропѣла эту пѣсню съ большимъ чувствомъ; при концѣ пѣсни голосъ ея просто стоналъ. Она сама не знала почему грусть, выраженная въ этой пѣсни, была ей такъ любя.

Когда Параша окончила пѣсню, ея круглое лицо было уже весело, а голубые глаза блистали. Улыбка самодовольствія раскрыла ея толстыя губы и ровные бѣлые зубы были совсѣмъ на наружѣ.

Когда потрясенная и растроганная Надя вернулась къ своимъ, она была очень задумчива и грустна. Зачѣмъ я не Параша! говорила она про себя, и всю обратную дорогу шла понутивъ голову.

XI.

Нѣсколько недѣль прошло незамѣтно для Нади, Вари и Параша. Надя и Варя довольно учились съ тетей, много гуляли и катались по красивымъ красавскимъ окрестностямъ. Параша постоянно ходила къ нимъ, она уже читала по складамъ Кольцова. Она много хорошаго наслушалась и много въ свою очередь пересказала Пронькѣ.—Но Марьѣ Васильевнѣ не казалось, что время идетъ слишкомъ быстро. Она грустила о томъ, что давно не получала писемъ отъ сво-

ти;—для нея домъ—родительская могила.—Этотъ стонъ у насъ пѣсню зовется, сказалъ Некрасовъ въ одномъ изъ своихъ прекрасныхъ стихотвореній.

его жениха—да и институтъ не выходилъ у нея изъ головы.

Прошелъ Ильинъ день, прошла и жатва—поля, еще недавно такъ богатяя золотистыми колосьями, сдѣлались однообразными и скучными. Лѣто уже сняло половину своей роскошной одежды... Стало менѣе цвѣтовъ въ лѣсу и на лугахъ, деревья не были покрыты свѣжей зеленью. Кое глѣ виднѣлся уже и желтый листъ. Гусята выросли съ большихъ утокъ, дикій павлинъ на птичникѣ у Настасьи каждый день ронялъ перья изъ своего богатаго хвоста, который уже сдѣлался бѣднымъ и довольно жидкимъ. Няня Максимовна наварила уже варенья изъ всѣхъ возможныхъ ягодъ.—Поспѣвали скороспѣлки яблочки, подходило первое число августа—первый Спасъ, и дѣдъ Пахомъ уже повынулъ много меду изъ ульевъ своего пчельника.

Прошли и грозы, до которыхъ пронька былъ не охотникъ, а Надя, напротивъ того, большая охотница. Для Нади грозовой день былъ просто праздникъ. Она обыкновенно бросала всѣ книги, какъ только потемнѣетъ среди яснаго дня. Она любила, когда громъ грохочетъ съ такой силой, что трещать стекла въ рамахъ, а сильный дождь и градъ шумитъ оглушительно о желѣзную крышку дома, а няня Максимовна ахаетъ, притворяетъ всѣ окошки и посылаетъ Стешу на чердакъ закрывать трубы. Молнія сверкаетъ прямо въ лицо Нади. «Святъ, святъ Господь Савооѣ исполнь небо и земля славы твоя!» говоритъ громогласно няня и кладетъ широкій и твердый крестъ. Удары сильнѣе и сильнѣе,—въ комнатахъ темно, шумъ грозы и гра-

да не даетъ слышать словъ, а толстая, обвитая золотомъ, богоявленская свѣчка жарко пылаетъ передъ Казанской Божіей Матерью; блѣдная няня, стоя на колѣнахъ, перебираетъ четки. А Надѣ-то ничуть не страшно; ей жутко и хорошо; она даже жалѣетъ, когда дождь и градъ перестаютъ и самый громъ затихаетъ въ дали.

Грустная Марья Васильевна сидѣла въ дѣтской молча и вышивала воротничекъ, нашитый на клеенку.

— Тетя, ты намедни сказала, что папа думаетъ меня и Варю отдать въ институтъ? Правда это, тетя?

Зачѣмъ эта дѣвочка объ этомъ спрашиваетъ, подумала Марья Васильевна и ей стало еще грустнѣе.

— Тетя, я право не буду плакать, когда меня отдадутъ въ институтъ. Ты будешь съ нами;—дѣвочекъ будетъ много, и такихъ, какъ Стеша, и какъ Параша. Я буду хорошо — отлично учиться, вечеромъ всѣ будемъ играть.

Марья Васильевнѣ сдѣлалось еще грустнѣе.

— Конечно, можетъ это еще не случится, сказала она, — но все-таки, Надя, мнѣ тамъ не позволять жить съ тобой.

Надя вдругъ увидѣла институтъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ.

Тетя же понемногу рассказала ей, что изъ института не пускаютъ домой, что тамъ послѣ классовъ всѣ идутъ попарно обѣдать, что на игры положенъ свой часъ и вечеромъ снова классы.

Надя и слушала и не слушала тетю. Для нея институтъ сталъ уже совсѣмъ не тѣмъ. Тамъ не будетъ

ни тети, ни няни, даже Варя будетъ спать въ другомъ дортуарѣ—такъ какъ она моложе ея.

Вставая утромъ и ложась спать, послѣ этого разговора съ тетей, Надя все думала объ одномъ и томъ же. Ей казалось, что непременно ее и Варю отдадутъ въ институтъ, и что тетю уже никогда не увидитъ. Даже во снѣ Надя начала видѣть институтъ—то ей казалось, что всѣ дѣти плачутъ и пищать и старая дурная дама грозитъ имъ желтымъ, костлявымъ пальцемъ, то ей казалось, что ее самое хотятъ наказать, и тети нѣтъ съ ней.

Тяжелый камень палъ Надѣ на душу;—она стала задумчива и тиха, хотя уроки свои и учила прилежнѣе обыкновеннаго—и въ свою очередь давала уроки Парашѣ.

Такъ прошла недѣля.

Разъ, вставши поутру, дѣти увидали въ окно отложенный тарантасъ у крыльца.—Няня, кто къ намъ пріѣхалъ? спрашивали Максимовну Надя и Варя,—или это кто нибудь внизъ къ Хрисафу Иванычу?

— Много будете знать—скоро состаритесь говорила няня, тщательно помадя голову Вари.

Стеша, взявшая тазъ, чтобъ вынести его вонъ,—прищурила свои глаза и хотѣла что-то сказать, —но няня перебила ее: иди, неси что надо, а соваться тебѣ нечего, гдѣ тебя не спрашиваютъ. Ужъ она и рада разболтать—ти-ли, ти-ли, передразнивала няня свою крестницу—вѣдь безъ нея ужъ и сказать некому—скажите на милость! какой пострѣлъ—вездѣ поспѣлъ.

— Няня, да кто же прїѣхалъ? спросила тоскливо Надя.

— Ужь я знаю кто, весело улыбаясь говорила Варя.

— Ну кто же? говори, приставала Надя.

— Ужь я знаю кто, снова повторила Варя.

Надѣ опять вспомнился институтъ: ужь не за ними ли прїѣхали?—сердце у нея больно сжалось.

Дѣти помолились и одѣтыя пошли къ тетѣ. Надя тихо сходила съ лѣстницы — ей не хотѣлось знать своей судьбы. Любопытная Варя торопливо шла впередъ. Няня выдержала характеръ, не сказала имъ кто прїѣхалъ. Для чего она это сдѣлала—она и сама хорошо не знала. Стѣша губами и жестами еще въ дѣтской показывала дѣтямъ кто прїѣхалъ, но онѣ не поняли ея пантомимы.

Тетя сидѣла за чайнымъ столикомъ съ высокимъ молодымъ человѣкомъ. Дѣти тотчасъ догадались, что это женихъ ея. Николай Дмитріевичъ бросился цѣловать ихъ и спрашивалъ помнятъ ли, узнали ли онѣ его?

Тетя была очень весела. Надѣ въ первыя минуты было тоже весело за тетю, но потомъ ей пришло въ голову, что онъ увезетъ ее съ собою и опять институтъ вспомнился бѣдной дѣвчкѣ.

Надя въ этотъ день была еще серьезнѣе и не разъ говорила себѣ: Господи, зачѣмъ я не Параша!

Черезъ нѣсколько дней послѣ своего прїѣзда, Николай Дмитріевичъ вошелъ къ дѣтямъ въ то время, когда онѣ учились съ Марьей Васильевной. Посмотрѣвъ, что у нихъ за урокъ, Николай Дмитріевичъ

тотчасъ же принялся объяснять его Надѣ и Варѣ. Марья Васильевна взяла свою работу и сѣла тутъ же. Николай Дмитріевичъ по поводу урока рассказалъ дѣтямъ такъ много хорошаго, такъ заинтересовалъ ихъ, что онѣ желали, чтобъ онъ вмѣсто тети училъ ихъ.

И съ этого дня Николай Дмитріевичъ каждый день училъ своихъ будущихъ племянницъ. Няня тоже съ чулкомъ своимъ иногда присутствовала въ классахъ и съ удивленіемъ качала головой.

«И куды красно говоритъ—то; говорила она: — я старуха и то заслушиваюсь его.»

Николай Дмитріевичъ такъ умѣлъ оживить для дѣтей грамматику и ариѳметику, что науки эти перестали казаться имъ скучными. Дѣти въ первый разъ у Николая Дмитріевича хорошо поняли значеніе частей рѣчи,—тетя не умѣла хорошо толковать имъ.

Надя черезъ недѣлю полюбила Николая Дмитріевича горячо. Онъ ей объяснялъ ея любимыя стихотворенія, изъ которыхъ инныя мѣста она не понимала. Онъ рассказалъ ей объ искусствахъ вообще и о поэзіи въ особенности. Надя смутно понимала до сихъ поръ что такое поэзія.

Николай Дмитріевичъ рассказывалъ ей и изъ исторіи,—какъ живутъ дикіе народы сперва семействами, потомъ родами и наконецъ, сдѣлавшись осѣдлыми, создаютъ государство. Онъ рисовалъ передъ ней картины кочевой жизни, говорилъ и о томъ, какое вліяніе климатъ и мѣстность имѣютъ на развитіе общества;—по этому поводу онъ описалъ нравы обитателей Кавказа, нравы, ѣдящихъ на олѣняхъ, Лопландцевъ и живу-

щихъ подъ раскаленнымъ небомъ, толстогубыхъ Кафровъ.

Николай Дмитриевичъ рассказалъ Надѣ, какъ въ народѣ возникаетъ фантазія, какъ, прислушиваясь къ плеску волны и шуму листьевъ въ лѣсу, человѣкъ воображаетъ различныя существа, которыми и населяетъ лѣсъ и рѣки. Онъ рассказалъ Надѣ, какъ древніе Греки отчетливо представляли себѣ эти выдуманныя существа и изображали ихъ въ своихъ пѣсняхъ, въ своихъ статуяхъ и на картинахъ.

Надя поняла, что все это очень хорошо, какъ прекрасное, какъ поэзія, но она по неволѣ увидала, что Параша и она сама не права въ томъ, что боится лѣшаго и водяной погани.

Надя была счастлива, когда Николай Дмитриевичъ училъ ее, когда тетя ласкала и играла съ ней, но, оставшись съ Варей и няней, она снова дѣлалась серьезной и грустной.

Больно ей было подумать, что милый Николай Дмитриевичъ и тетя скоро не будутъ жить съ ними, и Надя худѣла день ото дня.

Перваго сентября Марья Васильевна сказала дѣтямъ, что завтра у нихъ будетъ новый дядя. Дѣти и такъ знали, что свадьба тети должна быть скоро, но онѣ никакъ не думали, что она будетъ завтра.

На другой день все утро дѣти были почти однѣ, няня хлопотала больше всѣхъ; ихъ одѣла Стеша въ бѣленькія кисейныя платица. На самой Стешѣ было новое розовое платьє и бѣлая шелковая лента на шеѣ.

Когда дѣти вошли къ тетѣ въ комнату, она чеса-

ла голову; — въ углу на столикѣ лежалъ большой хлѣбъ и въ немъ вдѣлана была солонка; столикъ былъ покрытъ бѣлой скатертью, а за хлѣбомъ стоялъ образъ. Въ десять часовъ пріѣхала дальняя родственница, которую Надя съ Варей очень мало знали; съ ней пріѣхало двое мужчинъ, одинъ военный съ рыжими усами и длиннымъ носомъ, другой маленькій, худенькій, въ черномъ фракѣ и накрахмаленномъ бѣломъ галстухѣ. Потомъ вышелъ въ гостиную Николай Дмитриевичъ, потомъ и тетя сѣла на золоченое графское кресло, обитое истлѣвшимъ штофомъ, и всѣ сѣли по мѣстамъ. Няня въ шелковомъ платьѣ и бѣломъ барежевомъ платкѣ тоже присѣла на кончикъ стула, у самыхъ дверей. Наконецъ родственница встала, и всѣ встали, и начали молиться.

Потомъ военный и родственница, онъ образомъ, она хлѣбомъ, благословили молодыхъ. Няня засуетилась и всѣ отправились въ церковь. Тетя взяла Наю и Варю за руку и посадила съ собою въ карету. Варѣ дали въ руки образъ.

Осенній день былъ очень хорошъ. Въ воздухѣ пахло какой-то пріятной кислотой. Листья на деревьяхъ и кустарникахъ около церкви были совершенно какъ золотые, а нѣкоторые ярко красные; солнце еще больше золотило и красило ихъ.

У церкви было много народу, и крестьянъ и дворовыхъ. Хрисанфъ Ивановичъ стоялъ у самой церковной лѣстницы и лишь только подѣхала карета Марьи Васильевны, онъ тотчасъ отхлопнулъ дверцы и высадилъ всѣхъ трехъ барышень. При этомъ онъ взялъ

образъ изъ рукъ Вари и, расталкивая толпу, провель невѣсту въ церковь.

Няня стояла почти возлѣ невѣсты и усердно молилась. Служба продолжалась не долго. Дома встрѣтили молодыхъ всѣ графскіе дворовые; Марья Васильевна просила няню угостить ихъ. Няня обсыпала молодыхъ хмѣлемъ, когда они стали ногами на шубу въ дверяхъ залы, а родственница и военный встрѣтили ихъ съ образомъ и хлѣбомъ. Такъ прошелъ день. Вечеромъ Надя долго не могла заснуть. Также, какъ наканунѣ Троицына дня, она долго ворочалась въ постелѣ. Но на этотъ разъ не гаснувшая лампада, не звѣздочка занимали ее. Институтъ и разлука съ тетей и дядей не выходили у ней изъ головы, и она съ грустью и тоской заснула, когда уже было довольно поздно.

ХII.

Смерть жатву жизни косить, косить
И каждый день и каждый часъ.

Кн. Вяземскій.

И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ.

Пушкинъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы Марья Васильевна пошелъ мелкій, холодный дождикъ. Небо

заволокло съ утра. Въмѣсто обычной прогулки, дѣти играли въ мячикъ въ большой залѣ. Марья Васильевна предостерегала ихъ не разбить мячикомъ стеклянные висяльки на большой люстрѣ. Сама тетя ходила съ дядей вдоль и поперекъ,—дядя ей что-то рассказывалъ.

И безъ того уже пасмурный день сталъ смѣняться вечеромъ. Дѣти очень любили потемки; онѣ попросили у тети позволенія позвать Стѣшу и играть съ ней въ жмурки. Не успѣла тетя на это согласиться, какъ Стѣша вбѣжала проворно въ комнату и подала Марьѣ Васильевнѣ письмо. «Это, вѣрно, отъ брата, сказала Марья Васильевна:—онъ такъ давно не писалъ мнѣ.»

— Отъ папа, отъ папа письмо? спрашивали дѣти и просили тетю прочесть. Дядя вышелъ сказать, чтобъ дали огня, но не воротился въ залу. Стѣша принесла свѣчку. Марья Васильевна поблѣднѣла—письмо было съ черной печатью и написано незнакомымъ почеркомъ. Руки у нея тряслись.—Дѣти, позовите го мнѣ дядю, сказала она дрожащимъ голосомъ и едва развернула письмо, какъ упала со стула на полъ.

Тутъ сейчасъ прибѣжалъ Николай Дмитриевичъ, няня и Стѣша—Марью Васильевну вспрыснули водой—она пришла въ себя, но взглянувъ на письмо, горько зарыдала.

Надя тряслась, какъ въ лихорадкѣ. Уже болѣе двухъ недѣль, какъ она была постоянно грустна, въ эту же минуту она думала, что узнаетъ только то, что ей давно извѣстно; Варя ничего не понимала, что дѣлается кругомъ нея.

Къ ночи дѣти уже знали, что ихъ папа умеръ отъ тифозной горячки въ Петербургѣ. Варя плакала цѣлый часъ, Надя совсѣмъ не плакала—ей было какъ-то страшно и больно.

За обычной молитвой на ночь няня велѣла положить имъ по три поклона за упокой новопреставленнаго Петра.

Няня, Стеша, Марья Васильевна, Николай Дмитриевичъ и дѣти—всѣ провели весь этотъ вечеръ вмѣстѣ,— тетья лежала на диванѣ съ компрессомъ на головѣ, блѣдная и холодная, но она не отпускала дѣтей отъ себя, да и дѣти ни за что не хотѣли отойти отъ нея. Няня старалась развеселить всѣхъ — она принесла варенья и смоквъ къ чаю, но ихъ никто не ѣлъ.

На другой день была заказана заупокойная обѣдня. Во время службы слабая тетья сидѣла на стулѣ, дядя не отходилъ отъ нея и часто подавалъ ей воду.

Но вотъ, послѣ благословенія Господня, придвинули на средину церкви маленькій, залитый воскомъ, заупокойный столикъ; на немъ горѣло много свѣчей, одна свѣча была воткнута въ самую кутью съ изюмомъ и большими кусками сахара, которую Максимовна еще до обѣдни принесла въ церковь и поставила на этотъ столикъ. Священникъ вышелъ съ кадиломъ и началось заупокойное пѣніе.

Панихида продолжалась довольно долго — и это потрясающее пѣніе вызывало наружу горе. Марья Васильевна то рыдала, то бросалась на колѣни, то въ

изнеможеніи падала на стулъ. Няня такъ и заливалась слезами.

Народу въ церкви было не очень много. Надя почти никого не видала, ей брасалась въ глаза только старая Матвѣвна, которая то и дѣло поправляетъ свѣчи, и ей сдѣлалось отчего-то досадно на эту Матвѣвну. Надя во время печальнаго пѣнія ни разу не вспомнила объ отцѣ: она дышала трудно и тряслась, голова у нея болѣла не на шутку. Варя плакала, когда другіе плакали, и слѣпливала воскъ съ своей свѣчки, которую держала то въ одной, то въ другой рукѣ.

По возвращеніи въ домъ, почти больная, усталая и грустная Надя бродила изъ одной комнаты въ другую; наконецъ она какъ-то нечаянно пришла въ дѣвичью, — въ дѣвичьей у самой черной двери стояла Параша. Надя тотчасъ подошла къ ней.

— Параша, что ты давно не приходила учиться?

— У васъ свадьба была.

— Ну, что же, что свадьба? А теперь, Параша, у насъ папа умеръ — отецъ умеръ.

— Блины-то будутъ? спросила пресерьезно Параша.

Въ это время, хлопотавшая около закуски для священниковъ, няня подошла вылить въ лаханку помой изъ полоскательной чашки; Надя поймала ее за платье. — Няня! Параша спросила будутъ ли блины? сказала она Максимовнѣ съ удивленіемъ.

— Она дѣвка разумная, отвѣчала няня, — она знаетъ когда чему быть.

— Няня, зачѣмъ же блины—то? спрашивала еще ничего не понявшая Надя.

— А чѣмъ же папашеньку—то помянуть? вѣдь не одной же кутьей, заговорилъ чей—то голосъ. Надя обернулась и съ неудовольствіемъ увидала Матвѣвну, которая, сложивъ крестъ на крестъ руки, стояла около стола съ приготовленной закуской; Матвѣвна продолжала: не нами заведено, не нами и кончится,— вѣдь папашенька былъ не нашъ братъ. А ужъ мы по нашей бѣдности, и то помины творимъ, и блины то печемъ, ну и брагу варимъ, и все такое.

Надѣ стало ужасно досадно. — Что это они всѣ нынче вздоръ говорятъ? думала она:—и брагу варятъ, когда умеръ у нихъ кто нибудь!... Наконецъ она не выдержала и дрожащимъ голосомъ сказала Матвѣвнѣ, что стыдно угощать и веселиться, когда горе. Матвѣвна не разслышала этого, — она сама что-то свое болтала и вдругъ, подойдя къ Надѣ, стала гладить ее по головѣ, приговаривая: — эхъ, сироточка, сироточка,—круглая — ни отца, ни матери. Надѣ стало такъ обидно и больно, что она вскрикнула и опрометью убѣжала изъ комнаты. Голова у ней разболѣлась еще сильнѣе. Къ вечеру сдѣлался маленькій жаръ, но за ночь все прошло.

На другой день Надя,—такъ какъ у нихъ ученье прекратилось на время,—послала Стѣшу за Парашей.

Надя развеселилась съ своей ученицей, много ей читала и ее заставляла читать.

Среди урока она спросила ее:—Параша, тебѣ жалко меня?

— Отъ чего жалко? въ свою очередь спросила ее Параша.

— Вѣдь у меня отецъ умеръ.

— Ну, что-жь? не всѣмъ жить, отвѣчала прехладнокровно Параша.

Надя удивилась отвѣту Парашаи.

— Параша, а пѣсенка-то твоя?

— Ну, чтожь пѣсенка?

— Да въ пѣсенкѣ-то какъ жалко сиротку...

— Въ пѣсенкѣ-то, вѣстимо, жалко, и Параша больше ничего не сказала.

Надя въ самомъ дѣлѣ подумала, что ея жатѣтъ нечего. Мысль, что тетя ужъ теперь съ ними остается, пришла ей въ голову въ первый разъ послѣ смерти отца.

Надино горе пришло къ своему концу, когда она узнала, что тетя и дядя собираются жить въ Москвѣ, а Надя и Варя никогда не будутъ въ институтѣ. Дядя ихъ опекунъ и будетъ воспитывать ихъ дома. Надя, узнавъ всѣ эти предположенія, еще не совсѣмъ была рада; ей хотѣлось знать: поѣдетъ ли съ ними няня и вернутся ли они на будущее лѣто въ Красавку?

Вечера уже были довольно длинны; дядя и тетя проводили ихъ вмѣстѣ съ дѣтьми, — дядя нѣкоторымъ образомъ замѣнилъ имъ тетю; тетя молчитъ себѣ, работаетъ, или, положивъ работу на столъ, подпирается локтемъ и, не сводя глазъ съ дяди, слушаетъ его интересные рассказы. Варя оставляетъ не только Розалию, но и новую свою куклу, которую привезъ ей дядя, и, выпучивъ свои черные глазки, вся обра-

щается въ слухъ, когда дядя вздумаетъ начать свой рассказъ. Надя отъ восторга не знаетъ что дѣлать; она старается не проронить словечка, въ это же время хочетъ запомнить все, что говоритъ дядя, и думаетъ, какъ бы завтра пересказать все это Парашѣ. Дядя иногда дѣлаетъ планы, какъ они будутъ жить въ Москвѣ, какіе учителя будутъ ходить къ дѣвочкамъ, какая у нихъ будетъ уютная квартира. Дядя не останавливается на зимѣ; онъ говоритъ и объ лѣтѣ. И отчего же, въ самомъ дѣлѣ, не пріѣхать имъ погостить въ Красавку?

Иногда веселая рѣчь прерывается смѣхомъ и шутками,—смотришь, а ужъ въ дверь входитъ Максимовна и несетъ тарелку моченыхъ яблоковъ и вишневыхъ смоквъ.

По утрамъ приходитъ Параша, Надя говоритъ ей, что они уѣдутъ, но что она не забудетъ Парашу, что пришлетъ ей изъ Москвы хорошихъ книжекъ, а на лѣто онѣ опять будутъ вмѣстѣ. Параша много узнала хорошаго, ей скучно уже безъ Нади и Вари; не только для себя, но и для Проньки она любитъ слушать Надины уроки. Мальчикъ такъ привыкъ каждый день узнать что нибудь новое отъ Парашы, что иногда и самъ ее спрашиваетъ о томъ, что ей тамъ, въ господскомъ дворѣ, рассказывали.

А осень обнажаетъ деревья все болѣе и болѣе, — дождя нѣтъ; въ полдень иногда бываетъ очень тепло, но послѣ обѣда воздухъ свѣжъ и холоденъ; сентябрь уже въ исходѣ.

Счастливая Надя такъ заинтересована будущей по-

ѣздкой—и няня и Стеша поѣдутъ съ ними,—что кромѣ веселья ничто не идетъ ей на умъ. Она загадываетъ, гдѣ кто будетъ сидѣть дорогой, и спѣшитъ дошивать Парашѣ теплую капавейку, которую хочетъ подарить ей передъ отѣѣздомъ—и не иначе, какъ сюрпризомъ.

Наконецъ заговорили и объ укладкѣ вещей. Марья Васильевна и няня при дѣтяхъ толковали о томъ, что надѣтъ на каждую изъ нихъ на дорогу. — Еще нѣсколько дней, и няня, нарядившись въ какую-то пресмѣшную сѣрую шапочку, которую откопала на днѣ своего сундука, хлопочетъ уже около придвинутой къ крыльцу дорожной кареты.

Последніе дни передъ отѣѣздомъ Параша стала ходить рѣже. Надя уже не учила ее—она рассказывала ей о предстоящей имъ поѣздкѣ. Параша дѣлалась все сумрачнѣе и молчаливѣе.

Дядя торопился выѣхать. Онъ радъ былъ, что наконецъ кончилъ дѣла свои въ городѣ по поводу денегъ Нади и Вари, которыя остались отъ продажи Ясовки, и вступилъ въ должность опекуна ихъ.

И въ самомъ дѣлѣ—сухая осенняя погода могла легко перемѣниться, и тогда, прошу покорно! до самой Рязани придется тащиться по грязи, по избитой столбовой дорогѣ,—а октябрь-то не любитъ шутить, ужь и такъ скоро 5-е число.

Пятаго положено было и выѣхать. Наканунѣ погода была очень хорошая и сухая; дѣти ходили прощаться съ птичникомъ и парашинымъ лѣскомъ, но, къ большому сожалѣнію, Параша они не нашли тамъ.

Настасья сказала имъ, что она все тутъ вертѣлась съ Пронькой,— а теперь, кто ихъ знаетъ, куда дѣвались.

До Проньки нашимъ дѣвочкамъ не было никакого дѣла; онѣ заинтересовались о немъ послѣ разказа Хрисанѳа Ивановича о грозѣ, но его самого очень мало видѣли. Надя никакъ не подозрѣвала, что все, что она говоритъ Парашѣ, передается Парашею Пронькѣ.

Дѣти возвращались домой съ птичника довольно грустныя; на птичникѣ ужь совсѣмъ не такъ хорошо, какъ лѣтомъ, въ парашинѣмъ лѣскѣ только одинъ дубъ еще покрытъ листьями, да и тѣ какіе-то желтые, дурные! однимъ словомъ, милаго лѣска и узнать нельзя. Павлинъ, дикій павлинъ, за которымъ Варя любила гоняться, а Надя разсматривать его чудныя перушки,—и онъ сталъ похожъ на индѣйку: хвоста уже совсѣмъ нѣтъ, только на головѣ остался павлиній пучокъ.

Наканунѣ отъѣзда няня не спала всю ночь; хлопоты свои она увеличивала отъ излишней любви къ нимъ; она забывала куда уложила ту, или другую вещь, и опять перерывала все снова.

Подъ утро няня замѣтила, что начинается дождикъ. Разсвѣло—и всѣ увидѣли, что разненастилось по крайней мѣрѣ на цѣлую недѣлю. Густой туманъ, мелкій и холодный дождь, сѣрыя все небо покрывшія тучи,—вотъ какая была погода въ день отъѣзда нашихъ изъ Красавки. Но не откладывать же поѣздку, когда все готово и съ вечера пришли изъ города почтовые лошади.

Надя съ вечера нѣсколько разъ повторяла, что завтра она сходитъ, куда будутъ накрывать завтракъ, къ Парашѣ и приведетъ ее; она хотѣла вручить ей все, что для нея сшила Марья Васильевна и она сама; больше же всего ей хотѣлось проститься съ милой Парашей. Но въ дождь Надю къ Парашѣ не пустили. Надя умоляла послать за ней. Посылали и не нашли дома. Надя и сердилась на Парашу, и чуть не плакала до самаго завтрака. За завтракомъ опять забыла о своей ученицѣ. Ужь лошадей начали впрягать въ карету; Хрисановъ взялся передать Парашѣ ея подарки.

Наконецъ всѣ усѣлись въ карету; сперва всѣмъ было тѣсно и неловко, потомъ устроились отлично. Дядя и тетя сѣли на первое мѣсто, между ними Варя; няня и Стеша напротивъ ихъ съ Надеей. Старый, но еще крѣпкій Семень ни за что не хотѣлъ покинуть своихъ барышень; онъ захлопнулъ дверцу, погрозился черезъ стекло Стешѣ, которая была очень весела и постоянно смѣялась, и наконецъ кое-какъ вскарабкался на козлы. Карета тронулась; Хрисановъ все еще приподнималъ картузь и низко кланялся. Матвѣвна, десять разъ распростившаяся съ няней, качала головой и крестила «въ путь шествующихъ». Потомъ она пошла домой; ей болтовни было, по поводу отъѣзда господъ Максимовны, покрайней мѣрѣ на недѣлю.

Когда карета ѣхала мимо дворовыхъ избъ и дома приказчика, сидящіе внутри ея видѣли толпы и старыхъ, и малыхъ, глазѣвшихъ на экипажъ.

Прощай, прощай Красавка! повторяла Надя и ей,

не смотря на веселое расположеніе духа, стало грустно. На томъ мѣстѣ, гдѣ карета, не доѣзжая деревни, свернула, чтобы спуститься къ Хопру, на довольно большой кочкѣ стояла Параша. Холодный дождь уже давно мочилъ ее и она время отъ времени дышала на свои окоченѣвшія руки.

— Параша, Параша! стой! остановитесь, закричала Надя,—но на горѣ нельзя было стоять, да и глуховатый Сѣмень не слыхалъ, какъ застучали ему въ переднее окно.

Сѣхавъ съ горы, карета поѣхала довольно скоро.—Ужъ видно, не судьба проститься съ Парашей, сказалъ дядя. Надя заплакала. Но няня, тетя, дядя и Варя такъ много стали говорить ей, перерывая одинъ другого, что слезы унялись, и она задумчиво смотрѣла въ лѣвое окно кареты. Миновавъ часовню, при вѣздѣ въ лѣсокъ, Надя увидала худенькаго мальчика въ зипунишкѣ и изорванной шапкѣ. Онъ бѣжалъ въ припрыжку съ длинной палкой въ одной рукѣ. Ноги его были босы; за нимъ, дѣлая престранные прыжки, гналася, хромяя на обѣ переднія ноги, большая собака. Надя не узнала Провьки съ птичьяго двора.

Параша долго стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ дождалась кареты. Она смотрѣла вслѣдъ, покуда лошади не скрылись за часовней, потомъ тихимъ шагомъ пошла домой; она не зашла и къ Настасѣ. Дѣдъ Пахомъ уже ждалъ ее обѣдать. Параша почти ничего не ѣла; она тотчасъ же послѣ обѣда взяла пряжу, которую вчера дала ей прикащица, и прядла, прядла

до той поры, пока темнота наступившей ночи не заставила дѣда Пахома зажечь лучину. Молчаливый старикъ цѣлый вечеръ теръ табакъ, Параша молча прѣла свою пряжу, Буянка ворочалась у печки. Уже догорала третья лучина, когда утомленная дѣвочка склонила голову на руки и крѣпко заснула. Ей привидилось во снѣ, что избенка Пахомова завалена снѣгомъ, что лѣскомъ и проходить нельзя, что огромный прошлогодній бугоръ снѣга передъ воротами все растеть и растеть до самаго неба, а маленькіе снѣговые комки бьютъ Парашѣ въ ноги,—и ноги уже не двигаются,—и сама Параша сейчасъ съ головой уйдетъ въ глубокой снѣгъ! Параша съ просонья вскрикнула и очнулась. Дѣдъ Пахомъ тоже проснулся; онъ еще раньше Параша задремалъ надъ табакомъ своимъ.

Старикъ всталъ съ своей лавки и хотѣлъ зажигать новую лучину, но на минутку остановился.

— Ужинать, дѣвка, станешь, чтоль, аль нѣтъ? спросилъ онъ Парашу.

— Нѣтъ, отвѣчала полусонная дѣвочка и, не раздеваясь, какъ была, бросилась въ свою убогую постельку. Дѣдъ Пахомъ погасилъ лучину и, помолившись Богу, ошупью добрался до палатей.

А вѣтеръ-то гудѣлъ себѣ, да гудѣлъ, и холодный дождикъ билъ въ крошечныя окошки Пахомовой избенки.

к той ночи, когда ты была в состоянии
 стаяла как вкопанная в землю. Молчаливый
 ступил в свой вечер, Павел же
 она свою прелесть в глазах у него. Уже
 которая третья неделя, когда утомленный Павел
 склонил голову на руки и встал заснул. На про-
 излился во сне, что видел Павел заведенных. —
 том, что Павел и проходил и слышал, что слышал
 происшедший в этот вечер в его комнате не рас-
 тал и встал по своему обычаю, а встал в три часа
 комм. Павел Павлу — и ночь уже не та-
 была — и сам Павел слышал ее в своей комнате
 не слышал Павел! Павел же проснулся, вернувшись
 и услышал, что Павел тоже проснулся; он еще
 Павел Павлу слышал, что Павел слышал свое.

Ступил встал с своей лавки и хотел записать
 новую музыку, но не успел отоспаться.

— Ужасно, ужасно, ужасно, ужасно, —
 говорил он Павлу,
 — Нет, отвратительнейшая дрянь и не рас-
 слышал, как была проснувшись в свою комнату по-
 стелу. Павел Павлу слышал в комнате.

Павел Павлу слышал в комнате.

Павел Павлу слышал в комнате.

РУОЪ И ЕЯ ДРУЗЬЯ.

(съ англискаго).

I.

Старушка и маленькая бѣлокурая дѣвочка! Какую прелестную картину представляют онѣ, сидя вмѣстѣ и болтая такъ, какъ умѣютъ болтать только дѣти и старушки-няни. Онѣ только что отпили чай; праздничный чайный сервизъ и остатки двухъ слобныхъ булочекъ доказываютъ, что маленькая дѣвочка—гостья. И дѣйствительно, она въ гостяхъ у старой няни своей матери. Она недавно вступила въ пансіонъ; который находится всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилища Деборы Бертонъ. Онѣ уже не въ первый и не во второй разъ такимъ образомъ пьютъ чай вмѣстѣ, потому что миссъ Лонгъ никогда не говоритъ «цѣтъ» на просьбу Алисы отнустить ее въ богадѣльню.

Но теперъ Алиса ожидаетъ, что за ней скоро прійдутъ и болтаетъ болѣе, нежели когда либо.

— « Не правда ли, какъ это было забавно, Дебби? Это совершенно походило на настоящую цвѣточную выставку, недостовало только музыки. У насъ была палатка, наполненная цвѣтами, а на верху ея развивался красный флагъ. У нѣкоторыхъ дѣвочекъ, кромѣ цвѣтовъ изъ ихъ собственныхъ садиковъ, были другіе, лучшіе цвѣты и плоды, присланные имъ нарочно для выставки. И были у насъ нѣкоторые призы.... я писала нѣкоторые изъ нихъ! »

— Писала призы, душенька, какъ же это?

« Да вѣдь призы были не настоящіе, а состояли изъ билетовъ. Но всего веселѣе было, когда раздавали плоды посѣтителемъ. И новая маленькая дѣвочка, та, о которой я тебѣ говорила, помнишь, Дебби?—некрасивая такая? Мнѣ миссъ Лонгъ запретила называть кого бы то ни было некрасивымъ, но Руэъ Легъ дѣйствительно очень дурна: она такая черная, а глаза у нея такіе большіе, что просто пугаютъ меня. Джанна Гардингъ говоритъ, что красивыя дѣти самыя милыя и пріятныя. А ты какъ думаешь, Дебби? »

— Ты вѣдь было начала мнѣ рассказывать о томъ, что сдѣлала на выставкѣ эта новая дѣвочка.

« Ахъ да, я совсѣмъ забыла! Она моложе всѣхъ въ пансіонѣ и потому ей поручили раздавать плоды посѣтителемъ. Прежде всего она выбрала два самыя лучшія и румяныя яблока и положила ихъ за одинъ изъ цвѣточныхъ горшковъ. Нѣкоторыя дѣвочки видѣли это и стали наблюдать за ней: имъ очень хотѣлось узнать, для чего она отложила яблоки? »

— Для чего же, душенька?

«На слѣдующее утро онѣ видѣли, какъ она отдала ихъ Джо, маленькому мальчику, который мететъ площадку передъ большими воротами. Она слѣлала это очень хитро, но Жанна видѣла ее изъ окна, и рассказала все миссъ Лонгъ.»

— Что же миссъ Лонгъ?

«Она послала за Руэью и очень ее бранила.»

— Почему же ты знаешь, что она ее бранила?

«О, потому что я видѣла, какъ она вюшла изъ комнаты миссъ Лонгъ съ красными глазами; въ продолженіи всего дня она ни съ кѣмъ слова не сказала, а вечеромъ, когда молилась, горько плакала. Сегодня утромъ во время прогулки я слышала, какъ она говорила Джо, давая ему пенни: «Это мой собственный, Джо; мнѣ не слѣдовало давать тебѣ яблочковъ: они не принадлежали мнѣ.» Неправда ли, Дебби, она очень странная дѣвочка?»

Но Дебби на это сказала только:

— Ты, душенька, еще не окончила своего разсказа о выставкѣ.

«Къ четыремъ часамъ уже все было окончено и остальное время дня мы были свободны. Съ тѣхъ поръ мнѣ все хотѣлось прійти къ тебѣ рассказать о выставкѣ и вотъ почему миссъ Лонгъ прислала тебѣ сказать, чтобы ты пришла сегодня за мной послѣ классовъ.»

— Ахъ, милая Алиса, теперешніе пансіоны совсѣмъ не похожи на то, чѣмъ они были въ прежнія времена. Бѣдная миссъ Елиза!

«Кто это, Дебби?»

— Миссъ Елиза, которую я няньчила гораздо прежде, чѣмъ узвала твою маменьку, Алиса. Но я, кажется, уже рассказывала тебѣ о томъ, какъ она убѣжала изъ пансіона.

«Пожалуста, Дебби, расскажи мнѣ это еще разъ: я такъ люблю тебя слушать!»

И снова, много разъ повторяемая, исторія была рассказана и выслушана. Какъ бѣдная Елиза убѣжала одна изъ пансіона домой, прошла двѣ мили безъ шляпы,—какъ волосы ея висѣли въ базпорядкѣ (у нея были такіе чудныя кудри),—какъ сама Дебби отворила двери и увидѣла ее, стоящую за ними въ розовомъ платьицѣ,—какъ въ эту самую минуту ея папенька вышелъ изъ кабинета и (Дебби никогда не могла ему этого простить, хотя это былъ единственный разъ, что она его видѣла суровымъ съ дѣтьми) «тотчасъ же приказалъ мнѣ,» продолжала Дебби....

Но на этомъ занимательномъ мѣстѣ рассказъ ея былъ прерванъ стукомъ въ дверь и хорошо знакомый голосъ сказалъ: «Миссъ Алиса, готовы ли вы, душенька? Миссъ Лонгъ желаетъ, чтобы вы сейчасъ же возвратились домой.»

Алиса какъ нельзя лучше перенесла эту помѣху. Она уже не въ первый разъ слышала, что миссъ Елиза была тотчасъ же отправлена назадъ въ пансіонъ, не получивъ даже позволенія повидаться съ маменькой. А хуже всего то, что сама Дебби должна была привести въ исполненіе этотъ строгій приговоръ. Но пока мы оканчивали ея прерванное повѣствованіе, ста-

рушка отпустила своего маленького друга, вѣжно поцѣловавъ его и сказавъ: «Да благословить тебя Богъ, мое дитя, ради твоей матери.»

Когда въ этотъ вечеръ Алиса ложилась спать, Руоъ уже крѣпко спала возлѣ нея въ своей постелькѣ съ бѣлыми занавѣсками, тогда какъ вечеромъ, послѣ выставки, наоборотъ, черные глаза Руои были еще широко раскрыты, между тѣмъ какъ сонъ уже давно смыкалъ сѣрые, кроткіе глазки Алясы. Руоъ взглянула на нее при сомнительномъ свѣтѣ лѣтняго вечера и прошептала: «Какъ она мила! Я надѣюсь, она меня полюбитъ!»

Но что дѣлаетъ Дебби, оставшись одна въ своей уютной комнаткѣ? Поставивъ въ шкафъ чайный приборъ и придвинувъ свой стулъ поближе къ круглому столу, она взяла огромную Библию изъ небольшой кипы книгъ, смахнула пыль съ ея зеленого переплета и раскрыла ее. Страницы сами собой раздѣлялись на томъ мѣстѣ, гдѣ лежало старое письмо съ пожелтѣвшими отъ времени чернилами, вложенное туда вмѣсто замѣтки, или для того, чтобы оно лучше сохранилось, а можетъ быть для того и другаго вмѣстѣ. Дебби развернула его, надѣла очки въ серебряной оправѣ и прочла шепотомъ: «Я боюсь, что уже не буду болѣе въ состояніи писать тебѣ, моя милая, старая няня; развѣ Господу угодно будетъ вылечить меня отъ моей болѣзни. Но какъ бы то ни было я еще не въ послѣдній разъ вспоминаю о тебѣ, о твоей добротѣ и любви ко мнѣ въ продолженіи столькихъ

лѣтъ. Я надѣюсь, ты когда нибудь узнаешь мою маленькую Алису, Дебби. Мнѣ очень хочется отправить ее въ пансіонъ къ миссъ Лонгъ, гдѣ я сама провела столько счастливыхъ дней. Милая Дебби, береги мое дорогое дитя и научи его съ благоговѣніемъ произносить Святое Имя, которое всегда живетъ въ твоёмъ сердцѣ и такъ часто произносится твоими устами. Я полагала написать тебѣ длинное письмо, но чувствую себя сегодня особенно слабой. Съ каждымъ днемъ силы мои упадаютъ. Моей единственной заботой во время всей моей болѣзни были мой мужъ и мое дитя,—но теперь, благодаря Бога, я могу ихъ вполне поручить Его волѣ. Я все надѣялась возвратиться домой, но теперь передо мной лежитъ путь къ *другому* дому»..... Вотъ все, что могла прочесть Дебби; послѣднія строки письма почти совсѣмъ стерлись, но она хорошо помнила все, что въ нихъ заключалось. Она заботливо сложила бумажку и положила ее на прежнее мѣсто, потомъ перевернула въ Библии еще нѣсколько страницъ и остановилась на другомъ письмѣ. Оно было написано крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ и въ немъ говорилось о пансіонской жизни и о какой-то книжечкѣ для иголокъ, почти уже оконченной и предназначенной въ подарокъ кому-то... но кому—это тайна, которую нельзя открыть ни подъ какимъ видомъ.

Не эта ли самая книжечка для иголокъ такъ тщательно завернута и спрятана въ лучшемъ рабочемъ ящикѣ Дебби?

Можетъ быть, Дебби тоже думала о маленькомъ

бѣломъ сверткѣ, но мнѣ кажется, мысли ея бродили гораздо далѣе. Она сидѣла такъ смиренно, что если бы не слезы, которыя медленно катились по ея щекамъ, вы бы подумали, она спитъ. Можетъ быть, она вспоминала о другой дѣвчкѣ, которую знала много лѣтъ тому назадъ, о веселой свадьбѣ, когда ея любимица была такъ прекрасна и счастлива, — о грустной разлукѣ, когда она съ молодымъ мужемъ уѣзжала въ Индію, — о томъ, какъ пришло извѣстіе о ея смерти, — и наконецъ о маленькой сегоднешней посѣтительницѣ. И вѣроятно одно изъ этихъ воспоминаній заставляло Дебби качать головой и бормотать: «нѣтъ, нѣтъ, она никогда не будетъ такъ прекрасна!» Старый образъ былъ окруженъ очарованіемъ, котораго недоставало новому: — тѣже золотистые волосы, но не столь блестящіе, тоже милое милое личико, но не столь живое. Что до меня касается, то я думаю эта разница существовала только въ воображеніи старушки. По крайній мѣрѣ, всѣ дѣвочки въ пансіонѣ миссъ Лонгъ думали, и нерѣдко говорили, что никогда не видали такого прелестнаго ребенка, какъ Алиса Атертонъ.

Если наши догадки справедливы, то мысли Дебби были далеко не веселы. Однако она вскорѣ успокоилась и лицо ея просвѣтлѣло, когда она принялась за чтеніе псалма, выбраннаго ею на этотъ вечеръ: «Благослови душа моя Господа.» Потомъ она пошла внизъ къ старой своей, почти слѣпой, подругѣ.

Мы воспользуемся отсутствіемъ Дебби и заглянемъ въ ея библіотеку. Одна изъ книгъ подарена ей «миссъ Елизой» въ день рожденія, другая — ея господиномъ въ

благодарность за доброту, съ какой она ухаживала за его дѣтьми во время ихъ боѣзни; третью она получила отъ него же въ знакъ памяти, однимъ словомъ, почти всѣ книги были ей подарены.

Но вотъ Дебби возвратилась со своей большой Библией въ рукахъ; она каждый вечеръ брала ее съ собой, когда ходила навѣщать 84-хъ лѣтнюю старушку, свою сосѣдку.

Послѣднія слова Дебби передъ сномъ были тѣже: Благослови душа моя Господа. У нея было любящее сердце и она всѣми силами своей души привязалась къ Алисѣ. Она часто вспоминала о письмѣ, которое читала сегодня вечеромъ, и о просьбѣ матери заботиться о ея дочери и сдѣлать все возможное для ея душевнаго усовершенствованія. Но что могла сдѣлать Дебби? Она сама много разъ задавала себѣ этотъ вопросъ и всегда приходила къ одному и тому же заключенію: «я должна ждать; если я могу что нибудь для нея сдѣлать, то Богъ доставитъ мнѣ къ этому случай; а до тѣхъ поръ буду наблюдать за ней и молиться.» И Дебби очень часто молилась, чтобы недостатки ребенка не превратились въ недостатки взрослой женщины, но чтобы небесная благодать защитила ее и сохранила такой, какою была ея мать.

II.

Обѣ дѣвочки, Руэ и Алиса, въ то время, когда мы съ ними познакомились, достигли десятилѣтняго возраста. Впрочемъ Алиса старше нѣсколькими мѣся-

цами и никогда этого не забываетъ. Онѣ, безъ сомнѣнія, будутъ друзьями, потому что онѣ не только одинаковаго возраста, но еще въ ихъ теперешнемъ положеніи есть страннаго рода сходство. Единственный близкій родственникъ Алисы—ея отецъ. Онѣ отдалъ свою маленькую дѣвочку въ пансіонъ, а самъ принужденъ былъ возвратиться въ Индію. А у Руои, у бѣдной Руои никого нѣтъ, чтобы любить ее, кромѣ брата, который гораздо старше ея. Но можно ли ожидать отъ молодого человѣка, который видитъ свою маленькую сестру только въ продолженіи одного или двухъ часовъ въ день, чтобы онѣ замѣтилъ, какъ сѣмена гордости быстро растутъ въ ея сердцѣ. Ему тѣмъ труднѣе сдѣлать это открытіе, что она его горячо любитъ и надо очень сильное искушеніе, чтобы заставить ее провиниться передъ нимъ. Но къ несчастію, въ дѣтской ничто не обуздывало маленькой дѣвочки и оттуда часто выходили жалобы на «неукротимый нравъ миссъ Руои». Такъ что наконецъ братъ рѣшился отдать ее въ пансіонъ и однажды вечеромъ, когда Руою была съ нимъ наединѣ въ его кабинетѣ, онѣ объявилъ ей это. Дѣвочка сначала удивилась, потомъ страшно поблѣднѣла, но осталась неподвижной. Братъ придвинулъ ее къ себѣ; она все-таки молчала. Тогда онѣ сказалъ: «Мнѣ очень грустно разставаться съ моею маленькой подругой.»

Она, казалось, сдѣлала большое усиліе, чтобы овладѣть собой и проговорила тихимъ, спокойнымъ голосомъ:

— Ты меня отсылаешь потому, что я нехорошая дѣвочка?

«Нѣтъ, но потому, что мнѣ хочется, чтобы изъ тѣбя вышла умная и добрая женщина.»

— А тогда я буду лучшей для тебя подругой?

«Да, но я и тогда не буду тебя любить болѣе, нежели теперь: это невозможно, моя милая Руоъ.»

— Я рада ѣхать; а скоро это будетъ?

«Черезъ недѣлю.»

Она съ минуту помолчала, потомъ сказала:

— Да, я общаю тебѣ.

«Что общаешь, Руоъ? Я отъ тебя не требоваль никакого общанія.»

— Не требоваль? А развѣ ты не сказалъ, что желаешь, чтобы изъ меня вышла умная и добрая женщина? Я тебѣ это общаю. Но кто мнѣ объяснить, что это такое, задумчиво прибавила она:—Развѣ ты, Дунканъ?

«Не теперь,» отвѣчалъ онъ; «ты сама мало по малу поймешь это, а миссъ Лонгъ поможетъ тебѣ.»

— Я общаю, сказала она опять, и никогда не забуду своего общанія. Но я не думаю, чтобы и ты его помнилъ, Дунканъ: у тебя есть много другихъ заботъ, у меня же — одна эта.

Съ этими словами она убѣжала и онъ слышалъ шумъ ея быстрыхъ маленькихъ шаговъ, когда она взбиралась по лѣстницѣ. Оставшись одинъ, Дунканъ впалъ въ раздумье; онъ удивлялся, почему Руоъ у него ничего не спросила о пансонѣ, въ который онъ намѣревался ее отдать, и надѣялся, что миссъ Лонгъ лучше, нежели онъ, пойметъ его странную маленькую

сестрицу. Вскорѣ однако его размышленія были прерваны появленіемъ нянюшки, которая просила его пойти на верхъ къ миссъ Руои: «она лежитъ на полу и такъ горько плачетъ, что я не знаю, что съ ней дѣлать,» прибавила нянюшка.

— «Оставь ее на нѣсколько минутъ одну, няня; а если она не скоро сойдетъ, я самъ пойду за ней.»

Но рѣшимость едва не измѣнила ему; сердце влекло его къ маленькой сироткѣ и ему пришло на память завѣщаніе умирающей матери—замѣнить родителей въ то время еще трехлетней «цыганочкѣ». Онъ придумывалъ, чѣмъ бы ее утѣшить, когда дверь тихонько отворилась и Руоѣ вошла въ комнату, столь же спокойная, какъ во время предъидущаго разговора. Она принесла съ собою скамеечку и книгу и сѣла возлѣ Дункана. Онъ читалъ и писалъ, а она время отъ времени взглядывала на него, чтобы удостовѣриться не нуждается ли онъ въ чемъ нибудь, но не произнесла ни слова. Когда настало время ложиться спать и няня пришла за ней, она, вмѣсто обычной пресѣбы о позволеніи посидѣть еще немножко, тотчасъ же встала и подошла къ брату получить обычный поцѣлуй, сопровождаемый словами: «Да благословить тебя Богъ, мое дитя.» Она прошептала: «Скажи это еще разъ,» и когда онъ исполнилъ ея желаніе, она, не сказавъ болѣе ни слова, спокойнымъ и тихимъ шагомъ вышла изъ комнаты.

И такъ прошла цѣлая недѣля. Руоѣ во все это время вела себя прекрасно. Она постоянно старалась быть съ братомъ, когда онъ бывалъ дома, и всегда

бѣжала къ нему на встрѣчу, какъ только раздавался его стукъ въ дверь. Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, Дунканъ разсказалъ ей все, что зналъ о пансіонѣ миссъ Лонгъ:—тамъ было четырнадцать дѣвочекъ, всѣ гораздо старше ея, исключая одной, которая, онъ надѣялся, будетъ ея другомъ. Онъ говорилъ о добротѣ миссъ Лонгъ, о большомъ садѣ, объ играхъ. Но все это мало интересовало ее, пока онъ не сказалъ: «и я буду тебѣ часто писать, а ты должна мнѣ также часто отвѣчать.» Тогда она быстро заговорила:

— «И ты мнѣ будешь писать все, все, что ты дѣлаешь, и все, о чемъ думаешь, а я буду говорить тебѣ исправляюсь ли я. О, какъ это будетъ прекрасно! Какъ я рада, что это тебѣ пришло на умъ.»

Имъ предстояло длинное путешествіе до Мельстау. Но наконецъ, перемѣнивъ два раза вагоны, они очутились единственными пассажирами мельстоускаго дилижанса, съ шумомъ катившагося по главной улицѣ провинціального городка. Онъ вскорѣ остановился передъ воротами, за которыми виднѣлся каменный съ колоннами домъ, нѣсколько мрачнаго вида. Дверцы дилижанса отворились и очень молоденькій кондукторъ сказалъ: «Это, сэръ, домъ миссъ Лонгъ.» Омнибусъ, казалось, не имѣлъ обыкновенія вѣзжать въ ворота и останавливаться у самага подъѣзда, потому они вышли и пошли по узенькой дорожкѣ, ведущей къ дому; маленькій мальчикъ послѣдовалъ за ними съ багажемъ Руои. Ихъ, какъ видно, ожидали: они не успѣли еще позвонить, какъ дверь была уже отворена и ихъ ввели въ маленькую, но очень уютную комнатку,

веселый видъ которой ихъ пріятно поразилъ, тѣмъ болѣе, что мрачная наружность дома ихъ къ этому не приготовила. Съ лѣвой стороны была двойная стеклянная дверь, ведущая въ оранжерею, а по срединѣ другая, ведущая въ садъ; она была открыта, какъ бы приглашая всѣхъ желающихъ прогуляться по свѣжей мягкой травѣ и полюбоваться розовыми деревьями въ полномъ цвѣту. — Горничная дѣвушка понесла своей госпожѣ карточку съ именемъ «Мистера Дункана Легъ»; а мы воспользуемся тѣмъ временемъ и послѣдуемъ примѣру нашихъ друзей, которые стоятъ передъ большимъ окномъ и любятъ разстилающимся изъ него видомъ. Мы уже говорили о прекрасномъ лужкѣ и розахъ, теперь взглянемъ за предѣлы сада. Онъ обнесень изгородью изъ дикаго вереска, за которой возвышается большая, раскидистая липа. Сквозь ея широкія вѣтви сверкаетъ вода, которую, будь это озерная мѣстность, можно было бы принять за озеро; теперь же мы полагаемъ, что это очень широкая рѣка. Паруса, мелькающіе во всѣхъ направленіяхъ, кажутся бѣлыми точками; рѣка должна отстоять на одну или на двѣ мили отъ дому, хотя земля, образуя крутую покатость, скрываетъ это разстояніе. За рѣкой разстилается безконечное пространство и будь день не такъ ясенъ, то маленькіе домики и бѣлая церковь, тонущая въ зелени, были бы едва замѣтны. Но Дунканъ и Руоу не долго ждали прихода хозяйки. Дунканъ только что замѣтилъ бѣлые паруса и привлекъ вниманіе Руоу на нихъ и на солнце, обливавшее ихъ своимъ блескомъ, когда миссъ Лонгъ вошла. Каждая

маленькая дѣвочка, бывшая когда нибудь въ пансіонѣ, пойметъ тренеть, въ это мгновеніе пробѣжавшій по всему тѣлу Руои. Но когда миссъ Лонгъ подошла поближе и бросила на нее взглядъ, исполненный доброты и ласки, Руоѣ въ первый разъ почувствовала, что пансіонъ будетъ для нея не просто только мѣстомъ, гдѣ она должна поскорѣй исправиться отъ своихъ недостатковъ, но что у нея тамъ будетъ крайнейшей мѣрѣ хоть одинъ другъ, которому ей можно будетъ повѣрять всѣ свои мысли и который ее всегда будетъ любить. Но она все-таки была очень молчалива. Подали чай; Дунканъ говорилъ о Руои: «я думаю, ей надо будетъ начать все снова; я боюсь что она у меня маленькая невѣжда: у нея до сихъ поръ не было правильныхъ уроковъ.» — Потомъ говорили объ общемъ другѣ, рекомендовавшемъ Дункану пансіонъ миссъ Лонгъ. Чтоже касается до Руои, то мысли ея были незвязны и переходили съ одного предмета на другой; она думала о домѣ; о классной комнатѣ наверху, о желѣзной дорогѣ и наконецъ о маленькомъ кондукторѣ, который ей очень понравился, она сама не знала почему, не смотря на лохмотья и грязь, его покрывавшія; но и сквозь нихъ можно было видѣть, что онъ миленькій мальчикъ. Дунканъ уѣхалъ сейчасъ послѣ чая, потому что дѣла требовали его немедленнаго возвращенія домой. Омнибусъ заѣхалъ за нимъ и такъ какъ омнибусы даютъ пассажирамъ на сборы также мало времени, какъ и поѣзды желѣзной дороги, то Дунканъ долженъ былъ торопиться и едва имѣлъ время проститься съ сестрой.

Но можетъ быть это было къ лучшему: Руоѣ еще не успѣла почувствовать горечи разлуки, какъ уже все было кончено: омнибусъ исчезъ изъ виду и миссъ Лонгъ одна стояла возлѣ нея. Она никогда не плакала при чужихъ, и теперь тоже только взглянула прямо въ лицо миссъ Лонгъ и положила свою руку въ ея съ такой лаской и довѣрчивостію, что миссъ Лонгъ была глубоко тронута и сказала ей: «Ты всегда обращайся ко мнѣ, душенька, я охотно буду тебѣ помогать.»—Потомъ онѣ пошли на верхъ и съ этой минуты сдѣлались искренними друзьями.

Миссъ Лонгъ отворила дверь въ классную комнату и Руоѣ показалось, что сотни глазъ устремились на нее. Но черезъ минуту всѣ дѣвочки, которыхъ было только четырнадцать, за исключеніемъ англійской и французской учительницъ, возвратились къ своимъ различнымъ занятіямъ. Классы начались уже шесть недѣль тому назадъ. Руоѣ посадили за столъ къ миссъ Лонгъ. Наша старая и пока единственная во всемъ этомъ обществѣ знакомая, Алиса, была позвана и двѣ «маленькія», какъ ихъ съ этихъ поръ называли всѣ старшія ученицы, были представлены другъ другу. Алиса взяла свою работу и сѣла около Руоѣ. Обѣ дѣвочки молчали, только время отъ времени бросая другъ на друга робкіе взгляды и тотчасъ же быстро опуская глаза, если ихъ взоры нечаянно встрѣчались. Наконецъ Алиса спросила:

— Вы были уже когда нибудь въ пансіонѣ?

«Нѣтъ, никогда,» отвѣчала Руоѣ.»

— А я здѣсь уже шесть недѣль, сказала Али-

са и въ голосѣ ея слышалось: и потому могу вамъ многое поразсказать.

Но краткій разговоръ былъ прерванъ окончаніемъ уроковъ. Всѣ отложили въ сторону книги и тетради и приготовились къ молитвѣ. Руэъ никогда прежде не слышала такого прекраснаго пѣнія; молоденькіе голоса пріятно сливались въ вечернемъ гимнѣ. А когда миссъ Лснгъ встала на колѣни и начала молиться за всѣхъ дѣтей, то изъ глубины души маленькой дѣвочки вырвалась усердная молитва о томъ, чтобы сдѣлаться умной и доброй женщиной, ради Дункана. Она еще не знала, что у нея кромѣ брата есть Отецъ Небесный, для котораго ей надо стараться быть умной и доброй. Но и эта несовершенная молитва дѣтскаго сердца была услышана. Руэъ не осталась безъ помощи и вскорѣ ей ясно открылся путь, по которому ей слѣдовало идти.

На слѣдующее утро у Руэи было мало уроковъ и потому ее отпустили въ садъ. Она воспользовалась своей свободой, чтобы осмотрѣть каждый уголокъ. И много открытій сдѣлала она въ тѣнистыхъ и прохладныхъ аллеяхъ. Выбравъ одну изъ нихъ, она быстро по ней пошла и съ удивленіемъ увидѣла, что она ее привела къ тѣмъ самымъ воротамъ, сквозь которые, ей смутно помнилось, она вчера проходила. Но она еще болѣе изумилась и даже почти испугалась, увидя стоящаго около нихъ маленькаго кондуктора, съ такимъ же грязнымъ лицомъ, какъ на канунѣ, и въ тѣхъ же лохмотьяхъ. Путешествіе и пріѣздъ въ пансіонъ казались Руэи давно прошедшимъ сномъ;

широко раскрывъ свои большіе глаза, она такъ серьезно смотрѣла на мальчика, что взглядъ ея можно было бы назвать суровымъ, еслибы она вполнѣ помнила, что дѣлаетъ. Однако она вскорѣ очнулась, подошла къ мальчику и спросила у него: «не нужно ли ему чегонибудь?»

— Я хотѣлъ бы узнать, дастъ ли мнѣ миссъ Лонгъ пенни за то, что я вымелъ площадку передъ воротами. Если она захочетъ, я каждый день буду приходить мести.

«Я не знаю, гдѣ теперь миссъ Лонгъ, но я сама могу дать тебѣ пенни. И Руѳъ вынула кошелекъ, но у нея не оказалось ни одной монетки въ пенни, а были все только шести-пенсовыя и она предложила мальчику одну изъ нихъ.

Онъ пристально взглянулъ на нее, и сказавъ: «Благодарю васъ, миссъ,» быстро схватилъ деньги, которыя ему подавала Руѳъ.

— Какъ Полли будетъ рада! воскликнулъ онъ и лицо его просіяло.

«Кто это Полли?» спросила Руѳъ.

— Полли, это моя слѣпая сестра. Видите ли, миссъ, я стараюсь, когда могу, заработать честнымъ образомъ немного денегъ, но только такъ, чтобы отецъ этого не зналъ. И когда у меня ихъ будетъ много, я куплю Полли книгу съ выпуклыми буквами. Только, говорятъ, она очень дорого стоитъ!

«Ахъ, да! я знаю о какой книгѣ ты говоришь. Но отчего же твой отецъ самъ не купитъ ее для Полли?»

— У него нѣтъ денегъ, миссъ, да хотя бы и были, онъ все-таки не купилъ бы книги. Онъ не считаетъ,—такъ какъ Полли,—чтеніе важнымъ дѣломъ. Ахъ, вы представить себѣ не можете, какъ ей хочется имѣть такую книгу! Только отецъ не долженъ ничего объ этомъ знать, прибавилъ онъ таинственнымъ голосомъ.

«Почему же?»

— Если онъ узнаетъ, что у меня есть деньги, сказалъ мальчикъ, онъ ихъ возьметъ и пропьетъ.

Руоу не повяла вполне значенія послѣднихъ словъ, но тѣмъ не менѣе была испугана и подумала, что это должно быть что нибудь очень дурное; однако она сочла лучшимъ перемѣнить предметъ разговора и спросила: «почему онъ теперь не при omnibus?»

«Потому, миссъ, что рано утромъ рѣдко бываютъ пассажиры и пока я не нуженъ кучеру, я хожу работать. Но отецъ объ этомъ ничего не знаетъ! Иногда меня зовутъ въ огороды полоть гряды, а когда много грязи, я мету улицы. Вотъ и теперь я думаю, не пожелаетъ ли миссъ Лонгъ, чтобъ я мель площадку передъ ея воротами. Она меня хорошо знаетъ; еще я хочу ее попросить, чтобы она навѣстила мою сестру. Моя Полли такая славная дѣвушка!»

— Я думаю, что надо очень долго учиться читать по этимъ книгамъ съ выпуклыми буквами. Разъ я была въ пріютѣ слѣпыхъ и мнѣ тамъ объяснили какъ это трудно.

«Правда, миссъ, но Полли выучилась читать уже нѣсколько времени тому назадъ. Она въ продол-

женіи шести мѣсяцевъ была въ приютѣ, но дама, которая платила за нее, умерла; отецъ не могъ платить и Полли должна была возвратиться домой. Но она уже тогда умѣла прекрасно читать; она очень умна и потому не долго училась. Вотъ уже скоро годъ, что она живетъ съ нами, а я собралъ всего 29 пенсовъ, кромѣ тѣхъ шести, которые вы мнѣ сегодня дали.»

— А что стоитъ эта книга? спросила Руѳъ и опять посмотрѣла въ свой маленькій кошелекъ. Но Джо Стиль не зналъ, хотя думалъ, что Полли знаетъ: «Она такъ много знаетъ», прибавилъ онъ.

«А ты самъ никогда не ходилъ въ школу?»

— Ходилъ, когда былъ еще очень маленькимъ. Но со смерти маменьки у насъ все измѣнилось: отецъ запилъ болѣе прежняго, а я былъ очень радъ получить мѣсто при омнибусѣ. Когда же тутъ ходить въ школу?

Руѳъ подумала, что онъ и теперь не очень-то великъ.

— Теперь мнѣ пора идти, сказала она. Если ты прійдешь завтра за отвѣтомъ, то я спрошу у миссъ Лонгъ, можешь ли ты мести площадку.

Джо засунулъ руку въ волосы, провелъ ею по своей всклокоченной головкѣ, еще разъ сказалъ: «благодарю васъ, миссъ,» и быстро исчезъ за угломъ.

Руѳъ съ минуту еще постояла на томъ же самомъ мѣстѣ, потомъ побѣжала вонъ изъ сада съ той живостью, которою отличалась дома, но которая въ первый день ея пребыванія въ пансіонѣ была сдержана страхомъ. Нѣкоторымъ дѣвочкамъ она показалась та-

кой скучной и молчаливой, что онѣ сочли за лучшее не заниматься ею. Но онѣ еще не знали Руои и не подозрѣвали сколько огня скрывалось подъ ея наружнымъ спокойствіемъ. Теперь мы оставимъ ее: она, вѣрно, пойдетъ отыскивать миссъ Лонгъ и попросить ее о Джо, о слѣпой дѣвушкѣ и о книгѣ; у нея въ эту минуту такой рѣшительный видъ, что мы не сомнѣваемся въ ея успѣхѣ.

III.

На слѣдующее утро обѣ маленькія дѣвочки, у которыхъ была своя особенная комната, весьма беспокоились о томъ, чтобы была хорошая погода. Наканунѣ вечеромъ Алиса много болтала о предстоящей выставкѣ, о которой и мы уже кое-что слышали. Она давно и съ нетерпѣніемъ ожидала этого дня и вотъ онъ насталъ: погода была превосходная. Руоѣ тоже беспокоилась, но по другой причинѣ. Ея мысли были далеко отъ выставки, но безпрестанно устремлялись къ пенни, лежавшему въ самомъ отдаленномъ уголкѣ, на днѣ ея кармана.

— О, какъ я рада! Погода хорошая и мнѣ можно будетъ ему отнести его, Алиса!—было ея первымъ восклицаніемъ:—Мнѣ миссъ Лонгъ позволила вытти до завтрака и посмотреть, не пришелъ ли Джо.

«О чемъ это ты говоришь?» спросила Алиса нѣсколько удивленнымъ, но довольно равнодушнымъ голосомъ.

— Ахъ, я и забыла, что ты ничего не знаешь. Джо собираетъ деньги, чтобы купить книгу съ выпуклыми буквами, для своей слѣпой сестры, Полли. Мнѣ очень хотѣлось ему разомъ отдать всѣ деньги, но миссъ Лонгъ находить, что лучше дать ему возможность заработать ихъ самому; это доставить ему удовольствіе и будетъ пріятнѣе для Полли. Пстой-ка, я сосчитаю..... 29 пенсовъ и шесть пенсовъ, составятъ три шиллинга и..... Но она такъ долго считала, что Алиса наконецъ пришла къ ней на помощь и сказала: «Это составляетъ три шиллинга и три пенса, а когда ты прибавишь еще сегодняшній пенни, то все богатство Джо будетъ доходить до трехъ шиллинговъ и четырехъ пенсовъ.»

— Я думаю, этого почти достаточно, не правда ли? спросила Руоъ.

Но Алиса не знала, да и кромѣ того, ей хотѣлось поскорѣй возвратиться къ разговору о выставкѣ.

«На слѣдующій годъ и у тебя будетъ садикъ, Руоъ, и тогда, можетъ быть, и ты выставишь какіе нибудь цвѣты. У меня на этотъ разъ тоже ничего нѣтъ, кромѣ фуксіи, давной. мнѣ одной изъ дѣвочекъ; за то у другихъ есть прекрасные цвѣты, а у Анни Мильнеръ есть даже и плоды. Ихъ ей прислала ея тетенька, которая живетъ недалеко отсюда.» Такимъ образомъ болтая, Алиса еще только едва начинала одѣваться, когда Руоъ уже совсѣмъ окончила свой туалетъ и побѣжала внизъ по лѣстницѣ, въ садъ, прямо къ воротамъ. Но, увы! Джо тамъ не было. Обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, она печально пригото-

лялась уйдти, когда онъ внезапно появился съ метлой въ рукахъ. Руоъ обрадовалась, отдала ему пенни, спросила о Полли и снова побѣжала къ Алисъ, объявить ей, что отдала пенни и что Джо собирается мести. Однако, не дойдя еще до дому, она вспомнила о порученіи миссъ Лонгъ узнать, гдѣ живетъ Полли. Она воротилась и спросила объ этомъ мальчика.—Остальное время до завтрака она употребила на изученіе таблицы пенсовъ, въ которой еще недавно оказалась столь слабой. Вы видите, Руоъ не походить на многихъ другихъ дѣвочекъ, которыя любятъ учиться только тому, что онѣ уже знаютъ.

Въ тотъ день, по случаю выставки, дѣти должны были заниматься уроками только утромъ; но погода была такъ хороша, что и предъ-обѣденное время было употреблено на прогулку.—Руоъ шла вмѣстѣ съ миссъ Лонгъ. Каково же было ея удивленіе, когда, подойдя къ воротамъ, она нашла площадку, которую надѣялась найти совсѣмъ чистою, такой грязной, какъ будто къ ней никто не прикасался. Она не могла понять, почему Джо такъ дурно выполнилъ свое дѣло.

«Ты, душенька, вѣрно отдала ему пенни прежде, нежели онъ кончилъ мести?»

— Да, но онъ пришелъ съ метлой и уже принялся было за дѣло.

«Я боюсь, онъ не слишкомъ-то честный мальчикъ,» сказала миссъ Лонгъ, а Руоъ готова была совсѣмъ отказаться отъ него: «это такъ дурно, говорила она, взять плату и ничего не сдѣлать.»

Но миссъ Лонгъ отчасти извиняла его, потому что

хорошо знала, какъ дурной примѣръ, который онъ постоянно имѣлъ передъ глазами дома, могъ сбить его понятія о честности. Она сказала: «мы съ нимъ поговоримъ объ этомъ, Руоѣ, а теперь намъ остается только заставить его завтра вымести площадку и ничего ему за это не дать.»

Слѣдствіемъ всего этаго было то, что когда Руоѣ раздавала плоды пяти или шести дамамъ, пришедшимъ на выставку, ей вдругъ пришло на умъ, ѣли ли когда нибудь Полли такія прекрасныя вещи? Потомъ, вспомнивъ, что по поводу ошибки брата она на завтра будетъ лишена своего пенни, Руоѣ рѣшилась отложить для нея два самыя сочныя и румяныя яблока и послать ихъ ей съ Джо. Весь Алисинъ рассказъ былъ справедливъ, исключая мнѣнія Джанны Гардингъ. Руоѣ и не думала хитрить, а совершенно открыто отдала ему яблоки въ то время, когда передавала ему желаніе миссъ Лонгъ поговорить съ нимъ; она ни минуты не думала, наблюдаютъ за ней или нѣтъ.

Пока Джо получаетъ выговоръ отъ миссъ Лонгъ и отвѣчаетъ на ея разспросы о сестрѣ, мы заглянемъ въ классную комнату.

Младшія дѣти, и между ними Руоѣ и Алиса, окружаютъ англійскую учительницу и читаютъ съ ней свой обычный утренній урокъ изъ Библии. Остальныя ожидаютъ прихода самой миссъ Лонгъ, а пока болтаютъ. Три дѣвочки, изъ которыхъ одна есть та самая Джанна Гардингъ, о которой упоминала Алиса, шепчутся между собой.

— Я уже и прежде слышала, что она горда и сердита, а теперь оказывается, что она, въ добавокъ, еще и хитра: отвратительное маленькое существо!

«Эти некрасивыя дѣти всегда лгутъ,» сказала Джанна, которая очень гордилась своими длинными густыми локонами и правильными, но безжизненными чертами лица.

— Мнѣ кажется, Джанна, сказала третья, твой долгъ рассказать все это миссъ Лонгъ.

Эта молоденькая леди имѣла весьма строгое понятие о долгѣ, который, по ея мнѣнію, состоялъ въ томъ, чтобы доносить о проступкахъ своихъ подругъ. Въ эту минуту къ нимъ подошла высокая миленькая дѣвочка, повидимому старшая въ пансіонѣ. Ее звали Лиззи Спенсеръ. Когда она приблизилась, разговоръ внезапно прекратился.

— Джанна, сказала она, не забудь, что сегодня вечеромъ ты просила меня заняться съ тобой урокомъ изъ древней исторіи; ты, вѣдь, кажется, должна его переписать.

«О нѣтъ, Лиззи, я не забуду; ты можешь быть въ этомъ увѣрена. Благодарю тебя!»

Кроткій нравъ Лиззи и ея милое обращеніе давно сдѣлали ее всеобщей любимицей. Всѣ ее уважали, сами не зная почему, но весьма немногія видѣли подъ ея наружной веселостью и дѣтскими манерами твердость характера, которую она дѣйствительно обладала. Раннія несчастія укрѣпили ея отъ природы любящій и, можетъ быть, слишкомъ уступчивый нравъ. Сознавая свою собственную слабость, она привыкла

во всемъ пологаться на Бога, котораго любила всѣми силами своей души. Сама того не зная, она имѣла большое вліяніе на своихъ подругъ, и какъ часто ея приближеніе полагало конецъ рѣзкимъ и злымъ выходкамъ этихъ дѣтей, не привыкшихъ къ размышленію! Счастливъ пансіонъ, въ которомъ старшая ученица похожа на Лиззи Спенсеръ! Счастлива учительница, которая между своими воспитанницами имѣетъ такую покровительницу для младшихъ, такого друга для всѣхъ!

Но еслибы приближеніе Лиззи не прекратило разговора о недостаткѣ Руои, то онъ все-таки былъ бы прерванъ приходомъ миссъ Лонгъ. Джаннѣ скоро представился случай рассказать ей о проступкѣ Руои. Но она была вѣсколько удивлена серьезнымъ и строгимъ видомъ, съ которымъ миссъ Лонгъ выслушала ее, и смутно сознавала, что не Руою тому причиной. Однако она не получила выговора. По окончаніи классовъ, миссъ Лонгъ подошла къ Руои и тихонько позвала ее къ себѣ въ гостиную. Дѣвочка послѣдовала за ней и по данному знаку сѣла на стулъ. Миссъ Лонгъ послѣ минутнаго молчанія сказала:

— Руою, мнѣ надо съ тобой поговорить немножко.—Дитя съ удивленіемъ посмотрѣло на нее, но ничего не отвѣчало.

«Думала ли ты вчера о томъ, что дѣлала, когда спрятала яблоки?»

— Нѣтъ.

«А потомъ думала?»

— Нѣтъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я ихъ от-

дала Джо; впрочемъ, нѣтъ, я еще разъ думала о нихъ и спрашивала себя, понравились ли они Полли и подѣлилась ли она ими съ Джо.

«Въ такомъ случаѣ, душенька, подумаемъ объ этомъ теперь вмѣстѣ. Почему ты вчера утромъ досадовала на Джо?»

Еще болѣе удивленная, Руѳъ отвѣчала:

— Потому, что онъ взялъ пенни и не сдѣлалъ того, за что получилъ его.

«То есть, потому, что онъ взялъ не принадлежавшее ему? Чьи же были яблоки, которые ты ему дала сегодня?»

Руѳъ медленно привстала, какъ будто желая поближе взглянуть въ лицо миссъ Лонгъ. Ея собственное личико все еще имѣло изумленное выраженіе; потомъ на немъ внезапно промелькнула мысль и минуту спустя маленькая головка пряталась въ колѣняхъ миссъ Лонгъ; послышалось даже рыданіе, но отчаянное усиліе остановило слезы. Руѳъ приподнялась и сказала: «Я не думаю, чтобы мнѣ полезно было здѣсь оставаться. Я дома очень часто себя дурно ведаю, но никогда не брала ничего чужого. О, какъ могла я это сдѣлать! Что скажетъ Дунканъ!»—и при этой мысли головка снова быстро спряталась въ колѣняхъ и снова раздалось рыданіе.

Миссъ Лонгъ дала ей немного успокоиться, потомъ сказала, глядя на ея черные волосы:

— Моя маленькая дѣвочка не должна быть несправедлива къ самой себѣ: вѣдь ты не намѣревалась взять чужое, Руѳъ, не правда ли?

«О нѣтъ, нѣтъ! Какъ это возможно!»

— Въ такомъ случаѣ, душенька, все произошло отъ необдуманности; ты поступила по первому своему влеченію; понимаешь ли ты, что я хочу сказать?

«Да, Дунканъ мнѣ тоже это говорилъ; я и прежде часто такъ поступала.»

Миссъ Лонгъ едва удержалась отъ улыбки при видѣ простодушія своей маленькой воспитанницы.

— Но, продолжала она, можетъ быть, ты никогда прежде не подозрѣвала до чего это можетъ тебя довести. Хочешь ли избавиться отъ такого непріятнаго недостатка?

«О, да, я хочу и сегодня же начну, если только вы захотите мнѣ помочь.»

— Я сдѣлаю все, что могу, душенька, но ты должна поискать помощи лучшей, нежели моя.

«Я попрошу ее у Бога.» Эти слова были сказаны очень серьезнымъ тономъ.

— Да благословить Онъ тебя, сказала миссъ Лонгъ и, ласково поцѣловавъ Руоъ, послала ее въ садъ.

Быль прекрасный день и дѣвочка вскорѣ забыла о своемъ горѣ. Ей снова стало легко на душѣ и она не только хотѣла пѣть, но и летать съ птичками, весело чирикавшими и живо прыгавшими съ вѣтки на вѣтку. Всѣ пансіонерки были въ саду; нѣкоторыя сидѣли подъ деревьями съ книгами или съ работой, другія, по двѣ или по три вмѣстѣ, прохаживались, живо и весело болтая. Даже сама миссъ Лонгъ гуляла по аллеѣ, ведущей къ воротамъ. Руоъ шла одна по

узенькой, любимой своей, дорожкой, когда встрѣтилась съ Джанной Гардингъ, подъ руку съ другой дѣвочкой. Джанна остановилась и сказала:

«А что, помогали вы сегодня вашему другу Джо мести площадку?»

Въ одно мгновеніе маленькое личико сдѣлалось пурпуровымъ и, вставъ въ трагическую позу, Руоу медленно и внятно произнесла:

— Джанна Гардингъ, какъ смѣете вы говорить это мнѣ?

«Вамъ, въ самомъ дѣлѣ! А кто же вы такая, желала бы я знать? По моему мнѣнію, не болѣе и не менѣе, какъ самая лучшая подруга для господина Джо.—А яблоки—то гдѣ, а?»

Пока Джанна произносила эти слова, бѣдное дитя постепенно блѣднѣло, когда же она замолчала, какой-то свистъ вырвался изъ сжатыхъ зубовъ Руои и она съ гнѣвомъ воскликнула:

— Я ненавижу васъ!

«Что за галка дѣвочка! сказала Джанна. Но Руоу уже не слышала ее. Она въ тоже мгновеніе опомнилась, побѣжала на встрѣчу къ миссъ Лонгъ и бросившись къ ней на шею, со слезами вскричала:

— О, миссъ Лонгъ, какая я злая! Вы не повѣрите, какъ мнѣ жаль. Я право не хотѣла этаго сдѣлать! Вѣрите ли вы мнѣ?

Она была такъ взволнована, что миссъ Лонгъ принуждена была ее на рукахъ снести въ гостиную, она положила ее на диванъ и сказавъ, что сейчасъ возвратится, если она успокоится, снова пошла въ садъ. Въ

прихожей она встрѣтила Джанну, которая, завидѣвъ ее, воскликнула:

«Право, миссъ Лонгъ, я ничего дурного не сказала, я только въ шутку спросила у нея, помогала ли она сегодня Джо мести площадку. Неправда ли, Мери?»

— Я и не знала, отвѣчала миссъ Лонгъ, что вы виной гнѣва и горя этой маленькой дѣвочки. — Хотя Джанна Гардингъ и прежде не рѣдко получала выговоры, но она никогда не могла забыть того, что было ей сказано при этомъ случаѣ.

Миссъ Лонгъ, возвратясь въ гостиную, застала Руѡ на колѣняхъ возлѣ дивана. Услышавъ шаги, дѣвочка встала и сказала очень тихо:

«Я просила Бога помочь мнѣ.»

Онѣ еще долго разговаривали, но Руѡ ни разу не упомянула объ имени дѣвочки, разсердившей ее, а миссъ Лонгъ въ свою очередь не спрашивала ее объ этомъ.

Теперь уже намъ не удивителенъ рассказъ Алисы о томъ, что «маленькая новая дѣвочка» была во весь день молчалива и тиха, а вечеромъ плакала и усердно молилась, стоя на колѣняхъ возлѣ своей постельки.

IV.

На другой день, между тѣмъ, какъ Алиса пила чай, въ гостяхъ у Дебби, Руѡ подошла къ Джаннѣ Гардингъ и робкимъ голосомъ сказала ей:

«Миссъ Гардингъ, могу я поговорить съ вами? Простите меня за то, что я вчера вамъ сказала. Я разсердилась и не думала,» — она остановилась въ нерѣшимости, — «по крайней мѣрѣ, я теперь не думаю того, что сказала тогда. Миѣ очень, очень жаль!»

— Я не злопамятна, отвѣчала Джанна, и готова быть вашимъ другомъ, если вы этаго желаете.

«Я постараюсь полюбить васъ Джанна, но я думаю, — я боюсь, у меня такой дурной характеръ, что вы не захотите быть моимъ другомъ, когда узнаете, какая я не хорошая.»

Но понятіе Джанны о дружбѣ повидимому было не такъ серьезно, какъ понятіе Руои, и она не знала что ей отвѣчать. Да и что могла она ей сказать на ея нѣсколько сомнительный комплиментъ *постараться* ее полюбить? Джанна никогда не старалась никого любить и по видимому не намѣревалась сдѣлать свой первый опытъ надъ самой маленькой дѣвочкой изъ всего пансіона и, по ея мнѣнію, надъ самой злой и некрасивой. Берегись, Джанна, чтобы этотъ, какъ ты его называешь, «отвратительный характеръ» не сдѣлался гораздо пріятнѣе твоего милаго нрава. Смотри, ты своими безразсудными рѣчами наносишь гораздо болѣе глубокія раны, нежели Руоъ своими гнѣвными вспышками: она старается залечивать раны ласковыми словами и поступками, а ты даже не заботишься о томъ, наносишь ты ихъ или нѣтъ.

Джанна уже начинала чувствовать всю неловкость своего молчанія, когда, къ ея великому удовольствію, Руоъ позвали къ миссъ Лонгъ. Ей велѣли поскорѣй

надѣтъ шляпу, а потомъ она вмѣстѣ съ миссъ Лонгъ и Лиззи Спенсеръ куда-то пошла.

Мы послѣдуемъ за ними, потому что, если догадки наши справедливы, онѣ пошли навѣстить слѣбую Полли. Она намъ уже нѣсколько извѣстна по наслышкѣ, и намъ очень хочется съ ней поближе познакомиться. Мѣсто, на которое Джо указалъ, какъ на свое жилище, находилось на полъ-мили разстоянія отъ пансіона. Миссъ Лонгъ и ея воспитавницы шли сначала по главной улицѣ Мельстоу, потомъ повернули въ узкій и довольно грязный переулочекъ, миновали два или три полуразвалившихся коттеджа и наконецъ остановились у одного—самаго грязнаго и жалкаго. Онъ былъ окруженъ чѣмъ-то, что, по видимому, должно было быть садомъ, но теперь походило на разсадникъ дурной травы. Кое гдѣ торчали кусты крыжовника и смородины, да два или три кустика ноготковъ, какъ будто печаянно туда попавшіе, съ насмѣшкой смотрѣли своими блестящими золотистыми головками на эту сцену запустѣнія. Дверь была раскрыта, и ея видъ возбуждалъ сомнѣніе въ томъ, можетъ ли она запирается. Миссъ Лонгъ заглянула въ нее и удостовѣрилась, что это тотъ самый коттеджъ, котораго она искала. Молодая дѣвушка, лѣтъ двадцати, стояла посреди комнаты, наклонясь впередъ съ испуганнымъ видомъ. Она вѣроятно шла отъ полки, на которой была разставлена глиняная посуда, къ маленькому столу возлѣ окна, потому что держала въ одной рукѣ чашку съ блюдечкомъ, а въ другой хлѣбъ. Она безъ сомнѣнія услышала незнакомые ей шаги и безпокой-

нымъ голосомъ быстро спросила: «кто тамъ?» Бѣд-
няжка! она не привыкла къ звуку чужихъ шаговъ,
исключая развѣ тѣхъ случаевъ, когда ея отецъ при-
водилъ съ собою своихъ товарищей, но тѣ шаги бы-
ли гораздо шумливѣе и тяжеле. Миссъ Лонгъ одна-
ко скоро вывела ее изъ сомнѣнія, поспѣшивъ сказать,
что она та самая дама, которая общалась Джо на-
вѣстить ее, а Руоъ та дѣвочка, которая прислала ей
яблоки. Руоъ покраснѣла и взглянула на Лиззи, но
по лицу послѣдней нельзя было догадаться, извѣстно
ли ей происшествіе съ яблоками. Блѣдное лицо Пол-
ли просіяло. Она поспѣшила освободиться отъ своей
ноши и засуетилась, отыскивая стулья для своихъ го-
стей. Но они предупредили ее и сѣли, миссъ Лонгъ
и Лиззи на единственные два стула, а Руоъ на ска-
меечку возлѣ камина. Огонь, который, казалось, всегда
состоялъ изъ сухаго вереска и маленькихъ щепокъ,
теперь совсѣмъ погасъ; но возлѣ камина лежалъ не-
большой запасъ и того и другаго, для того чтобы
развести огонь, когда понадобится вскипятить воду,
налитую въ котелъ, стоявшій на очагѣ.

Миссъ Лонгъ спросила у Полли, «какъ она мо-
жетъ проводить цѣлые дни совершенно одна?»

— Чтоже дѣлать, сударыня; я должна по воз-
можности со всѣмъ ладить. Впрочемъ, Джо очень
добръ ко мнѣ: я многое могу дѣлать въ домѣ, толь-
ко огня не смѣю разводить;—однако я и это поста-
ралась бы дѣлать, но Джо и слышать не хочетъ, что-
бы я возилась съ огнемъ, и потому я всегда дожида-
юсь его къ чаю. Мнѣ кажется, сударыня,—не знаю,

можетъ быть, я ошибаюсь. — только мнѣ часто думается, что Богъ особенно заботится о слѣпыхъ; по крайней мѣрѣ мнѣ очень отрадно такъ думать. — Эти послѣднія слова она произнесла, какъ бы говоря сама съ собою.

«Вы правы, Полли, отвѣтила ей миссъ Лонгъ, Богъ заботится о всѣхъ своихъ дѣтяхъ — въ этомъ мы можемъ быть вполне увѣрены. Вы вѣроятно слышали и читали о Томъ, кто приходилъ даровать зрѣніе слѣпыми?»

— О, да, благодаря Бога, я слышала о Немъ! Я не могу довольно нарадоваться тому, что была въ приютѣ слѣпыхъ. Еслибы я не узнала тамъ вещей, которыя научили меня терпѣнью, я бы давно умерла отъ отчаянья. Я тогда чувствовала себя очень несчастной: вокругъ меня все было темно, я могла думать только о прошедшемъ, будущее для меня не существовало, — ахъ, какъ это было ужасно! Иногда, когда мнѣ приходилось сидѣть здѣсь совершенно одной, я просто съ ума сходила. Я ненавидѣла и птицъ, за то, что онѣ поютъ, и солнце за то, что оно свѣтитъ, и дѣтей, за то, что онѣ, играя въ переулкѣ, шумѣли и веселились. Но никогда ничего подобнаго не чувствовала я ни къ отцу, ни къ Джо. Напротивъ, когда Джо возвращался домой по вечерамъ, я любила гладить его волосы и слушать его рассказы о маменькѣ: его голосъ такъ похожъ на ея! Но теперь, благодаря Бога, это дурное время прошло и я спокойна.

Миссъ Лонгъ посмотрѣла вокругъ себя на бѣдное убранство комнаты, подумала о пьяномъ отцѣ, о слѣ-

ныхъ глазахъ дѣвушки, и удивилась терпѣнью и надеждѣ, которыя заставляли ее говорить, что «дурное время прошло».

«А какъ давно были вы въ пріютѣ?» спросила она Полли.

— Двѣ зимы тому назадъ, сударыня, но я не долго тамъ оставалась. Однако я имѣла время выучиться читать и еще кое чему. У меня и теперь есть Библія, только не съ выпуклыми буквами, — нѣтъ, та слишкомъ дорога, — а простая; мнѣ Джо иногда ее читаетъ.

«Развѣ Джо умѣетъ читать?» спросила Руэб.

— Не очень-то хорошо, миссъ, однако онъ съ каждымъ днемъ читаетъ лучше и лучше. Я знаю многія мѣста наизусть и потому время отъ времени могу ему подсказывать слова. Впрочемъ теперь это уже не нужно, онъ почти все самъ читаетъ. Ахъ, сударыня, какія чудныя вещи находятся въ этой книгѣ! Иногда нѣсколькихъ строкъ достаточно для того, чтобы заставить меня цѣлый день о нихъ думать.

«Это лучший способъ запомнить ихъ, Полли.»

— Я часто заставляю Джо читать о томъ, какъ Иисусъ излечилъ слѣпого въ Іерихонѣ... И она, казалось, вся погрузилась въ воспоминаніе объ этомъ чудѣ.

«Вы, кажется, очень любите этотъ рассказъ. Но, Полли, вѣдь теперь нѣтъ здѣсь Иисуса, чтобы возвращать зрѣніе слѣпымъ.»

Полли поняла намѣкъ миссъ Лонгъ и отвѣчала:

— О, нѣтъ, я знаю. Но Онъ все-таки съ нами, и развѣ не Онъ превратилъ въ свѣтъ мракъ, который окружалъ меня? Я часто думаю, что будь Онъ теперь

на землѣ, я не просила бы Его о своемъ излеченіи: можетъ быть, я тогда меньше бы о Немъ думала. Нѣтъ, есть вещь, которой я гораздо болѣе желаю.

Миссъ Лонгъ спросила что это такое, и не можетъ ли ктонибудь изъ земныхъ друзей исполнить ея желаніе.

«Это желаніе касается отца,» отвѣчала Полли коротко; но такое грустное и безпокойное выраженіе разлилось по ея лицу, что миссъ Лонгъ поспѣшила переменить разговоръ, и спросила ее, не желаетъ ли она возвратиться въ пріютъ слѣпыхъ, потому что въ такомъ случаѣ она можетъ ей быть полезна. По лицу Полли видно было, что предложеніе это пришлось ей по сердцу, но, подумавъ немного, она сказала:

— Хотя я и немного могу дѣлать дома, однако я не хочу оставить отца и брата однихъ.

Она была очень благодарна миссъ Лонгъ; но теперь она уже болѣе не думала, какъ прежде, что составляетъ тягость для другихъ. Напротивъ, она сознавала, что для Джо необходимо ея присутствіе дома, да и отецъ былъ къ ней очень добръ, и вѣроятно сталъ бы скучать безъ нея.

Оцѣ еще немного поговорили; потомъ миссъ Лонгъ и обѣ дѣвочки, общая опять скоро прійлти, простились съ бѣдной, слѣпой дѣвушкой, оставшейся весьма довольной своими новыми друзьями.

Во все время Руоѣ сидѣла очень смиренно и удивленными глазами слѣдила за Полли и осматривала коттеждѣ. Она никогда прежде не бывала въ жилищѣ бѣдныхъ людей и не могла себѣ представить нищету.

болѣе ужасную той, въ которой паходилась Полли. Идя домой, она сначала была очень молчалива и задумчива, а потомъ спросила:

— Миссъ Лонгъ, какъ вы думаете, слѣпымъ легче, нежели намъ, быть хорошими людьми?

«Я не думаю, чтобы Полли была твоего мнѣнія, Руэв. Правда, у нихъ гораздо менѣе виѣшнихъ искушеній, но за то гораздо болѣе внутреннихъ: имъ такъ легко раздражаться и роптать. И подумай, какъ ужасно не видѣть прекрасныхъ Божіихъ твореній и не быть въ состояніи читать о нихъ и о самомъ Богѣ!»

— О, да, я очень рада! Я совсѣмъ забыла. Мнѣ почти хотѣлось быть на мѣстѣ Полли, когда она такъ прекрасно говорила о всемъ этомъ. Но я боюсь: это нехорошо, неблагодарно. Миссъ Лонгъ ничего не отвѣчала. Можетъ быть, она и сама чувствовала нѣчто подобное.

Въ эту ночь Руэв снилось, будто она вмѣстѣ съ Алисой мететь площадку и Алиса хочетъ ее ослѣпить, чтобы она не могла мести лучше ея. Въ борьбѣ съ ней Руэв проснулась — кругомъ все было погружено во мракъ. На минуту ей показалось, что она ослѣпла, но мѣсяцъ, выйдя изъ за тучъ, освѣтилъ стѣну возлѣ ея кровати, — она улыбнулась, поблагодарила Бога и снова заснула....

Мы еще ничего не сказали о весьма важной части пансіонской жизни — объ урокахъ. Но кому изъ нашихъ читательницъ не извѣстно чему должна была учиться десяти-лѣтняя Руэв? Она много читала, писала, считала; немного занималась французскимъ и нѣ-

мецкимъ языками и весьма немного музыкой и танцами. Руоъ была очень прилежна. Она нѣсколько отстала отъ другихъ дѣвочекъ, но можно было ожидать, что она скоро не только сравняется съ ними, но и перегонитъ ихъ. Алисъ слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы ея подруга не сдѣлалась ея соперницей въ полученіи награды, которая давалась лучшей ученицѣ въ каждомъ классѣ. Въ младшемъ классѣ, кромѣ нихъ, было всего только двѣ дѣвочки, которыя, хотя старше ихъ годами, были такъ лѣнны и тупы, что Алиса нисколько ихъ не опасалась и была почти увѣрена въ своемъ торжествѣ. Что же касается до Руои, то ей, повидимому, нечего было и думать о наградѣ: она пріѣхала шесть недѣль спустя послѣ открытія классовъ, да и кромѣ того, по словамъ своего брата, была «маленькой невѣждой». Французскій языкъ ей особенно не давался: едва только «Mademoiselle» прочтетъ съ ней слова, которыя она должна заучить, какъ она уже забываетъ ихъ произношеніе. И не дойдя до своего мѣста, она опять возвращается къ учительницѣ съ просьбой повторить сказанное. И столько разъ приходилось ей совершать эти путешествія взадъ и впередъ, что она начинала приходить въ отчаяніе; но добрая Лиззи Спенсеръ вывела ее изъ затрудненія: она начала вмѣстѣ съ ней готовить французскіе уроки. Благодаря этой помощи, Руоъ вскорѣ и въ этомъ трудномъ предметѣ начала оказывать такіе же успѣхи, какъ и во всѣхъ прочихъ.

Однако намъ не слѣдуетъ такъ долго оставлять ее въ постелѣ. За луннымъ свѣтомъ послѣдовало солнеч-

ное сіяніе и въ назначенное время обѣ дѣвочки встали, одѣлись и отправились въ садъ, гдѣ самымъ чиннымъ образомъ стали расхаживать по аллеямъ.

— «Знаешь, Алиса, вчера, когда тебя не было дома, мы ходили къ Полли, слѣпой сестрѣ Джо. Она ослѣпла, когда ей было тринадцать лѣтъ, а теперь ей болѣе двадцати. Неправда ли, какъ ужасно быть слѣпой! Но она висколько на это не ропщетъ!»

— «Я не думаю, чтобы и я роптала, еслибы ослѣпла.»

— «О, Алиса, я увѣрена въ противномъ! Почему ты такъ говоришь?»

— «Потому, что я разъ попробовала быть слѣпой.»

— «Попробовала быть слѣпой! Какъ такъ, Алиса?»

— «Я закрыла глаза и меня вели въ продолженіи цѣлой длинной прогулки. А когда я опять открыла глаза, то очень удивилась, что мы уже дома. Миѣ казалось, мы едва дошли до заставы. Это было очень весело!»

— «О, Алиса, пожалуйста, не говори такъ! Ты забываешь, что во все время прогулки ты надѣялась открыть глаза, но подумай, если бы ты не могла этаго сдѣлать?»

— «Да, я думаю это составило бы нѣкоторую разницу. А кто водить Полли?»

— «Никто! Она иногда цѣлые дни сидитъ одна или ходитъ ощупью вокругъ комнаты. Я едва не плакала, смотря на нее. А какая она добрая!»

— «Миѣ кажется, всѣ бѣдные люди добры, ты какъ думаешь, Руоу? Я знаю еще одну бѣдную жен-

щину, старую пяню моей маменьки, ее зовутъ Дебби;— это та самая, у которой я была вчера въ гостяхъ: она очень добрая. Потомъ, тамъ же въ богадѣльнѣ есть еще старушка очень бѣдная, бѣднѣе Дебби,—и та тоже очень добрая. И такъ, видишь, вѣрно всѣ бѣдные добры.»

Но Руэв иначе думала. Судя по словамъ Джо и потому, что она сама успѣла замѣтить въ коттеджѣ Полли, отецъ послѣдней былъ недобрый, хотя и бѣдный человѣкъ. Однако она ничего не сказала объ этомъ Алисѣ, а только припомнила, что слышала однажды проповѣдь, въ которой пасторъ говорилъ: «бѣдные люди идутъ на небо не потому только, что они бѣдны.» И Руэв изъ этого справедливо заключала, что бѣдность не дѣлаетъ людей добрыми.

Она рассказала Алисѣ еще нѣсколько подробностей объ образѣ жизни Полли,—о томъ, какъ у нея на полкѣ стоятъ всего только двѣ цѣльные и одна полуразбитая чашка, какъ у нея никогда не бываетъ масла къ чаю. Она прибавила, что полъ въ комнатѣ очень неровень, и она удивляется, какъ Полли не спотыкается, когда ходитъ;—что садъ очень запущень, и въ немъ растутъ только одного рода цвѣты, да и тѣ не слишкомъ-то красивы. Конечно, Полли и ихъ не можетъ видѣть, но почему Джо не позаботится посадить лучшихъ? Потомъ ей пришла въ голову счастливая мысль: не позволить ли ему миссъ Лонгъ на слѣдующій годъ принести цвѣтовъ на выставку? Это, по ея мнѣнію, заставило бы Джо болѣе заботиться о садѣ. Мысль эта такъ понравилась Руэв, что она хотѣла

тотчасъ же бѣжать къ миссъ Лонгъ, сообщить ей о своемъ намѣреніи, а потомъ отправиться къ садовнику и попросить у него сѣмянъ. Алиса съ тругомъ удержала ее.

Дѣвочки еще долго разговаривали объ этомъ предметѣ, пока не были прерваны звонкомъ, призывавшимъ ихъ къ завтраку. Однако Руоѣ вскорѣ нашла случай сообщить миссъ Лонгъ о своемъ планѣ. Миссъ Лонгъ нашла его очень хорошимъ, только посоветовала замѣнить цвѣты зеленью и овощами, — «потому что, прибавила она, онѣ гораздо полезнѣе и мы учредимъ новый призъ для того, кто представитъ лучшую корзинку овощей.»

— Но кто же еще будетъ выставлять зелень? спросила Алиса: у насъ ея нѣтъ въ нашихъ садикахъ?

«А мы для этого найдемъ еще нѣсколькихъ мальчиковъ. А пока ты, Руоѣ, постарайся вмѣстѣ съ Алисой убѣдить Джо въ томъ, что ему очень полезно заняться садоводствомъ, и выдумай награду.»

Вы видите, предубѣжденіе Алисы на счетъ Руоѣ совѣмъ разсѣялось; она даже съ ней очень подружилась. Впрочемъ, Алиса была милая и ласковая дѣвочка, но хотя бы она и не была такой, то все-таки не могла бы долго устоять противъ дружескаго обращенія и довѣрчивости Руоѣ.

V.

Руоь приготовила всѣ свои уроки и сѣла въ любимомъ своемъ уголкѣ у открытаго окна, намѣреваясь заняться чтеніемъ книги, данной ей Алисой. Но мысли ея вскорѣ перешли отъ книги къ воспоминанію о домѣ и о Дунканѣ. Она думала о томъ, когда опять можетъ прійти отъ него письмо—последнее она получила недѣлю тому назадъ. Ей было такъ пріятно читать его письма! Онъ всегда говорилъ объ интересныхъ для нея предметахъ. «А найдетъ ли онъ во мнѣ перемѣну къ лучшему по истеченію этого полугодія?» спрашивала она у самой себя. Ровно мѣсяць прошелъ съ того дня, какъ она вступила въ пансіонъ; менѣе чѣмъ черезъ три мѣсяца наступятъ зимнія каникулы, и тогда она опять увидитъ Дункана и будетъ съ нимъ разговаривать. Мечтая обо всемъ этомъ, она почти громко смѣялась.

Но ея маленькіе воздушные замки вскорѣ были разрушены: кто-то произнесъ ея имя. Одинъ изъ старшихъ классовъ только что возвратился съ французскаго урока, и дѣвочки вели между собой весьма живой разговоръ.

— Хорошо, говорилъ одинъ голосъ:—это только еще болѣе усиливаетъ мои подозрѣнія. Вы можете быть увѣрены: Руоь сдѣлала это. Но, Джанна, я думаю, тебѣ нечего печалиться: это самая счастливая вещь, какая только могла съ тобой случиться.

«Какъ такъ?»

— Да развѣ ты не видишь, что она избавляетъ тебя по крайней мѣрѣ отъ трехъ дурныхъ отмѣтокъ? Вѣдь ты всегда ихъ получаешь за переводъ; а двѣ или три лишнія за эту недѣлю отняли бы у тебя всякую возможность получить награду: болѣе двѣнадцати дурныхъ отмѣтокъ въ недѣлю уничтожаютъ силу пятидесяти хорошихъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, ты очень счастлива, Жанна, сказала другая дѣвочка. По моему мнѣнію, ты должна сейчасъ же поблагодарить Руоъ.—Руоъ, Руоъ, гдѣ ты? Поди сюда и прійми благодарность миссъ Гардингъ за услугу, которую ты ей оказала.»

Тутъ Лиззи вмѣшалась въ разговоръ и сказала:

— Мнѣ кажется, вы ошибаетесь, взваливая всю вину на Руоъ; вы даже не спросили у нея, она ли сдѣлала это? Руоъ, поди сюда!

Маленькая дѣвочка вышла изъ своего уголка.

— Не вырвала ли ты листка изъ французской тетради Джанны? Прійдя въ классъ сегодня утромъ, мы замѣтили, что переводъ, который она написала вчера вечеромъ, исчезъ. Скажи мнѣ, Руоъ, не ты ли вырвала его?

«Я ничего не знаю о переводѣ Джанны; — я даже не знала, былъ ли онъ у нея написанъ,» отвѣчала Руоъ съ гордымъ и сдержаннымъ видомъ.

— Не уклоняйся, пожалуста, отъ прямого отвѣта, возразила одна высокая, худощавая дѣвочка. У тебя толкомъ спрашиваютъ: ты вырвала переводъ или нѣтъ?

«Я вижу, мнѣ не вѣрятъ, и потому не скажу болѣе ни слова.»

— Прекрасно! сказала дѣвочка, которая первая подняла всю тревогу. Я была увѣрена въ томъ, что она вырвала; никто другой не могъ этого сдѣлать: она одна была въ ссорѣ съ Джанной. Впрочемъ есть еще одно доказательство: Анни слышала, какъ Руоъ сегоднѣ утромъ спрашивала, гдѣ книжная полка Джанны? Ну, Руоъ, что ты на это скажешь?

Но Руоъ молчала.

— Отвѣчай, Руоъ, если можешь, говорила Лиззи ласково; скажи, зачѣмъ тебѣ нужна была полка Джанны?

Но опять не было никакого отвѣта и маленькія губы крѣпко сжались, выражая твердое намѣреніе не выпустить ни слова.

— Оставьте ее въ покоѣ, сказала Джанна, я не сержусь на нее и все это дѣло меня нисколько не беспокоитъ.

«Но оно меня беспокоитъ, Джанна, возразила Лиззи, и мнѣ очень жаль, что здѣсь нѣтъ миссъ Лонгъ: она бы разобрала его.» Потомъ обратясь къ Руоѣ, она прибавила: «Руоъ, я даже и теперь не вѣрю, что ты виновата.»

— Не вѣришь, а я такъ вѣрю, сказала другая дѣвочка. Она зла и метительна: одно всегда бываетъ неразлучно съ другимъ. Ты сама, Лиззи, должна согласиться, что у нея предурной нравъ.

Но Лиззи сдѣлала еще усиліе:

— «Руоъ, ты вѣрно согласишься отвѣтить мнѣ.»

Руоъ взглянула на нее и, казалось, готова была заговорить, но внезапно измѣнила свое намѣреніе: губы ея снова сжались, она медленно повернулась и ушла

на свое прежнее мѣсто, къ окну, все еще держа книгу въ рукахъ.

— Отпустите ее, бѣдное дитя! сказала Джанна. Я говорю вамъ, что нисколько не сержусь на нее. Лиззи, прошу тебя, обѣщай мнѣ ничего не говорить миссъ Лонгъ: я не хочу вводить дѣвочку въ неприятность, да и не думаю, чтобы она дѣйствительно желала мнѣ повредить.

«Нѣтъ, Джанна, я не могу дать тебѣ такого обѣщанія, отвѣчала Лиззи очень серьезно. Я совсѣмъ не такъ увѣрена, какъ ты, въ виновности Руои. Но кто бы ни вырвалъ твой переводъ,—нечаянно такая вещь не могла случиться,—это такая злая шутка, которую нельзя оставить безъ вниманія.»

И Лиззи вышла изъ комнаты.

— Я надѣюсь, что теперь мы узнаемъ, кто виновать, сказала высокая дѣвочка. Лиззи никогда не хочетъ вѣрить ничему дурному, когда дѣло идетъ объ ея любимцахъ; но я совершенно не могу понять, почему Руоѣ находится въ числѣ ихъ.

«Пожалуста, перестаньте, воскликнула Джанна нетерпѣливо:—я уже сказала, что нисколько не сожалѣю о переводѣ, а другимъ какое до него дѣло? Вонъ идетъ почтальонъ: нѣтъ ли у него писемъ ко мнѣ?»

Чрезъ пять минутъ раздался стукъ въ дверь. Руоѣ вздрогнула: это былъ почтальонъ, который почти всегда приносилъ ей письма отъ Дункана. Горничная вошла въ комнату и сказала: «письмо для миссъ Легъ.» Въ одно мгновеніе Руоѣ схватила письмо, возвратилась на прежнее мѣсто, быстро сломала печать и съ жад-

ностию начала читать его. Но отчего она вдруг поблѣднѣла, медленно встала и вышла изъ комнаты, сжимая письмо въ рукахъ?

Полчаса спустя, Лиззи Спенсеръ, проходя мимо комнаты Руои, остановилась въ недоумѣнн: ей показалось, что въ ней кто-то плакалъ. Она отворила дверь: маленькій голосокъ говорилъ сквозь слезы:

— О, зачѣмъ ты меня отдалъ сюда, Дунканъ? Это было очень, очень жестоко!

Лиззи тотчасъ почувствовала увѣренность въ невиновности Руои.

— Руоѣ, зачѣмъ ты здѣсь лежишь? Я пришла къ тебѣ зачѣмъ, чтобы ты мнѣ сказала всю правду. — Слова эти были произнесены ласковымъ, но въ тоже время такимъ твердымъ голосомъ, что невозможно было противиться.

Руоѣ лежала на своей постелѣ, спрятавъ лицо въ подушку. Услышавъ голосъ Лиззи, она подняла головку: подъ ней лежало измятое письмо, на которомъ виднѣлись слѣды слезъ. Лиззи почти обрадовалась, увидя, что не произшествіе въ классѣ было причиной горя бѣдной, маленькой Руои.

— О, Лиззи, онъ уѣзжаетъ, онъ уѣзжаетъ!

«Кто уѣзжаетъ, Руоѣ?»

— Дунканъ! это письмо отъ него. Онъ никогда не возвратится и никогда больше не будетъ мнѣ писать!

Это было сказано съ отчаяніемъ въ голосъ, но безъ слезъ.

— Неужели все это въ самомъ дѣлѣ заключаетъ въ твоёмъ письмѣ, Руоѣ? спросила Лиззи.

«Да, я думаю, но я не могла его хорошенько

прочестъ. Прочти мнѣ его ты, пожалуйста,» и она съ умоляющимъ видомъ положила письмо въ руки Лиззи, которая прочла слѣдующее:

«Сегодня я едва имѣю время написать коротенькое висьмецо моей маленькой Руои. Но мнѣ хочется предупредить ее: — теперь она не должна скоро ожидать отъ меня извѣстій. Дѣла призываютъ меня на Бермудскіе острова—я надѣюсь только на короткое время;—но я принужденъ ѣхать завтра. Я постараюсь, какъ можно скорѣе, написать тебѣ, мое дорогое дитя. А пока, ты постарайся забыть, что я буду теперь гораздо далѣе отъ тебя, нежели былъ прежде. Если мнѣ не удастся возвратиться къ зимнимъ ваканціямъ, то ты проведешь ихъ съ леди Дугласъ въ Бичфильдѣ: помнишь, мы съ тобой собирались къ ней ѣхать? Ты должна писать мнѣ какъ можно чаще; миссъ Лонгъ тебѣ передастъ мой адресъ: я ей тоже пишу. Да благословить Богъ мою маленькую сестрицу! Мнѣ бы очень хотѣлось услышать отъ нея, что она довольна, счастлива и желаетъ быть доброй.»

Лиззи остановилась и взглянула на Руоу:

— Вотъ видишь, Руоу, дѣло совсѣмъ не такъ плохо, какъ ты сначала думала.

«Мнѣ показалось, будто онъ никогда болѣе не станетъ мнѣ писать. А праздники, Лиззи! я увѣрена, онъ не возвратится къ праздникамъ! Ты видишь, онъ говоритъ: «можетъ быть», ужь я знаю, что это значить! Нѣтъ, я должна покориться и этому!»—Но покорный тонъ Руои звучалъ очень печально.

— Какъ же я могу забыть, что онъ уѣзжаетъ

такъ далеко? Теперь мнѣ нечего заботиться и о хорошихъ отмѣткахъ, прибавила она, онъ ихъ не увидитъ на Рождествѣ!

«Это не причина перестать хорошо учиться, Руэв.»

— А зачѣмъ мнѣ теперь стараться, Лиззи? Я хочу нравиться только одному Дункану: никому другому нѣтъ до меня дѣла.

«Никому, Руэв? Но скажи мнѣ, кто далъ тебѣ Дункана, кто помогъ тебѣ, когда ты молилась о кротости и о возможности прощать обиды? Развѣ никто не заботился о тебѣ, когда Иисусъ благословлялъ маленькихъ дѣтей, или когда Онъ умиралъ на крестѣ? О, Руэв! не говори этаго: есть Кто-то, Кто никогда не перестанетъ заботиться о тебѣ. Развѣ ты не хочешь быть Ему пріятной?»

— Вмѣсто Дункана?

«Нѣтъ, не вмѣсто него — но ты старайся нравиться Дункану въ тѣхъ же самыхъ вещахъ, которыя могутъ быть пріятны Ему. И когда Дунканъ уйдетъ, Онъ останется съ тобой, и когда Дункану нельзя будетъ видѣть твоего хорошаго поведенія — Онъ будетъ видѣть его!»

Руэв не вдругъ отвѣчала, но подумавъ немного сказала:

— Это, Лиззи, тотъ самый Кто-то, Кому Полли старается быть пріятной? Но я должна еще болѣе стараться, потому что Онъ мнѣ далъ глаза. Потомъ, послѣ вторичнаго молчанія, она прибавила:

— Да, Лиззи, я хочу быть доброй ради Него.

Еслибъ я сейчасъ могла сдѣлать что нибудь хорошее, то я думаю, я бы не такъ скоро забыла свое намѣреніе.

« Не гордость ли сейчасъ помѣшала тебѣ отвѣчать твоимъ подругамъ, Руоѣ? »

— Да онѣ не хотѣли мнѣ вѣрить. А ты, Лиззи, вѣришь мнѣ?

« Вѣрю, и прошу тебя, расскажи въ чемъ дѣло? »

— Охотно; я не трогала перевода Джанны, а спросила гдѣ ея полка, потому что хотѣла положить на нее атласъ, который вчера она сама мнѣ дала.

« Ты должна все это имъ рассказать. »

— Я не могу, Лиззи: онѣ не повѣрятъ моимъ словамъ, а доказательства у меня никакихъ нѣтъ.

« Это правда, но все-таки, скажи имъ спокойно то, что ты мнѣ сейчасъ сказала, а потомъ можетъ быть Богъ ^{да} пошлетъ доказательство, если же нѣтъ — то это вѣрно для того, чтобы научить тебя терпѣнію. Хочешь ли ты такъ поступить? »

— Да, лишь бы Онъ мнѣ помогъ.

« Мы его объ этомъ попросимъ, Руоѣ! »

Черезъ нѣсколько минутъ, маленькая дѣвочка возвратилась въ классную комнату, подошла къ Джаннѣ и сказала дѣ:

« Жанна, я не вырывала листка изъ твоей французской тетради, а спрашивала, гдѣ твоя полка, потому, что хотѣла положить на нее атласъ, который, помнишь, ты сама вчера мнѣ давала. Право, ты можешь мнѣ повѣрить! »

— Я вѣрю тебѣ, Руоѣ, и болѣе ни слова не скажу объ этомъ.

«Ну, Джанна, нечего сказать: ты изъ руокъ вонъ доврчива, вмѣшалась Анни. Отчего же она сначала не хотѣла говорить? Это что-то очень похоже на выдумку.»

Лиззи всѣми средствами старалась доказать невинность Руоѣ, но никакъ не могла этого сдѣлать. Еще если бы это случилось въ такое время, когда топятъ печи, то можно было бы подумать, что служанка вырвала листокъ и затопила имъ каминъ, — но теперь и этого нельзя было предположить. Напрасно разспрашивала она всѣхъ дѣвочекъ: ни одна изъ нихъ не подала повода къ подозрѣнiю, тогда какъ ссора Руоѣ съ Джанной была всѣмъ хорошо извѣстна. И такъ, казалось, ничто не могло открыть этой тайны.

Недѣлю спустя, когда уже всякая надежда на оправданiе исчезла, Руоѣ прибѣжала къ Лиззи въ садъ съ измятымъ клочкомъ бумаги въ рукахъ.

— Посмотри, Лиззи, кричала она, пожалуста, посмотри! Не это ли вырванный листокъ? можетъ быть, теперь дѣло разъяснится, — о, я такъ надѣюсь!

«Что это такое и гдѣ ты нашла бумажку?»

— Я играла съ Алисой въ мячикъ въ классѣ и мячикъ завалился въ каминъ, передъ которымъ синiй экранъ. И когда я доставала его, то увидѣла бумажку въ пустомъ каминѣ; въ тоже время я замѣтила, что бумажка эта разлиневана, какъ тетрадь для переводовъ; я скорѣй схватила ее и принесла прямо къ тебѣ.

Лиззи развернула бумажку: это действительно былъ потерянный листокъ.

«Но, Руеъ, сказала она, мы все-таки не знаемъ, кто засунулъ его въ каминъ?»

Лицо Руеи омрачилось: это было для нея грустнымъ разочарованіемъ. Съ той самой минуты, какъ она побѣдила свою гордость и объяснилась съ Жанной, ей всего болѣе хотѣлось доказать свою невинность. Но Лиззи еще разъ взглянула на бумажку.

— Подожди-ка, сказала она нерѣшительно:— я надѣюсь,— мнѣ кажется, тебя можно будетъ оправдать. Подожди меня здѣсь: я войду поговорю съ Жанной!

Лиззи быстрыми шагами пошла къ дому. «Старшія ученицы, думала она, теперь должны быть въ классѣ. Онѣ всѣ подозрѣвали Руея и потому всѣ должны узнать истину.» И въ самомъ дѣлѣ Лиззи застала ихъ въ классѣ. Подойдя къ Жаннѣ, она сказала:

— Жанна, весь ли переводъ былъ у тебя написанъ на томъ листкѣ, который вырвали изъ твоей тетради?

Жанна смутилась.

«Конечно, весь, отвѣчала она, но, Лиззи, я уже просила тебя оставить въ покоѣ это глупое дѣло; я, право, совсѣмъ о немъ позабыла.»

Лицо Лиззи было очень серьезно, когда она сказала: «Позабыла, Жанна? такъ скоро! Право, это очень жаль.»

Жанна расплакалась.

— Какъ тебѣ не стыдно, Лиззи, такъ мучить меня. Я ничего не могу сдѣлать, переводъ потерянь.

«Онъ найденъ, спокойно возразила Лиззи. И нужно ли мнѣ говорить тебѣ, что онъ не весь написанъ, а едва только начатъ. Теперь ясно чьи выгоды требовали уничтоженія листка и кто его вырвалъ.»

Всѣ дѣвочки были такъ удивлены, что въ первую минуту не знали, что имъ дѣлать.

А Лиззи, положивъ листокъ на столъ, сказала: «Надо пойти сказать Руою, что она оправдана,» и вышла изъ класса. Едва завидѣвъ своего маленькаго друга, она закричала:

«Ну, Руоъ, теперь никто болѣе тебя не подозреваетъ.»

— О, Лиззи, какъ я рада, какъ я рада! и личико дѣвочки сіяло отъ удовольствія:—Но какъ ты это открыла, и кто виновать?

«Я замѣтила, что не весь переводъ былъ написанъ, а всего только двѣ строчки, тогда какъ Джанна говорила, будто онъ у нея былъ совсѣмъ готовъ. Изъ этого я заключила, что она сама вырвала листокъ, который ты нашла. Впрочемъ, теперь она болѣе не отговаривается.»

— Ахъ, Лиззи, какъ она могла это сдѣлать! Мнѣ ее ужасно жаль; теперь я и за себя не могу радоваться. Но, Лиззи, пусть по крайней мѣрѣ другія этого не знаютъ: мы имъ ничего не скажемъ, неправда ли? А то бѣдной Джаннѣ будетъ слишкомъ тяжело. Пусть онѣ продолжаютъ меня подозревать, мнѣ все равно;—впрочемъ, это и не такъ трудно теперь, когда ты совершенно увѣрена въ моей невинности.

«Я и прежде была совершенно увѣрена, Руоъ, от-

вѣчала Лиззи улыбаясь:—а теперь и всѣ другія дѣвочки вѣрятъ тебѣ. Я бы поступила несправедливо въ отношеніи къ тебѣ, если бы не рассказала имъ всего.»

— Мнѣ почти кажется, что я оскорбила Джанну. Потомъ, какъ будто пораженная внезапною мыслию, Руоѣ прибавила:

— Лиззи, поговори съ ней такъ, какъ ты говорила со мной.

Лиззи отвѣтила ей поцѣлуемъ и словами:

— Пойдемъ теперь домой: Джаниѣ слѣдуетъ передъ тобой извиниться, если она чувствуетъ свою вину.

«О, она безъ сомнѣнія чувствуетъ; я это замѣтила съ самаго начала, когда она не хотѣла меня обвинять. Но я не хочу, чтобы она при всѣхъ извинялась.»

Лиззи однако, казалось, была не очень-то милостиво расположена къ Джаниѣ, когда вмѣстѣ съ Руоѣю вошла въ классъ. Всѣ дѣвочки молчали и, можетъ быть, многія изъ нихъ упрекали себя за несправедливья и слишкомъ поспѣшныя подозрѣнія. Джанна стояла у окна.

— Руоѣ пришла, Джанна, сказала Лиззи. Она не хотѣла идти сюда, но я думала, ты захочешь извиниться въ томъ, что допустила другихъ напрасно подозрѣвать ее.

— Я никого не просила обвинять ее, Лиззи, живо сказала Джанна:—ты сама это знаешь, и, право, не стоить дѣлать столько шуму изъ за пустяковъ.

«Стыдись, Джанна! воскликнула Анни. Руоъ, ты должна всѣхъ насъ извинить. Что до меня касается, то я очень, очень сожалею о своей неразумности. Дай мнѣ твою руку.»

Всѣ дѣвочки послѣдовали примѣру Анни, исключая Джанны, которая продолжала угрюмо стоять у окна. Руоъ была очень рада, когда наконецъ могла убѣжать. Она возвратилась въ садъ и черезъ нѣсколько минутъ уже весело распѣвала.

Но она вдругъ остановилась и сказала:

— Я совсѣмъ забыла о бѣдной Джаннѣ: ей вѣрно очень грустно въ эту минуту.

Но сама Руоъ была такъ счастлива и довольна, что вскорѣ снова запѣла и пѣсенка ея, если не столь же прекрасная, то по крайней мѣрѣ столь же веселая, какъ пѣсня птичекъ, звонко разливалась по саду.

Варугъ она услышала голосъ:

«Руоъ, это ты? Мнѣ надо поговорить съ тобой.»

Это была Джанна, вся въ слезахъ.

— Руоъ! воскликнула она, прости меня, мнѣ очень, очень жаль, что я такъ дурно поступила. Я не хотѣла сказать этого въ классѣ, но я, право, сознаю свою вину.

Руоъ подняла головку и вытянула губки, чтобы поцѣлуемъ выразить свое прощенье.

— Я увѣрена, что ты теперь будешь спокойнѣе, Джанна. Я ужъ и думать перестала объ этомъ дѣлѣ, и ты тоже должна забыть его, по крайней мѣрѣ на столько, прибавила она, на сколько оно меня касается.

Оставшись одна, Руеъ спрашивала у самой себя: говорила ли съ Джанной Лиззи?

VI.

Довольно много времени прошло съ послѣдняго визита Алисы къ Деборѣ, которая неусыпно ухаживала за своимъ старымъ, больнымъ другомъ, за бѣдной своей сосѣдкой, и наконецъ разлучилась съ ней на вѣки. Но кто можетъ сказать, на сколько путь старушки въ неизвѣстный міръ былъ облегченъ словами изъ книги жизни, которую въ продолженіи столькихъ лѣтъ Дебби каждый вечеръ читала ей? Она давно утомилась длиннымъ своимъ странствіемъ: уже 80 лѣтъ шла она съ трудомъ по неровной дорогѣ и послѣдними словами ея были: «наконецъ-то я покончила со всѣмъ, да, покончила.»

Но теперь Дебби снова сидитъ въ своей комнаткѣ, старательно прибранной; ея старое лицо добродушно выглядываетъ изъ-за широкой оборки чистаго чепчика, а кисейный передникъ и бѣлый платокъ на шеѣ особенно тщательно завязаны. Ей немножко грустно безъ ея старой сосѣдки, но горе никогда не ложится слишкомъ тяжело на сердце стараго человѣка; — да и слава Богу, а то, еслибы стариковъ оно поражало также сильно, какъ и молодыхъ людей, — немногo сѣдыхъ волосъ видѣли бы мы на свѣтѣ.

Но вотъ кто-то громко постучался; Дебби не успѣла дойти до дверей, какъ въ комнату влетѣла Али-

са, а за ней показалось личико маленькой Руэи, которая робко подвигалась вперед. Алиса брасилась на шею Дебби и поцѣловала ее.

— Это Руэя, милая Дебби! Я попросила миссъ Лонгъ отпустить ее со мной къ тебѣ. Мы бы раньше пришли, да некому было насъ проводить, и мы должны были ждать миссъ Лонгъ. Она оставила насъ у воротъ и черезъ часъ зайдетъ за нами. Мы сегодня не будемъ у тебя чай пить.

Пока Алиса такимъ образомъ болтала, Дебби поцѣловала свою новую маленькую гостью, такъ безцеремонно ей представленную, и поставила два стула для обѣихъ дѣвочекъ. Но Алиса предпочла свое обыкновенное мѣсто на колѣняхъ Дебби и ничто не могло ее увѣрить въ томъ, что можно гдѣ нибудь удобнѣе помѣститься, нежели на колѣняхъ доброй старушки. Потомъ ея неутомимый язычокъ снова принялся работать:

«Прежде всего, Дебби, скажи, можешь ли ты прійти къ намъ пить чай наканунѣ того дня, когда мы всѣ разѣдемся на каникулы? Миссъ Лонгъ тоже проситъ тебя объ этомъ и надѣется, что ты ей не откажешь. Неправда ли, ты прійдешь, Дебби? Да? пожалуйста, скажи, да!»

— Миссъ Лонгъ очень добра, душевѣка, и я хотѣла бы исполнить ея желаніе; — но погода можетъ къ тому времени сдѣлаться очень холодной и мнѣ нельзя будетъ выйти изъ дому поздно вечеромъ. Но вѣдь еще не скоро конецъ этому полугодію?

«Черезъ мѣсяць, Дебби, и до тѣхъ поръ мы, пожалуй, болѣе не увидимся съ тобой.»

Дебби обѣщала прійти, если это будетъ возможно.

— Ахъ, Дебби, какъ это будетъ весело! Миссъ Лонгъ обѣщала отдать въ наше распоряженіе свой кабинетъ и позволила, чтобы одна изъ насъ разливала чай. Я, право, не знаю, какъ мы устроимся и кто изъ насъ займется этимъ.

«Я думаю, сказала Руоъ, заговоривъ въ первый разъ, что Алиса лучше меня это сдѣлаетъ. Я никогда въ жизни не наливала чай.»

— Но не желаешь ли ты попробовать, душенька?

«О, да, очень!» и отъ одной мысли объ ожидаемомъ удовольствіи, личико Руоъ покрылось яркой краской.

— Есть только одинъ способъ рѣшить дѣло, сказала Алиса: пусть та изъ насъ разливаетъ чай, которая получить награду.

— Ахъ, Алиса, какой славный способъ! воскликнула Руоъ, какъ ты могла его придумать? Но если Маргарита или Ами получаютъ награду? Впрочемъ, это невозможно. У нихъ гораздо менѣе хорошихъ отмѣтокъ, нежели у тебя.

«Почему ты знаешь?» живо спросила Алиса.

— Потому, что я сосчитала ихъ на прошлой недѣлѣ. Въ этомъ нѣтъ ничего дурного, какъ вы думаете? сказала она, обращаясь къ Дебби.

«Я мало знаю толку въ этихъ дѣлахъ, миссъ Руоъ,

но мнѣ кажется, вы не совсѣмъ-то умно поступили. Но сколько отгѣтокъ у васъ самихъ?»

— О, моихъ не стоило и считать! Я ничуть не надѣюсь получить награду, но хотя бы я и надѣялась, все-таки не сосчитала бы своихъ балловъ.

— Но, Алиса, душенька, если ты такъ увѣрена въ томъ, что получишь награду, то не лучше ли какимъ нибудь другимъ способомъ рѣшить, кому наливать чай?

«Ахъ, Дебби, я совсѣмъ не увѣрена: до праздниковъ осталось еще 5 недѣль и въ это время кто нибудь можетъ меня перегнать.»

— Куда ты поѣдешь на каникулы, Алиса? Давно ли писалъ тебѣ папенька?

«Я вчера получила отъ него письмо и проведу праздники здѣсь. Папенька говоритъ, что такъ какъ всѣ дѣвочки разъѣдутся, то пансіона не будетъ, и я останусь гостьею миссъ Лонгъ. Но ты мнѣ позволишь часто къ тебѣ приходить?» И прелестная маленькая головка съ любовью прильнула къ плечу Дебби.

— Конечно, мое дорогое дитя! И я надѣюсь, мы съ тобой такъ весело проведемъ праздники, что ты и не замѣтишь, какъ они пройдутъ, и станешь сожалѣть, когда снова начнутся классы.

«Какъ тогда, когда ты открыла глаза послѣ той прогулки съ закрытыми глазами, Алиса!» сказала Руэб.

Надобно было объяснить Дебби эти слова, послѣ рассказать о Полли и Джо, и обѣщанный часъ такъ быстро и незамѣтно промчался, что дѣвочки очень удивились,

увидя миссъ Лонгъ, подходящую къ воротамъ. Руеъ тотчасъ побѣжала къ ней, но Дебби остановила Алису.

— Милая Алиса, еслибы я была на твоёмъ мѣстѣ, то непременно дала бы Руеи разливать чай.

«Почему, Дебби?»

— Отчасти потому, что она младше тебя, а главное потому, что это было бы очень хорошо съ твоей стороны и ты доказала бы мнѣ, что стараешься походить на твою маменьку.

«Я, право, стараюсь, Дебби, и уступлю ей, если ты думаешь, что такъ надо, — только, прибавила она потихоньку, ты должна непременно прійти и посмотреть.» — И она побѣжала догонять миссъ Лонгъ.

Руеъ мало по малу покорилась необходимости провести праздники въ разлукѣ съ Дунканомъ. Она старалась мужественно перенести это горе, но тѣмъ не менѣе, иногда, слыша, какъ другія дѣвочки говорили объ радостяхъ, ихъ ожидавшихъ дома, она бывала принуждена убѣгать, чтобы не заплакать. Бѣдняжка строила столько воздушныхъ замковъ, столько же ожидала отъ праздниковъ, и вотъ теперь должна была проводить ихъ въ мѣстѣ, совершенно ей чуждомъ, съ людьми, которыхъ никогда прежде не видала. Однако она знала, что Дунканъ устроилъ все это такимъ образомъ потому, что ожидалъ большой пользы для ея здоровья отъ морского воздуха Бичфильда. Миссъ Лонгъ была одного съ нимъ мнѣнія: она замѣтила, какъ отъ непривычнаго образа жизни и усидчивыхъ занятій Руеъ поблѣднѣла и похудѣла. А то она бы сама попросила Дункана оставить ее въ пансіонѣ, гдѣ она

была бы вмѣстѣ съ Алисою. Какъ бы то ни было, первоначальный планъ не измѣнился и Руоъ ожидала каникулъ скорѣе со страхомъ, нежели съ радостью. На этотъ разъ Алиса ей вполне сочувствовала. Изъ всѣхъ младшихъ воспитанницъ, онѣ однѣ не считали дней; всѣ же другія сдѣлали росписаніе на листкѣ бумаги, раздѣливъ ее на столько частей, сколько оставалось дней до каникулъ, и каждый вечеръ отрывали по кусочку, и на которомъ было выставлено число и названіе только что прошедшаго дня. По мѣрѣ того, какъ время подвигалось впередъ, Алиса все болѣе и болѣе беспокоилась о наградѣ. Последнее время миссъ Лонгъ не оставляла тетради съ отмѣтками въ классѣ, а хранила ее у себя, такъ что нельзя было узнать ничего достовѣрнаго.

Руоъ искренно надѣялась и была твердо убѣждена въ томъ, что Алиса получитъ награду, хотя иногда увѣщевала ее — «не заботиться о ней такъ много, потому что, она слышала, будто люди никогда не получаютъ того, чего слишкомъ сильно желаютъ.»

Но какъ ни разсудителенъ былъ этотъ совѣтъ, онъ не производилъ желаемого дѣйствія: Алиса продолжала также сильно желать награды и ни о чемъ кромѣ нея не говорила.

Наконецъ давно ожидаемый день насталъ. Въ продолженіи всей недѣли декабря погода стояла такая ясная и теплая, что М-съ Бертонъ могла исполнить желаніе своихъ маленькихъ друзей. Она думала, что онѣ сами зайдутъ за ней, и потому, приготовивъ свою шляпу съ бѣлыми атласными завязками, ожидала ихъ

прихода. И дѣйствительно, вскорѣ кто-то тихонько постучался, вслѣдъ за тѣмъ дверь растворилась и въ нее выглянула прелестная головка и тихій голосокъ произнесъ:

— Готова ли ты, милая Дебби? Я пришла за тобой.

Дебби тотчасъ же замѣтила, что съ Алисой что-то не ладно.

«Войди, Алисочка, сказала она, и присядь на минутку. Я боюсь, не устала ли ты?»

— Нѣтъ, нисколько! Я вижу, ты уже готова, пойдемъ лучше поскорѣй.

Но Дебби заставила Алису войти и посадила ее къ себѣ на колѣни, намѣреваясь допытаться, какое горе согнало улыбку съ ея личика.

— Расскажи же мнѣ что нибудь о раздачѣ награды, душенька, сказала она. Что ты получила, — книгу?

При этомъ вопросѣ, бѣдняжка залилась слезами и, припавъ къ плечу Дебби, воскликнула:

— Не я получила награду, а Руоъ! О, Дебби! Я знаю, что это очень, очень нехорошо, но я никакъ не могу радоваться за Руоъ и не сожалѣть, что не я получила награду; я такъ была въ ней увѣрена!

Но почему слезы навернулись на глазахъ Дебби? Можетъ быть, она думала о другой дѣвочкѣ, которая имѣла обыкновеніе тоже прятать головку на плечѣ ея и повѣрять ей свои печали; — или, можетъ быть, она предчувствовала, что это было не послѣднее и не самое горькое разочарованіе Алисы, пока она научится

«ни въ чемъ не быть слишкомъ увѣренной». Ей хотѣлось поскорѣе утѣшить бѣдную дѣвочку.

— О, да, повторяла Алиса, я знаю, какъ это нехорошо, но чтоже мнѣ дѣлать?

«Конечно, тебѣ не слѣдовало бы завидовать Руои, но я не удивляюсь, что ты не въ состояніи удержаться отъ этого сегодня, Алисочка, потому что ты такъ взволнована. Но постарайся понемножку обратиться къ лучшимъ чувствамъ; помолись хорошенько, это лучшій способъ разсѣять твое неудовольствіе.»

— Руоѣ совѣтовала мнѣ быть спокойнѣе, Дебби. Но я вѣдь не для себя желала награды, мнѣ хотѣлось доставить удовольствіе папенькѣ.

«Но какъ же все это случилось? разскажи мнѣ, душенька.»

— Ты знаешь, Дебби, что я поступила въ пансіонъ шестью недѣлями раньше Руои и имѣла уже много отмѣтокъ, когда она пріѣхала; но ея баллы были всегда выше моихъ, потому что она постоянно приготовляла свои уроки; я все-таки никакъ не ожидала, чтобы она перегнала меня.

«Сколькими же баллами у нея больше твоего?»

— Только однимъ! Еслибы я всю прошлую недѣлю хорошо училась, то награда досталась бы мнѣ.

«Ожидала этого Руоѣ?»

— Нисколько! и послѣ первой минуты, она очень сожалѣла обо мнѣ, потому что, говоритъ она, я гораздо болѣе ея желала получить награду. Я хотѣла бы походить на Руоѣ, Дебби, т. е. я хотѣла бы погунать такъ, какъ она.

Дебби улыбнулась, отгадавъ тайную мысль маленькаго тщеславнаго сердца: — «я не хочу лицомъ походить на нее»; но отвѣчала только на слова Алисы:

«Въ ней нѣтъ нисколько эгоизма, душенька, и я надѣюсь, ты современемъ научишься поступать также, какъ она. Вѣдь ты уже рѣшилась уступить ей разливанье чая, хотя бы ты и получила призъ?»

— Я очень этому рада, но....

«Что, но?»

— Теперь это принадлежитъ ей по праву, и никто не узнаетъ, что я хотѣла ей уступить. Я никому не скажу этого.

«Нѣтъ. Да и къ чему говорить? Есть Одинъ, Кому извѣстны все твои намѣренія, Алиса» — и по тону, которымъ были произнесены эти слова, Алиса поняла, о Комъ говорила Дебби.

— Но мнѣ хочется, чтобы Руоъ узнала это: она вѣрно удивлялась сегодня утромъ, почему я не поздравляла ее вмѣстѣ съ другими; мнѣ очень жаль будетъ, если она сочтетъ меня злой и эгоисткой. Я хочу, чтобы она любила меня болѣе всѣхъ въ пансіонѣ. Какъ ты думаешь, Дебби, могу я все рассказать Руои?

«Да, душечка. Но не пора ли намъ идти?» и Дебби тихонько надѣла шляпу на головку Алисы и вышла съ ней. Сначала онѣ обѣ шли тихо, но вскорѣ Алиса забыла о своемъ горѣ, и вполнѣ наслаждалась присутствіемъ доброй старушки няни, которая на этотъ разъ должна была быть собственно ея гостьей: миссъ Лонгъ отдала свою комнату исключительно Алисѣ и предоставила ей распоряжаться угощеніемъ. Прийдя

домой, она прежде всего повела Дебби въ свою комнату, чтобы та могла освободиться отъ теплой одежды. Въ дверяхъ онѣ встрѣтили Руоъ, которая едва не сбила ихъ съ ногъ. Она казалась взволнованной и очень куда-то торопилась. Увидя ихъ, она проговорила:

— Ахъ, Алиса, какъ я рада, что ты возвратилась, я шла къ тебѣ на встрѣчу. Миссъ Лонгъ согласилась и все это — благодаря Лиззи.

Алиса остановилась въ недоумѣніи: «Согласилась на что?» спросила она.

— Ахъ, я и забыла, что ты ничего не знаешь. Я не хотѣла тебѣ объ этомъ говорить, пока все не устроится. Миссъ Лонгъ позволила мнѣ перемѣнить мою книгу на двѣ маленькія и одну изъ нихъ дать тебѣ.

Алиса едва повѣрила такому пріятному извѣстію. Руоъ рассказала ей, что, находя Алису не менѣе ея достойной награды, она просила миссъ Лонгъ раздѣлить призъ между ними обѣими, и что, съ помощью Лиззи, она успѣла уговорить ее.

— Неправда ли, какая Лиззи добрая, прибавила она. Ахъ, какъ я рада, Алиса! И сіяющее личико и крѣпкій поцѣлуй подтвердили слова. Она только въ половину радовалась своему собственному успѣху, потому что очень сожалѣла о «бѣдной Алисѣ». Однако она не сказала ей ничего о томъ, какъ миссъ Лонгъ сначала не соглашалась на ея просьбу, потому что Алиса была очень лѣнива, но ограничилась только рассказомъ о томъ, какъ Лиззи, напомнивъ, что въ по-

слѣдніе три мѣсяца Алиса была гораздо прилежнѣе, успѣла убѣдить миссъ Лонгъ. Тогда Алиса, въ свою очередь, сообщила Руоѣ о своемъ намѣреніи уступить ей предсѣдательство за чайнымъ столомъ, даже въ такомъ случаѣ, еслибы она не имѣла на то права по ихъ уговору. Но Руоѣ не хотѣла и слышать ничего подобнаго и вскорѣ самымъ блистательнымъ образомъ доказала свое невѣжество въ разливаніи чая. Она спросила, что надо сперва слѣлать: насыпать чаю или налить воды въ чайникъ? Послѣ этого сама Дебби согласилась съ тѣмъ, что лучше Алисѣ занять ея мѣсто. Такимъ образомъ окончились споры и составилось самое веселое общество. Дебби снова рассказала о бѣгствѣ миссъ Елизы изъ пансіона и о многихъ другихъ происшествіяхъ, столь же интересныхъ для ея слушательницъ. Время прошло незамѣтно и Руоѣ въ продолженіи всего вечера ни разу не вспомнила о путешествіи, которое ей предстояло совершить на другой день утромъ. Но, простившись съ Дебби и оставшись наединѣ съ Алисой въ своей маленькой комнаткѣ, она снова обратилась мыслями къ непріятному для нея предмету.

— О, Алиса, сказала она, какъ бы я желала остаться съ тобой! Здѣсь гораздо легче быть доброй, нежели тамъ, куда я ѣду, прибавила она со вздохомъ.

Алиса не всегда сочувствовала желанію Руоѣ «быть доброй» и не понимала, какъ она можетъ думать о чемъ нибудь подобномъ въ то время, когда ѣдетъ къ незнакомымъ людямъ и въ неизвѣстное ей мѣсто. Что касается до нея, то она охотно помѣнялась бы съ ней;

однако она не сказала этого Руои, но отвѣтила на ея замѣчаніе гораздо разсудительнѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ ея вѣтряной головки.

«Я думаю, Руоѣ, лучше тебѣ спросить совѣта у Лиззи; я недавно слышала, какъ она говорила, что во всякомъ мѣстѣ одинаково легко хорошо себя вести.»

— Въ самомъ дѣлѣ она это говорила, Алиса? Кому? Когда?

«Ты знаешь, что весной она уѣзжаетъ въ Вестъ-Индію. Одна изъ дѣвочекъ удивлялась, какъ она рѣшается ѣхать въ такое мѣсто, гдѣ не каждый день бываетъ служба въ церквахъ.»

— Чтоже она на это отвѣчала? повтори мнѣ слово въ слово, съ живостью сказала Руоѣ. Какое сходство находила маленькая дѣвочка между своимъ положеніемъ и положеніемъ Лиззи—мы предоставляемъ отгадать болѣе умнымъ головамъ.

«Она отвѣчала именно этими словами», продолжала Алиса такъ живо и плавно, какъ бы читая по книгѣ: «мнѣ кажется, что самое лучшее для насъ мѣсто именно то, въ которое насъ посылаетъ Богъ.» И я тогда же подумала, какъ было умно со стороны Лиззи такъ отвѣчать.—А тебѣ какъ кажется?»

Но мысли Руои были далеко. Помолчавъ немного, она воскликнула:

— Алиса, очень благодарю тебя! Я такъ рада, что Лиззи это сказала, я увѣрена, что она права. Но зачѣмъ уѣзжаетъ она? Развѣ она болѣе никогда не возвратится въ пансіонъ?

«Никогда!» отвѣчала Алиса:—Весной она окончитъ

свое ученье. Но зачѣмъ она ѣдетъ такъ далеко, я право, не знаю; вѣрно ея папенька и маменька ѣдутъ съ ней.»

Руѳъ очень сожалѣла о томъ, что скоро ей прійдется разлучиться съ своимъ лучшимъ другомъ изъ числа старшихъ дѣвочекъ. Во время своей вечерней молитвы, произнося: «Да будетъ воля твоя,» она подумала, что если Богъ посылаетъ ее къ леди Дугласъ, то вѣроятно ея пребываніе у ней будетъ для нея полезно.

Потомъ Алиса и Руѳъ начали говорить о Джо. Мальчикъ, благодаря заботливости миссъ Лонгъ, былъ теперь одѣтъ въ новую куртку; колѣни его болѣе не выглядывали изъ разорванныхъ панталонъ, а пятки ногъ скромно прятались въ парѣ чистыхъ и крѣпкихъ башмаковъ. Что же касается до денегъ для книги Полли, онъ все еще копилъ ихъ, хотя уже теперь немного недоставало ему для того, чтобы вся сумма была сполна. Но у Алисы было и неприятное извѣстіе о немъ; она была свидѣтельницей сцены, которая далеко не дѣлала чести характеру бѣднаго Джо. Идя утромъ въ богадѣльню, она увидѣла двухъ мальчиковъ, отчаянно дравшихся, и къ своему ужасу замѣтила, что побѣдителемъ, и самымъ озлобленнымъ, былъ Джо, сдѣлавшійся въ послѣднее время ея другомъ на столько же, на сколько онъ былъ другомъ Руѳи. Но прежде, нежели рассказъ этотъ былъ оконченъ, рассказчица и слушательница, обѣ крѣпко заснули.

На слѣдующее утро Руѳъ ожидала пріѣзда омнибуса и его кондуктора Джо, чтобы отправиться съ миссъ

Лонгъ на станцію желѣзной дороги, какъ вдругъ пришелъ почтальонъ и вручилъ ей письмо отъ Дункана. Восторгу ея не было границъ. Но едва распечатала она письмо, какъ раздался шумъ подъѣзжавшаго омнибуса и вскорѣ, едва сознавая, что съ ней дѣлалось, Руоъ катилась по главной улицѣ Мельстоу, сжимая въ рукахъ свое сокровище. Дилижансъ такъ подпрыгивалъ по мостовой, что не было возможности читать. Пришлось отложить это удовольствіе до той минуты, когда она очутится въ вагонѣ.

Миссъ Лонгъ поручила ее заботливости кондуктора, сказавъ что въ Бичфильдѣ она будетъ встрѣчена своими друзьями и что ей ни разу не прійдется мѣнять вагоновъ. Миссъ Лонгъ едва успѣла поцѣловать ее, какъ раздался свистокъ и дѣвочка помчалась, въ первый разъ въ жизни путешествуя одна.

Тогда она снова принялась за письмо, но прочесть его было не легкое дѣло. Она съ трудомъ могла разбирать буквы, которыя то и дѣло прыгали у нея передъ глазами, — точно поросята, которыхъ Ирландецъ никакъ не могъ сосчитать, потому что они не хотѣли стоять на одномъ мѣстѣ, а все бѣгали. Однако Руоъ достаточно прочла, чтобы убѣдиться въ невозможности свидѣться съ Дунканомъ на праздникахъ. У него было такъ много дѣла, что онъ не могъ опредѣлительно сказать, когда возвратится домой. Можетъ быть это извѣстіе, будь оно прочитано дома, заставило бы плакать бѣдную Руоъ; но въ теперешнемъ ея положеніи было столько новизны, что она едва понимала, что съ ней дѣлается. Она съ любопытствомъ смотрѣ-

ла, какъ деревья, дома, коровы и разные другіе предметы быстро смѣнялись одни другими и точно бѣжали назадъ. На первой станціи дама и мужчина, сидѣвшіе въ одномъ вагонѣ съ ней, вышли и она осталась одна; но не смотря на это, она все-таки не соскучилась и была очень удивлена, когда поѣздъ остановился и кондукторъ, заглянувъ къ ней въ окно, сказалъ, что она пріѣхала. Онъ просилъ ее посидѣть въ вагонѣ, пока не узнаетъ, нѣтъ ли на дебаркадерѣ кого нибудь изъ ея знакомыхъ. Но не успѣлъ онъ окончить этихъ словъ, какъ возлѣ него раздался голосъ: «Нѣтъ ли здѣсь маленькой дѣвочки изъ Мельстоу?» Руоу выпрыгнула изъ вагона, но что съ ней случилось потомъ, мы расскажем въ слѣдующей главѣ.

VII.

— Какой ты осель, Тедъ! Пойди-ка, присмотри за вещами миссъ Легъ. Да я совѣтывалъ бы тебѣ ихъ самому снести въ карету; это тебя утомитъ и авось ты тогда немного угомонишься; а не то я не отвѣчаю за послѣдствія.

Говорившій эти слова былъ очень красивый мальчикъ, съ блѣднымъ, прекраснымъ лицомъ, большими темно-голубыми глазами и съ греческимъ профилемъ. Вальтеръ Дугласъ имѣлъ видъ настоящаго джентльмена; по его высокому росту и стройной фигурѣ, ему можно было дать 15 лѣтъ. Обратясь къ Руоу, онъ съ пріятной улыбкой продолжалъ:

— Могу ли я имѣть удовольствіе проводить васъ до кареты? Мой братъ займется вашимъ чемоданомъ.

Руѳь совершенно оробѣла; тихое «благодарю васъ», было единственнымъ отвѣтомъ на слова Вальтера, который взялъ ее подъ руку и повелъ по дебаркадеру. Она съ удовольствіемъ замѣтила, какъ носильщики, встрѣчаясь съ ними, ему почтительно кланялись.

— Маменька велѣла мнѣ сказать, что очень сожалѣетъ о томъ, что холодъ помѣшалъ ей самой встрѣтить васъ, но я обѣщала ей беречь васъ.

Это было сказано весьма любезнымъ тономъ.

Между тѣмъ показался Тедъ, таща на плечахъ чемоданъ, величиной съ него самага. Лицо его было малиновое отъ напряженія и широкая насмѣшливая улыбка виднѣлась на его добро ушной физіономіи.

— Пожалуйте сюда, сэръ! закричалъ Вальтеръ: или сюда, несносный мальчишка, и поговори съ миссъ Легъ.

«Я прежде положу чемоданъ на карету,» отвѣчалъ онъ и улыбка его сдѣлалась еще шире.

— Подождите, подождите, вскричала Руѳь, это не мой чемоданъ!

Но Тедъ, не обращая вниманія на ея слова, перенесъ чемоданъ по другую сторону рельсовъ, съ шумомъ сбросилъ его на землю и въ нѣсколько прыжковъ снова очутился возлѣ Руѳи и говорилъ ей:

— Что еще могу я для васъ сдѣлать, миссъ Легъ?

Руѳь взглянула на своего покровителя; онъ замах-

нулся на Теда, но тотъ отскочилъ въ сторону и сказалъ:

— Хороша благодарность за то, что я ломаю спину, услуживая вамъ!

«Миссъ Легъ, потрудитесь сѣсть въ карету, я самъ пойду за вашимъ чемоданомъ, а если Тедъ рѣшится хоть разъ въ жизни быть благоразумнымъ, то онъ останется съ вами, пока я не возвращусь,» произнесъ Вальтеръ.

Она думала, что Тедъ, или, какъ бы намъ слѣдовало его называть, мистеръ Эдуардъ Дугласъ, войдетъ тоже въ карету; но увидя, что она посторонилась, онъ отвѣчалъ на ея нѣмое приглашеніе:

«О, нѣтъ, я никогда не сажусь въ карету вмѣстѣ съ Вальтеромъ! Онъ всегда говоритъ, что я грязець, да и самому мнѣ тоже кажется,» прибавилъ онъ, уныло смотря на свои почти черныя руки, безъ перчатокъ. — «Впрочемъ, на козлахъ гораздо веселѣе ѣхать. Часть дороги я буду править лошадьми, миссъ Легъ, только вы не бойтесь,—я очень искусный кучеръ.»

Руеъ почти съ ужасомъ взглянула на козлы, но успокоилась, вспомнивъ, что вѣроятно съ ними будетъ и настоящій кучеръ.

«Не говорите Вальтеру,» продолжалъ мальчикъ, «но я очень хорошо зналъ, что чемоданъ этотъ не вашъ! Онъ принадлежитъ одной старухѣ, съ двумя собаками. Она такъ хлопотала со своей поклажей, что я не могъ удержаться отъ соблазна и утащилъ одинъ изъ ея сто одного ящичковъ и положилъ его по дру-

гую сторону рельсовъ! Миѣ очень бы хотѣлось узнать, нашла ли она его! Такъ забавно было слушать, какъ она бранилась съ носильщиками и въ тоже время ласкала и уговаривала своихъ смѣшныхъ маленькихъ пуделей!»

И Тедъ оборотился назадъ, но зданія скрывали отъ него предметъ его поисковъ.

— Право, сказала Руоъ робко:—миѣ кажется, вамъ бы не слѣдовало этого дѣлать! Чтобы стало со мной, если бы кто нибудь вздумалъ спрятать мои вещи?

«Полноте, вѣдь вы не старуха и съ вами нѣтъ лающихъ и визжащихъ собакъ.»

— Но вы пойдете и отнесете назадъ ящикъ, неправда ли?

«Какъ это можно? Я обѣщалъ Вальтеру не отходить отъ васъ.»

— О, я не боюсь, я останусь одна. Пожалуйста, подите!

«Хорошо, я пойду и посмотрю,—но чтобы я снесъ назадъ ящикъ, — этого нельзя и требовать: у меня и то страшно болитъ спина!»

Онъ убѣждалъ, но не прошло и полминуты, какъ онъ уже снова стоялъ у кареты.

«Все идетъ хорошо,» говорилъ онъ шепотомъ, «старуха нашла ящикъ,—но вотъ и Вальтеръ. Прощайте!» Онъ вскочилъ на козла и началъ размахивать кнутомъ.

Вальтеръ между тѣмъ принялъ вещи Руои, сѣлъ

возлѣ нея и они поѣхали. Дорогой онъ называлъ ей селенія и замки, мимо которыхъ они проѣзжали.

— Теперь, сказалъ онъ, посмотрите въ ваше окно, мы повернемъ за уголь и вы увидите море.

Да, вотъ оно! Это не было спокойное, голубое, лѣтнее море: оно бушевало, волны прыгали и упали, а ихъ бѣлые гребни ярко блистали на солнцѣ. Руоъ въ первый разъ видѣла море. Она вскочила и Вальтеръ ожидалъ, что она захлопаетъ въ ладоши. Но если таково было сначала ея намѣреніе, то оно быстро исчезло; она сидѣла, не шевелясь, пристально смотря на море, до тѣхъ поръ, пока оно не скрылось за новымъ поворотомъ дороги. Тогда она глубоко вздохнула и сказала спокойно и медленно:

«Я никогда прежде не видала моря: какъ оно прекрасно!»

— Не правда ли! Хотя я провелъ всю мою жизнь возлѣ него, но я двухъ разъ не видалъ его одинаковымъ; оно для меня точно старый другъ, и всегда, кажется, привѣтствуетъ меня, когда я возвращаюсь домой изъ школы.

Руоъ взглянула на Вальтера и увидѣла слезы въ его большихъ голубыхъ глазахъ.

«Какъ онъ любитъ море! подумала она:—Я не могу его такъ сильно любить: оно отняло у меня Дункана.» Но она вспомнила, что это же самое море возвратитъ его ей, и при этой отраднѣ мысли на ея глазахъ тоже навернулись слезы.

Въ эту минуту карета наѣхала на огромный камень. Вальтеръ въ безпокойствѣ вскочилъ, но ничего

не могъ видѣть: веселое лицо Теда всунулось въ переднее окно и онъ со смѣхомъ прокричалъ: «все благополучно!» И Вальтеръ принужденъ былъ удовольствоваться этимъ.

Вскорѣ они подѣхали къ большимъ воротамъ, выкрашеннымъ бѣлой краской, и не успѣли еще остановиться, какъ Тедъ соскочилъ съ козелъ, отворилъ дверцы и съ такимъ смиреннымъ видомъ дергалъ себя за растрепанные волосы и протягивалъ шляпу, что Руоъ разсмѣялась и сказала:

«У меня ничего для васъ нѣтъ!»

— Это не слишкомъ-то красивый цвѣтъ воротъ, неправда ли? сказалъ Вальтеръ. Маменька жила здѣсь еще до своего замужества. Только домъ тогда былъ гораздо меньше; здѣсь начинались уже луга; а входъ былъ съ другой стороны. Но отъ воротъ разстился такой прекрасный видъ на море, что мѣсто это составляло любимую прогулку окрестныхъ жителей, и оно было извѣстно подъ именемъ «Бѣлыхъ Воротъ». А потомъ, когда тутъ проложили дорогу, папенька все-таки хотѣлъ, чтобы оно сохранило свое старое названіе. Бѣдный папенька! мы всегда говорили ему, что эти ворота должны ему напоминать то время, когда онъ былъ женихомъ!

Домъ находился тутъ же вблизи. Это было длинное низкое зданіе, съ галереей вокругъ, почти во всю его длину; часть ея была со стеклами и составляла хорошенькую оранжерею. Чтобы войти въ домъ, надо было проходить черезъ нее, и въ лѣтнее время всѣ комнаты бывали наполнены благоуханіемъ отъ тако-

го прекраснаго сосѣдства. Тедъ по своему обыкновенію первый влетѣлъ въ гостиную и распахнулъ обѣ половинки дверей передъ Вальтеромъ, который учтиво ввелъ туда Руоъ. Дѣвочка была очень ласково принята высокою дамою во вловьемъ чепцѣ. У нея былъ пріятный, мягкій голосъ, и она такъ походила на Вальтера, что невозможно было сомнѣваться въ ихъ близкомъ родствѣ.

Она привстала съ дивана, на которомъ лежала, поцѣловала Руоъ, освѣдомилась о ея братѣ и выразила надежду, что она не слишкомъ скучаетъ въ пансіонѣ. Она никакъ не могла найти въ ней сходства ни съ ея покойными родителями, ни съ Дунканомъ, и наконецъ, прійдя къ заключенію, что она похожа на самое себя, послала ее со своей горничной наверхъ раздѣться. Руоъ тотчасъ же почувствовала, что робость ея почти совсѣмъ исчезла и что она непременно полюбитъ свою хозяйку.

Когда она вышла изъ комнаты, леди Дугласъ спросила у Вальтера, хорошо ли себя велъ Тедъ?

Тедъ, въ это время тоже уходившій, услыхаль вопросъ матери и, возвратясь назадъ, отвѣчалъ самъ за себя:

«Я такъ хорошо себя велъ, маменька, что если мнѣ не удастся пошалить немного до обѣда, то я не знаю, что со мной сдѣлается.»

Мать улыбнулась и взохнула.

— Вальтеръ, сказала она, постарайся занять маленькую дѣвочку. Жаль ее, бѣдняжку; братъ ея ухаль такъ далеко и она осталась одна въ пансіонѣ!

«Право, мамаша, я не думаю, чтобы она была несчастна, но во всякомъ случаѣ не безпокойся; я постараюсь, чтобы ей не было скучно и стану защищать ее отъ нелѣпостей Теда», прибавилъ онъ со смѣхомъ.

— Бѣдный Тедъ! Еслибы онъ только не былъ вѣтренъ! Какъ жаль, Вальтеръ, что твой отецъ умеръ!

«Вамъ нечего за него бояться, маменька,» сказалъ Вальтеръ, цѣлуя ее въ лобъ: «я двумя годами старше его и, право, имѣю надъ нимъ нѣкоторое вліяніе.»

Руоъ сошла опять внизъ, и вскорѣ за тѣмъ подали обѣдъ. Но Тедъ явился не прежде, какъ когда уже все снимали со стола. Однако онъ этимъ не смутился.

«Ничего, сказалъ онъ, я безъ сомнѣнія найду себѣ чегонибудь поѣсть въ кухнѣ.»

Его мать принялась было выговаривать ему, но не успѣла еще вымолвить и двухъ словъ, какъ послышался голосъ мистера Эдуарда, кричавшаго слугамъ, чтобы они дали ему «чегонибудь поклевать, потому что онъ страшно голоденъ.» Леди Дугласъ закрыла глаза, а Вальтеръ засмѣялся и сказалъ: «Когда-то остепенится этотъ молодецъ!»

Цѣлая недѣля прошла совершенно счастливо. Тедъ каждый день бѣгалъ съ Руою къ Бѣлымъ Воротамъ на встрѣчу къ почтальону, между тѣмъ какъ Вальтеръ преспокойно сидѣлъ у камина съ книгой въ рукахъ. Тотъ же Тедъ сопровождалъ ее къ морю, когда оно особенно сильно волновалось, и самъ подходя

подъ брызги волнь, не позволяя ей переступить за черту, до которой они не доходили. На дѣлѣ вышло, что Тедъ заботился о ней и во всемъ помогаль ей, тогда какъ Вальтеръ только воображалъ себя ея рыцаремъ и думаль, что если бы не онъ, то ей бы плохо приходилось отъ его шалуна братца. Прогулки на свѣжемъ морозномъ воздухѣ вскорѣ возвратили румянецъ щечкамъ Руои и когда она утромъ въ Рождество шла съ Тедомъ въ церковь, то имѣла очень веселый и бодрый видъ. Она не чувствовала ни малѣйшей робости съ Тедомъ и въ прогулкахъ съ нимъ, всегда рѣзвая, она совсѣмъ не походила на ту Руою, которая сидѣла въ гостиной съ леди Дугласъ и Вальтеромъ.

Въ это утро они были особенно веселы: бѣгали, танцовали и прыгали. Но, подходя къ церкви, они успокоились, сдѣлались серьезнѣе и начали чинно разговаривать.

— Я нахожу, что гораздо пріятнѣе идти пѣшкомъ; а вы какъ думаете?

«Что до меня касается, то я ненавижу кареты и люблю ѣздить только тогда, когда правлю, но этотъ дуракъ кучеръ даетъ мнѣ возжи въ руки, лишь тогда, когда дорога идетъ въ гору.»

Вспомнивъ о томъ, какъ они наѣхали на камень, Руою подумала, что это весьма благоразумно со стороны кучера, и потому поспѣшила переменить разговоръ.

— Не чувствуете ли вы себя особенно счастливымъ въ Рождество, Тедъ?

Тедъ просвисталъ какую-то пѣсенку, а потомъ сказалъ ей:

«Надо вамъ сказать правду, Руоъ: я не люблю Рождество! Я этого никогда никому до сихъ поръ еще не говорилъ» — и онъ опять засвисталъ.

Руоъ была такъ удивлена, что въ первую минуту не могла опомниться. И только когда Тедъ пересталъ свистѣть, она собралась съ мыслями и съ упрекомъ воскликнула: «О, Тедъ!» а потомъ робко прибавила:

«Не скажете ли вы мнѣ, почему вы такъ говорите?»

— Вы хотите, чтобы я сказалъ вамъ вещь, о которой никогда никому не говорилъ. Вотъ въ чемъ дѣло: съ тѣхъ поръ, какъ умеръ папенька, — этому уже четыре года, — маменька бываетъ въ этотъ день особенно грустна, и никогда не позволяетъ намъ поздравлять ее съ Рождествомъ и желать ей веселыхъ праздниковъ. Вотъ почему этотъ день бываетъ для меня такъ тяжелъ.

«Но, Тедъ, я слышала, и чувствую справедливость этихъ словъ, что какъ бы ни были грустны и несчастны люди, причина, по которой они должны радоваться Рождеству, такъ не похожа на все, что можетъ случиться съ ними на землѣ, на столько выше всего другого, что.... я боюсь, что не сумѣю выразить моей мысли, но вы понимаете меня и знаете гораздо болѣе, нежели я.»

— Ахъ, Руоъ, я хотѣлъ бы знать столько, сколько вы знаете, сказалъ онъ чистосердечно: — Вальтеръ и маменька думаютъ, будто я нисколько не забочусь ни о

книгахъ, ни о хорошемъ поведеніи, но, право, Руѳъ, я думаю объ этомъ, если не всегда, то покрайней мѣрѣ очень часто. Я желалъ бы, чтобы вы меня научили быть добрымъ, кто васъ научилъ этому?

Руѳъ улыбулась тому, что Тедъ думалъ, будто она знаетъ болѣе его и сказала: «Вы напрасно думаете, что я могу васъ научить чему нибудь. Но мнѣ кажется,» прибавила она тихимъ голосомъ, «Богъ научилъ меня радоваться Рождеству.»

Тедъ не отвѣчалъ и она продолжала:

— Конечно, я съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, всегда знала о значеніи этого дня; но до этого года я никогда не думала о немъ серьезно. Теперь я съ нетерпѣніемъ желаю услышать пѣніе прекраснаго гимна: «Ангелы посланники поютъ,» и личико ея освѣтилось удовольствіемъ.

«Но Богъ не всѣхъ учитъ, Руѳъ,» возразилъ Тедъ печально.

— Онъ всѣхъ учитъ, потому что всѣхъ одинаково любитъ, Тедъ. Но не всѣ хотятъ учиться.

«Я думаю, Руѳъ, что и со мной тоже самое и что и я не хочу научиться этому.»

— О, не говорите такъ! серьезно сказала она: я надѣюсь, что сегодня въ церквѣ вы научитесь радоваться Рождеству. Ахъ, да, вѣдь сегодня церковь должна быть убрана зеленью, неправда ли? Я было совсѣмъ объ этомъ забыла! О, сегодня всѣ должны быть счастливы!

«Я хотѣлъ бы походить на васъ, Руѳъ!»

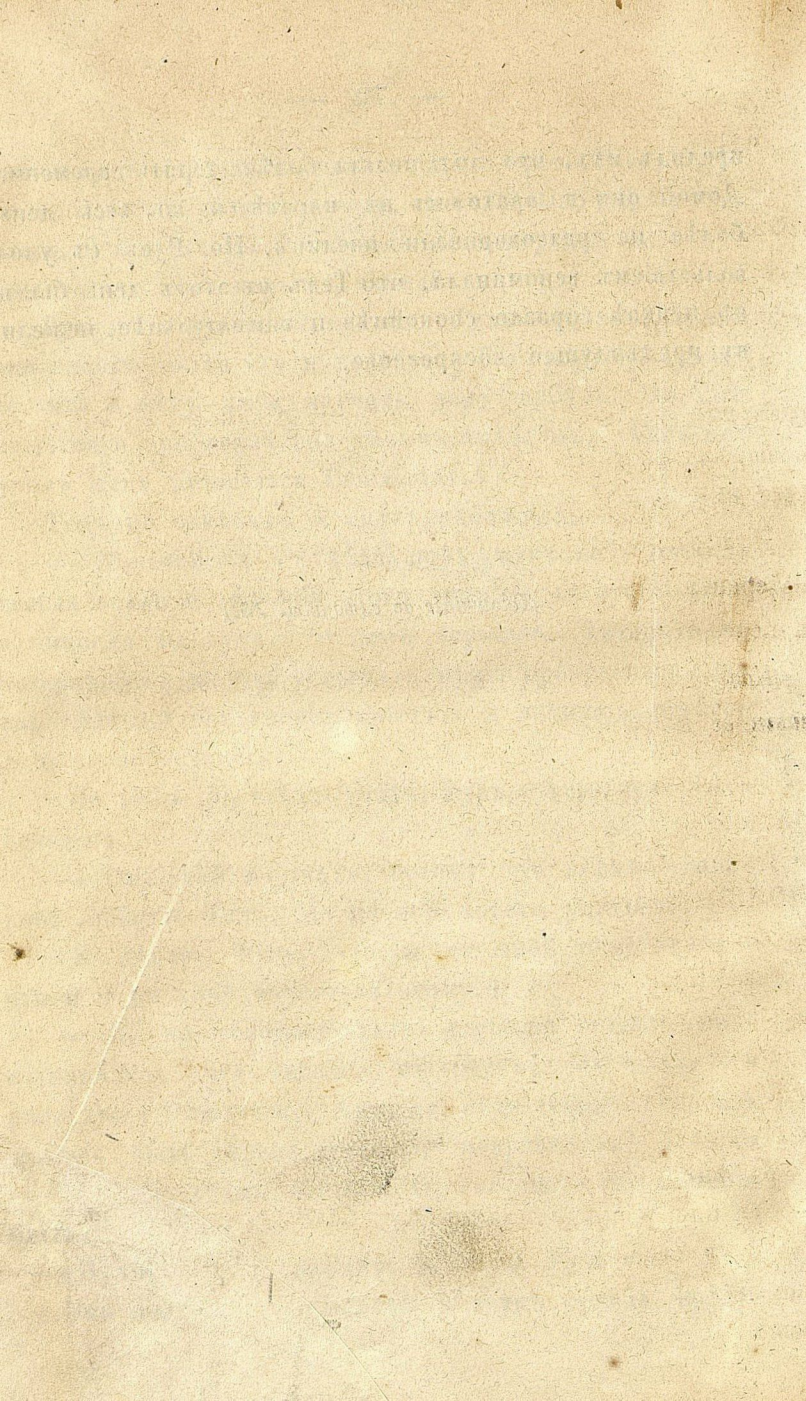
Они подошли къ церквѣ и звукъ органа преду-

предилъ ихъ, что имъ нельзя болѣе терять времени. Домой они возвратились въ каретѣ и во весь день болѣе не разговаривали наединѣ. Но Руоъ съ удовольствіемъ вспоминала, что Тедъ въ этотъ день былъ въ церквѣ гораздо спокойнѣе и внимательнѣе, нежели въ предъидущее воскресенье.

М. Колинъ
(Окончаніе въ слѣдующ. №.)

М

4114

Журналъ «ПОДСНѢЖНИКЪ» выходитъ въ концѣ
каждаго мѣсяца, книжками отъ 140 до 200
страницъ. Смотря по содержанію статей, въ жур-
налѣ будутъ помѣщаться картинки, чертежи, геогра-
фическія карты, планы и проч.

ЦѢНА за **12** книжекъ въ годъ **ШЕСТЬ**
рублей, съ доставкою на домъ — **СЕМЬ руб.**,
съ пересылкою въ города **СЕМЬ руб. ПЯТЬ-**
ДЕСЯТЬ коп. сер.

Для учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Ми-
нистерству Народнаго Просвѣщенія, **ШЕСТЬ руб.**
съ пересылкою.

*Казенныя учебныя заведенія могутъ доставлять
деньги въ теченіи 1862 года.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ — въ конторахъ журнала
«ПОДСНѢЖНИКЪ»: при книжныхъ магазинахъ Ва-
силія Алексѣевича Исакова, на Невскомъ проспектѣ,
противъ Католической церкви, и Д. Е. Кожанчикова,
на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Демидова.

Въ Москвѣ — въ конторѣ журнала «ПОДСНѢЖ-
НИКЪ», при книжномъ магазинѣ Н. Щеркина и К^о,
на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина.

Въ тифлисѣ — у книгопродавца Беренштама.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ адресо-
вать свои требованія исключительно въ редакцію жур-
нала, въ С. Петербургѣ, на Мойкѣ, близъ Пѣвческаго
моста, въ домъ княгини Волконской.

Каждый № журнала «ПОДСНЪЖНИКЪ», по выходѣ, сдается въ наглухо заклеенномъ пакетѣ въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта и дальнѣйшее отправленіе журнала зависитъ уже отъ Экспедиціи. Поэтому, неполучившіе какого-либо № журнала «ПОДСНЪЖНИКЪ», благоволятъ адресоваться съ просьбами о высылкѣ книжки къ господину С. Петербургскому Почтъ-Директору.

